

Главный редактор –
Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Галина МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
Николай ГОЛОВКИН
nikgolovkin@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Рита ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Николай АЛЕКСЕЕВ

Адрес:
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Телефон:
8 (916) 717-38-09

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
nikgolovkin@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕИ

Владимир КРУПИН
Шмелёв – молитва о России4
Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА
Храм на холме48
Валентин СУХОВСКИЙ
Удивительная судьба85

ПОЭЗИЯ

Раиса РОМАНОВА
Тризны7
Диана КАН
Новые стихи18
Николай ГОЛОВКИН
«А мне бы вот только услышать ваш голос...»34
Алексей ЕВДОНОВ
Из дневника морпеха54
Нина ПОПОВА
Из цикла «Солдатские матери»82
Татьяна ШУВАЛОВА (ПЕТРОВСКАЯ)
Песня багряная нашей любви136
Евгения ШАРОВА
«Хочу принадлежать к понявшим жизнь...»141
Сергей КОБЕЛЕВ
«Горит полночная звезда...»175

СОБЫТИЕ

Юрий ПРОКОФЬЕВ
Партия государственников,
отстаивающих национальные
интересы своей Родины13

ИНТЕРВЬЮ

о. Сергей БАРАНОВ
Священником нельзя быть без Христа26

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(9) 2013

Выходит четыре раза в год

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель:
Макеева С.Г.

Издатель:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»

Подписано в печать 22.10.13.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ 7263.

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2013
© Авторы, 2013

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Юрий РЫЧЕНКОВ
Иллюзия жизни.....42
- Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА
«О вечном примирении и жизни
бесконечной...»: роман И.С. Тургенева
«Отцы и дети»183

ПАМЯТЬ

- Инесса ИЛЬИНА
Воспоминания о Юлии Карповне
Сперанской, актрисе Театра
братьев Адельгейм.....58
- Александр СВИРИДОВ
Первый бой.....72
- Анатолий УВАРОВ
Осенние мотивы.....149

ВЕРНИСАЖ

- Кира ГАВРИЛОВА
Духовная Радость.....61

ПЕСНИ СЛАВЯНСТВА

- Детелина МАРИНОВА
Тишина.....69
- Лалка ПАВЛОВА
«Мечта о безумных ночах...».....87

ПРОЗА

- Сергей ДУБЯНСКИЙ
Кирилл и Ян.....91
- Алла СИНЬКОВСКАЯ
Жара146
Мечта.....147
- Александр АБДУЛАЕВ
Не оглядывайся назад.....154

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Всё происходящее сегодня свидетельствует о том, что мир стоит на пороге больших перемен. Последние лет десять о переменах говорили слишком много и слишком многие, так что эти разговоры во многом перестали восприниматься всерьёз, но именно сегодня почти никто не сомневается в том, что нынешняя модель мироустройства исчерпала ресурсы своей жизнеспособности. С одной стороны, «мировой жандарм» всё так же агрессивно претендует на право вмешиваться в дела всех остальных. С другой стороны, всё больше сил в мире готовы поставить под сомнение это сомнительное право и с нетерпением ждут наступления часа открытого противостояния. Бурлит и клокочет пассионарная Азия. Грезит большими грёзами инфантильный, потерявший чувство реальности Запад. На смену идеологии, как средства манипуляции человеческими массами, уверенно вышел религиозный фактор. Кризис духовности приводит к тому, что признаки онтологического безумия всё отчетливее проступают в масс-культуре и бытовых реалиях. Уход от традиционной линии развития неизбежно ведёт евро-американскую массу в пропасть постмодернистского *ничто*, но думать об этом не хочется никому. Культ доллара (пресловутый, но от этого не менее реальный и губительный) привёл к интеллектуальной деградации значительной части мировой элиты. Евроатлантическая цивилизация утратила чувство реальности и готова идти до конца в стремлении к самоуничтожению. Разного рода «меньшинства» уже имеют едва ли не больше прав, чем нормальные люди. Политика окончательно превратилась в симулякр. Неписанные гуманистические законы и христианские заповеди фактически не действуют в условиях общеевропейской тенденции духовного оскудения...

Журнал «Великороссъ» на русском рубеже продолжает отстаивать высокие принципы верности национальному началу, братства народов и духовной целостности нашей великой многонациональной России. Тому свидетельство – творчество наших авторов, представленных в этом номере.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Действительный член Петровской Академии наук и искусств

3 октября 2013 г. –
140 лет со дня рождения И.С. Шмелёва

Шмелёв – молитва о России

Россия, Русь, вижу тебя из прекрасного далёка.

Н.В. Гоголь

Революция внесла в русскую жизнь понятия: Зарубежная Россия, Русская православная церковь за рубежом и, как следствие, Русская литература Зарубежья. В этой литературе были имена Бунина, Зайцева, Куприна, Ремизова, Замятина, Набокова, Георгия Иванова, Адамовича, Бальмонта, Ходасевича, Туроверова, Гиппиус, Саши Чёрного, Мережковского, других. Об их трудах в Советской России и знать не знали, но после 20-го съезда КПСС (1956) имена эти стали возвращаться в СССР. А после его развала они окончательно стали частью единого литературного процесса русской литературы. Конечно, Бунин первенствовал.

Но не все прислушались к мнению великого русского философа Ивана Ильина, тоже «зарубежника», как раз он-то ставил на первое место труды не Бунина, а Ивана Сергеевича Шмелёва.

Что говорить, проза Бунина замечательна, но иногда в ней мысль и чувство ставятся на первое место, тогда как проза Шмелёва одухотворена, окроплена живой небесной водой Богопознания. Она действует на душу, а не на нервы. Она улучшает человека, делает его чище, даёт надежду на спасение. Это легко пояснить на примере двух работ: «Окаянные дни» Бунина и «Солнце мёртвых» Шмелёва. То и другое об ужасах революции и Гражданской войны. То и другое читается и будет читаться. Но «Окаянные дни» полны ненависти к большевикам, а «Солнце мёртвых» – это реквием скорби и страдания, взывает к молитве за невинных и виноватых. А ненависть не может родить милосердия.

Вернулся Шмелёв в Россию своими книгами. Своим прахом – упокоился на Донском кладбище, близ родных мест Москвы, многократно описанных. Из книг, конечно, прежде всего, было

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живет в Москве.

прочтение повестей «Лето Господне» и «Богомолье». Вряд ли вообще в нашей литературе есть такое тончайшее исследование обращения человека к Богу. И одновременно такого описания событий, когда строчек не видишь, они растворяются, а в тебе полное ощущение, что ты и сам участник событий. Это ты вместе с богомольцами идёшь к преподобному Сергию, вместе со всеми готовишься к Рождеству, к Пасхе, такое ощущение, что ты слышишь колокольный звон, который начинается в Кремле, и его подхватывают колокольни всех московских храмов. А когда живописуется Крестный ход «На летнюю Казанскую», то и колокола слышишь, и видишь это неостановимое, могучее движение крестоходцев, видишь это колыхание стягов, хоругвей, сияние серебряных и золотых окладов, блеск священнических облачений, видишь мальчишек на заборах, видишь все распахнутые окна и в них радостные лица. Идут молитвенники всех московских приходов, несут святыни своих храмов, идут и непрерывно поют хоры певчих, праздник жизни! Вспоминая Крестный ход, автор пишет от имени мальчика (а это и есть автор): «Не помню, снились ли мне ангелы».

Как важны в детстве одухотворённые, возвышенные чувства, по ним, как по камертону, настраивается вся будущая жизнь. Вряд ли писатель Шмелёв состоялся бы, если б не его отроческое паломничество к преподобному Сергию, если б не встреча со старцем Гефсиманского скита Варнавой, если бы не благословленная этим старцем поездка Шмелёва на Валаам. Фактически повесть «На скалах Валаама» и была рождением великого писателя. А ведь, если б не старец Варнава, лишились бы мы писателя Шмелёва.

«Я питал ненасытную жажду “знать”. И я многое узнавал, и это знание вводило меня от самого важного знания – от Источника Знания, от Церкви». Это Шмелёв уже в Зарубежье вспоминает начало писательства. Что-то же потянуло его на Валаам. Что-то его, уже почти обезбоженного вихрями революционного брожения, привело в Лавру, к старцу, за благословением. Пятнадцать лет минуло, как он был у старца вместе с наставником своим Михаилом Панкратовичем Горкиным («Богомолье»), и вот: «Я как будто прежний, маленький, ступаю робко... “благословите, батюшка, на путь...” Думал ли я тогда, что путь пойдёт за Валаам, на всю Россию, за Россию? ... Не думал. А он? Он благословил – “на путь”. Смотрит внутрь, благословляет. Бледная рука, как та, в далёком детстве, что давала крестик. А теперь?... Дал крестик и благословил “на путь”. Крестик и страдания и радость. Так и верю» («У старца Варнавы»).

И навсегда главной нотой писательства стало убеждение, «что христианство есть откровение Божества в истории... Это глупые люди писали раньше – па-де-ние Римской Империи. Не падение, а по-бе-да! Из такой нивы вырос такой колос, наш Поводырь – Христос! И сказал: Империя Моя во весь свет! И оборотился ко всем народам... Вот во что надо ударять России».

А как много доброго в памяти народной сделало и делает шмелёвское «Поле Куликово». Но представлять Шмелёва как исключительно православного писателя было бы неверно. Он писатель и в самом обычном значении этого слова, то есть писатель, которому близки и дороги все грани человеческого бытия. Он продолжил традиционную для русской литературы тему «маленького человека» повестью «Человек из ресторана». Он исследует состояние русского общества времён Первой мировой войны, хлётко и безжалостно показывает так называемый «цвет общества», творческую интеллигенцию, насквозь пропитанную пошлостью и развратом («Солдаты»), он воспеваает любовь земную как любовь, озарённую отсветами любви Божественной («Пути

небесные»). И тяжёлую, навалившуюся вдруг на пожилого человека любовь к молодой красавице («Иностранец»).

Необычайно силён Шмелёв, описывая тончайшие движения души человеческой, особенно отроческой. Непревзойдённый роман «История любовная», в котором главный герой, уже не отрок, но ещё не юноша никак не может решить, кого же он любит: умную Зинаиду или неграмотную Пашу. И насколько же Паша выше и чище Зинаиды. Но наша-то главная симпатия – сам главный герой, милый мечтатель, влюбчивый, искренний, он с таким потрясением для себя открывает весь ужас холодного разврата Зинаиды и постигает любящее сердце Паши, уходящей в монастырь молиться за него, и это всё так написано, что мы всё и всех видим. И удивительный, утешающий и просветляющий финал романа:

«Как-то под вечер я шёл из сада, и у самой калитки столкнулся с прелестной девушкой, подростком. Она?.. Тоненькая, стройная... бледное личико, робкие, узенькие плечи, совсем детские локотки, стягивающие вязаный платочек, словно ей холодно. Она взглянула, пытливо-скромно. Бойко закинутые бровки, умные, синеватые глаза. Они опалили светом... Залили светом – и повели за собой, в далёкое».

Договорим за автора, ибо эта-то девушка и стала женой Ивана Сергеевича и прожила с ним тяжелейшую, страшную жизнь: гибель сына, изгнание, бедность. И очень непростую жизнь в русской колонии Франции.

И об эмиграции много у Шмелёва. И безкомпромиссное обличение сытости одних и бедности других. И справедливое разделение русских на высланных, изгнанных и на бежавших из России по своей воле. И каким упрёком эмигрантам читался удивительный рассказ «Журавли» про девушку Алю, возвращающуюся в Россию на верную смерть.

Что касается языка Шмелёва, то он настолько велик, что он-то во многом и сделал самого Шмелёва великим. Тут и доказывать нечего, надо сесть и читать роман «Няня из Москвы».

Ещё ждут исследователя такие грани шмелёвского дарования, как его тончайший юмор. Для примера взять рассказ «Как я ходил к Толстому». Но пересказывать его – только портить впечатление. Очень смешной, но очень, одновременно, серьёзный. Как банщик Ванюшка всё читал-читал графа Толстого, «дни и ночи всё читал, дело забросил... ну, в башке у него и перемутилось, стал заговариваться, да сухие веники и поджёт! Знаете наши сухие веники – порох, чисто».

И до чего же славно и весело читать двухтомник «Два Ивана», это переписка Ивана Шмелёва и Ивана Ильина. Им под шестьдесят и за шестьдесят, а они как мальчишки гимназисты шутят, разыгрывают друг друга, пишут и рисуют шаржи на писателей и поэтов русского Зарубежья. Иван Ильин очень хотел, чтобы Нобелевскую премию дали Шмелёву, не от какой-то престижности её, от того, что она могла бы помочь выкарабкаться из безденежья. Ещё выдвигался и Мережковский и надеялся Набоков. Получил Бунин. Но это тоже очень хорошо. Европа с большим запозданием начинала понимать, что русская литература – ведущая в мире.

Есть, есть читатели и ценители русской литературы. И всегда желающие припасть к родниковой чистоте русского языка будут читать прозу Шмелёва. А ещё и для того, чтобы понять: что стряслось, что случилось с Россией в двадцатом веке, и как она всё же смогла выжить и победить.

ПОЭЗИЯ

Раиса РОМАНОВА

Раиса Александровна Романова – родилась в городе Мензелинске Татарской АССР. Большая часть детства прошла в селе Защитном Шигровского района Курской области и в Курске, где в 1960 г. она окончила среднюю школу. Первая публикация – 1 января 1960 г. в областной молодёжной газете «Молодая гвардия». После двух лет обучения на филологическом факультете КГПИ неожиданно выдержала творческий конкурс в Литературном институте им. А.М. Горького и держала экзамены. Окончила Литинститут в 1971 г. Автор нескольких поэтических сборников. Член Союза писателей с 1979 г. Член творческого бюро секции поэзии Московской городской организации Союза Писателей России с 1995 г. Член-корреспондент Академии Поэзии России.

Живёт в Москве.

30 сентября 1988 года после тяжёлой болезни безвременно ушла из жизни известная русская поэтесса Светлана Александровна Кузнецова.

Сегодня «Великороссъ» предлагает вниманию читателя цикл стихотворений «Тризна» Раисы Романовой, дружившей в то время со Светланой Александровной. Этот цикл публиковался в 1991 году в малотиражной книге Раисы Романовой «По следу Челубея», а также отдельными частями в различных газетах и журналах.

Тризна

Памяти Светланы Кузнецовой

I

Твой сокрушённый дух уходит.
Всё уже круги бытия.
И неприкаянная бродит
Судьба угрюмая моя.

Как робко жизни прислонились
Друг к другу – речь свою вести!
Не плакали, не веселились, –
Лишь удивились: по пути!

Пусть станет не лицом, а ликом
За гранью дней судьба твоя, –
Пойми: ни шёпотом, ни криком
Прощаться не желаю я.

Но коль разлука неизбежна, –
Сроднюсь с надеждою большой:
Что обойдутся духи нежно
С твоей обиженной душой.

II

Дыханье тленья...
Шок судеб, событий...
Со смертью,
 как с Вергилием,
 бредём...
И Ариадна
 скручивает нити,
Свивает в жгут
 и вяжет их узлом.
Катарсис –
 терапия Еврипида!
Наивен
Музы с лирой перезвон,
Когда страшной
 Чернобыля и СПИДа
Согласный грай
 токующих ворон.
Я вам не Качер!*
 Сами хороните!
Иль ныне жизнь –
 Цепочка похорон?!
Паллиатив торжественных закрытий
Судеб?! –
И главных слов ладью
 Харон
Ведёт –
 и путь смердит
 рекламой тленья,
Меридианы жил земных
 гудят, –
И всходят,
 всходят,
 всходят поколения
На эшафот
 возмездий и расплат?..
Народ ли
 вены вскрыл, –

* Качер – милый человек, у которого служебная обязанность – организация похорон писателей. Работник Литфонда.

Еще не рабью,
 кровь предъявить Земле,
 как эликсир, –
Чтоб,
 гладь беспамятства
 подёрнув рябью, –
От свежих струй горячих
 вздрагнул мир?!

III

Мы наших мёртвых похороним.
Но не уроним нашу честь.
Хоть предоставим посторонним
За поминальный стол наш сесть.

Вы приобцились к нашей славе.
Вы притулились к ней плечом.
Но вы не в праве, вы не в праве
Здесь слова молвить ни о чём.

Мы стерпим всё. Мы отсидимся
В сырых промозглых блиндажах.
Но с рабской мыслью не смиримся.
Мы в подземельях выжжем страх.

И снова выйдем на просторы,
Которым равных в мире нет.
Поскольку мы из тех, к которым
В опасный час взывает свет.

IV

Вас поглотили октябрь и ноябри.
А осень править продолжает свои тризны.
Гори, рябина сердобольная, гори
Над изголовьем обмирающей Отчизны!
Гори, звезда сих непроглядных жёлтых дней,
Свети впотьмах над сердцу близкими гробами!
Склоняй лучи свои несытые ко мне –
И пей по капле жизни выстуженной пламя!
Всё забрала. Всё записала в свой кредит.
Всё оприходовала. Всё залитовала...
И сердцу радость бесшабашная претит.
И духа светлая година миновала.

V

Ты сказала: – Ну что ж, пожила...
 А в глазах твоих слёзы стояли.
 И одна из слезинок сползла
 На бессмертные наши скрижали.
 На шагреневый тот переплёт,
 Что в руках твоих как бы сжимался,
 Да на лист недописанный тот,
 Что над целою жизнью смеялся.
 Отгордились твои соболя.
 Не хранят сердцу милые стены.
 О, твой вкус оценила земля
 С чернотой её несравненной*.
 И подумала я: серебро
 Голубой осквернённой Сибири
 И своё золотое перо
 На кого покидаешь ты в мире?!
 Чёрны вороны в небе снуют.
 Чёрны речи над Русью клубятся.
 Чёрны страхи над миром встают.
 Чёрны замыслы в думах толпятся.
 Забери их, колдунья, с собой.
 Чтоб лазурь твоя только осталась.
 Чтоб над нашей зловещей судьбой
 Не куражилась чернь, не смеялась.

VI

Ты умирала бабьим летом,
 От жизни призрачной устав.
 Окно палаты жёлтым светом
 Сопровождало дней состав.
 Был головной вагон чуть виден,
 И чёрной краской – хвостовой
 Окрашен...
 Словно смерти вымпел,
 Дрожал прощальный голос твой.

 Хор ангелов
 легко кружился
 В юдоли кунцевской твоей.
 В моём сознание сонм теснился
 Ответственных секретарей.

* В жизни, равно как и в стихах, Светлана фанатически любила чёрный цвет. Он стал буквально спутником последних десятилетий её жизни.

А ты сказала, что бессмыслен
 В дали времён и сам язык,
 Что мы от призрака зависим,
 Что слух к химерам лишь приник.

Что жизнь дана была на радость
 И право – весело глядеть,
 Да сложена на лист тетрадный,
 Который вымаран на треть.

И что хорош режим советский,
 Свободы наши

хороши.

И что «Отчизна» –
 Только детский,
 Бессильный

вымысел души.

VII

И страсть, и молодость проходит, и любовь,
 И горстка праха в общей стенке остаётся.
 Я раньше думала: мы сильные с тобой,
 Поскольку мыслим – и строка из сердца
 льётся.

А если что... Не в пустоте, – с людьми идём!
 И Гиппократу упования всё же святы.
 И в государстве нашем, сильном, молодом,
 Цветут, как лилии, стерильные халаты.

Но жизнь учила – и за каждый вольный
 вздох

Дарила стоном и утратою – не боле.
 И стало видно, что погост – венец дорог,
 А наши строки – приговор счастливой доле.

И коль талант не уберёт нас и любовь,
 Пора признать, что мы отчаянные дуры,
 Что голубей собольей нынче волчья кровь
 И мало спутников у похоронной фуры.

Гроб голубой – престол возвышенных
 страстей.

К нему ты мыслями тревожными летела,
 Когда парила в безответной пустоте
 Твоя душа, пренебрегая правдой тела.

Вороны с воронами лгут наперебой,
Кордебалет ведут сатиры и амурь.
И там, в гробу, наполовину я с тобой,
А вслед глядит кокотка от литературы.

VIII

Как чернobarхатные маки
Из горьких тайн твоей души,
Каббалистические знаки
В тетрадной вызрели глуши.
Кто поливал их, кто лелеял?
Кто холил?!
Ядом кто поил?!
Кто, тёмный, в Книгу Судеб
Вклеил
Шифровки эти чёрных сил*?
Колдунья!
Светлые печали
Надежды, Веры и Любви
При жизни редко навещали.
К могиле выйдут.
Позови!

29 – 30 сентября – 1 октября 1988 г.

* В жизни, равно как и в стихах, Светлана фанатически любила чёрный цвет. Он стал буквально спутником последних десятилетий её жизни.

Партия государственников, отстаивающих национальные интересы своей Родины

15 мая 2013 года Министерство юстиции РФ зарегистрировало новую политическую партию России – Всероссийскую социалистическую народную партию «Отчизна».

Юрий Анатольевич Прокофьев родился в 1939 г. в г. Муйнаке Каракалпакской АССР. Окончил Московский автомобильно-механический институт (1962), заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС (1972). Кандидат экономических наук. Первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1989–1991), член Политбюро ЦК КПСС (1990–1991). Ныне – Президент неправительственной организации «Фонд стратегической культуры», Председатель Президиума Всероссийской социалистической народной партии «Отчизна». Живёт в Москве.

Немного предыстории

Решение о создании политической партии социалистической направленности было принято в 2004 году общественной организацией сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, офицеров армии Российской Федерации.

Чем было обусловлено это решение? Прежде всего тем, что подавляющее большинство граждан России в той или иной степени придерживается левых взглядов, о чём говорят все социологические исследования, а также твёрдым убеждением, что социализм для России является не прошлым, а будущим.

Экономические и социальные потрясения в мире убеждали в неперспективности либеральной модели развития общества, что как в зеркале отражалось в самой России. Капиталистическая, либеральная модель развития отбросила на десятки

лет назад её экономику, резко ухудшила положение населения, восемьдесят процентов которого живёт за чертой или на грани бедности. Разрыв между богатыми и бедными составляет несколько десятков раз, системной составляющей управления страной стала коррупция.

В мае 2005 года состоялся учредительный съезд. Проходил он в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве. Были избраны руководящие органы, приняты Устав и Программа партии. Партия получила название – **Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна»**, что значило:

– **Всероссийская** – партия всех регионов, граждан любой национальности и вероисповедования;

– **социалистическая** – партия социальной справедливости, построения подлинного социального государства;

– **народная** – партия ни каких-либо классов, прослоек общества, партия всего народа России за исключением экстремистов и компрадорской буржуазии.

Слово «**Отчизна**» подчёркивало, что это партия государственников.

В течение лета – осени 2005 года Партия не только приняла в свои ряды более пятидесяти тысяч человек, но и развернула активную деятельность. В регионах проводились «Дни пожилого человека», детские спортивные соревнования, в том числе и детей с ограниченными возможностями. Члены партии, альпинисты Пензы водрузили на одном из самых высоких пиков Памира знамя «Отчизны». На выборах в законодательное собрание Ярославской области в его состав вошли восемь представителей ВСНП «Отчизна». Принимали участие члены партии в выборах в муниципальные органы власти, мэров небольших городов.

В ноябре 2005 года пришло время регистрации партии в Минюсте РФ, были собраны и переданы в министерство все необходимые документы.

И как удар грома. В регистрации отказать. В чём причина? Одиннадцати (из пятидесяти тысяч) членам партии не хватало до восемнадцати лет двух-трёх месяцев. Снова готовим документы, снова сдаём в Минюст.

Через несколько месяцев снова отказ. Теперь причиной стало то, что у нескольких членов партии в паспортных данных отсутствовал код подразделения.

Стало ясно, что партию просто не хотят регистрировать. Обратились в Минюст, там откровенно сказали, что партию нам не регистрировать, и посоветовали трансформировать её в общественное движение с аналогичным названием и Программой. Провели съезд, приняли соответствующее решение.

Шестого сентября 2006 года Минюст РФ зарегистрировал **Всероссийское социалистическое народное движение «Отчизна»**.

Прошло шесть лет. Всё это время Движение сохраняло свой кадровый потенциал. Нельзя сказать, что все, но многие региональные отделения активно работали, регулярно, в соответствии с Уставом, проходили съезды, заседания Центрального Совета. Но это уже другая история.

После вступления в силу в мае 2012 года нового Закона о политических партиях девятого июня прошёл съезд Движения, на котором было принято решение о преобразовании Движения в Партию.

Проще было создать партию, как говорится, с нуля, так как преобразование требует времени, но преобладало мнение, что целесообразно сохранить название и стать правопреемницей реально существующего шесть лет Движения.

В настоящее время идёт активный процесс формирования и регистрации региональных отделений партии. В октябре предполагается провести первый съезд ВСНП «Отчизна».

В сборнике «Политические партии в Российской Федерации» размещён материал и о нашей партии, с которым, думаю, будет интересно ознакомиться и читателям «Великоросса».

Цели и задачи партии

Программа партии исходит из реального политического и социально-экономического положения, в котором находится наша страна, национальных интересов России и основных тенденций мирового развития в XXI веке.

Программа рассматривает три основные проблемы, стоящие перед Россией и имеющие фундаментальный характер.

Первая – обеспечение национальной безопасности и территориальной целостности России. По нашему мнению, отстаивание национальных интересов, как совокупности сбалансированных интересов личности, общества и государства, должно стать основой внутренней и внешней политики.

Вторая проблема – обеспечение подъёма качества жизни населения и увеличение его численности. Жизненно необходимо не только остановить и переломить негативные демографические процессы, но и добиться существенного увеличения численности, улучшения здоровья и качества жизни населения России.

Третья – это интеллектуализация нации и лидерство нашей страны в областях науки и техники, способных обеспечить опережающее развитие отечественной экономики.

В Программе содержится утверждение, что наиболее перспективной для развития человечества была и остаётся *социалистическая идея*. Социализм – это социально ориентированная экономика со смешанной формой собственности, регулируемый рынок, свобода выбора сфер экономической деятельности, политическое разнообразие, широкая демократия в сочетании с сильной государственной властью, строгим соблюдением прав личности и её ответственности перед обществом, обеспечение права граждан на труд, бесплатное образование и здравоохранение, господство закона, а не чиновников, построение международных отношений на принципе открытости и добрососедства.

С учётом того, что по-прежнему значительная часть российской элиты стремится вычеркнуть из истории страны советский период, а другая утверждает, что Россия – это молодое двадцатилетнее государство и не более того, в Программу включён следующий тезис: «ВСНП «Отчизна» считает единым тысячелетний исторический путь России. Россия – это и династия Романовых, и Советская власть, и нынешний, не самый простой и не самый удачный период её развития».

В разделах, связанных с социальной политикой, утверждается, что государство может и должно задействовать механизмы перераспределения, позволяющие всему населению уже в ближайшие годы выйти на реальный прожиточный минимум, а всем работающим обеспечить достойную зарплату.

В Программе утверждается, что перелом в решении демографических проблем наступит тогда, когда зарплата работающего позволит ему обеспечивать всем необходимым семью не менее, чем с тремя детьми.

Защита института семьи и стимулирование рождаемости должны быть приоритетом государственной политики.

В целях реальной борьбы с коррупцией выдвигается требование о подписании Россией статьи двадцатой Международной конвенции о борьбе с коррупцией.

В области экономики внесено положение, утверждающее, что стране требуется не только модернизация. Перед Россией вновь стоит вопрос о её индустриализации.

Партия выступает за изменение существующей либеральной модели экономики, как малоэффективной и не соответствующей традиционному укладу жизни нашего общества.

В Программу внесено положение о необходимости принятия мер в области экономики и финансов в связи со вступлением России во Всемирную торговую организацию – ВТО.

Партия считает, что одной из важнейших задач России в XXI веке является формирование передовой образовательной системы.

Нельзя забывать уникальный опыт великих ученых и педагогов Российской империи и Советского Союза, создавших уникальную систему образования, не имеющую себе равных во всем мире.

В разделе, связанном с вопросами духовности и нравственности общества, выражается тревога, что в сознании людей стираются такие понятия, как совесть, честь, милосердие, любовь к ближнему. Подчеркивается, что в вопросах духовности и нравственности ВСНП «Отчизна» своим союзником видит Церковь, священнослужителей всех основных конфессий России. Именно Церковь заложила и охраняет духовные и нравственные основы, культуру наших народов.

В области международной политики, в Программе поддерживается создание и деятельность Таможенного союза, ОДКБ, Единого экономического пространства.

Существующие интеграционные организации должны способствовать достижению более высокой её степени – создание Евразийского экономического сообщества.

Постоянной поддержки требует деятельность Шанхайской организации Содружества, говорится о необходимости дальнейшего организационного и экономического оформления БРИКС – организации сотрудничества Бразилии, России, Индии, Китая и Южноафриканского Союза.

Цели партии отвечают интересам абсолютного большинства населения страны: рабочих и служащих, представителей малого и среднего бизнеса, деятелей образования, науки и культуры, военнослужащих, молодёжи. Нам не по пути лишь с тем, кто стремится к безудержному обогащению за счёт других людей, не считается с интересами государства и общества.

Поэтому название партии означает:

– «Всероссийская» – это партия граждан России, независимо от региона проживания, национальности, вероисповедания;

– «Социалистическая» – это партия, выступающая за приоритет принципов социальной справедливости и социальной защищённости граждан России;

– «Народная» – это партия всех социальных групп населения, стремящаяся на практике реализовать принципы народовластия;

– «Отчизна» – это партия государственников, отстаивающих национальные интересы своей Родины.

ВСНП «Отчизна» – партия, целью которой является установление в стране порядка, честности и справедливости в интересах её народа.

Сведения о региональных отделениях политической партии

Политическая партия «Всероссийская социалистическая народная партия «Отчизна» создана путём преобразования Общероссийского общественного движения «Всероссийское социалистическое народное движение «Отчизна».

В настоящее время региональные отделения проходят процедуру регистрации в следующих субъектах Российской Федерации:

в республиках – Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чувашская,

в краях – Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский,

в областях – Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Московская, Новосибирская, Нижегородская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская,

в городах – Москва, Санкт-Петербург.

В Ханты-Мансийском автономном округе.

ПОЭЗИЯ

Диана КАН

Диана Елисеевна Кан – известная русская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Обречённые на славу» и др., а также многих публикаций в России и Зарубежье. Член редакционных советов журналов «Дон» (Ростов-на-Дону), «Аргамак» (Татарстан), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва), «Траектория творчества» (Калуга) и других. Руководитель единственного в стране литературного объединения «Отчий Дом», имеющего статус «народный коллектив».

Живёт в Новокуйбышевске.

Новые стихи

Сладкими восславленная снами,
Проклятая трижды наяву,
Полыхнёт – о, если б куполами! –
Сторона, что отчиной зову.

Полыхнёт – от края и до края!
Кабы знать – рассвет ли то? Закат?
Угли ада или розы рая
В небесах над отчиной горят?

Поцелуй Авроры розоперстой
Воспевала я сама не раз,
Позабыв: Аврора – это крейсер!
Только так заведено у нас!

Только так – от залпа и от залпа.
От одной Авроры до другой!
Только так у нас, привыкших залпом
Пить за здравье и за упокой.

Расцветай, Аврора, розой райской,
Адовым угольем небо жги.
Ведь чем дальше в нашей русской сказке,
Тем страшней, и не видать ни зги!

Пусть в кровавом роковом узоре
Через сутемь брэнной суеты
Встанут зори в пламенном уборе,
Обагрив на куполах кресты.

диана кан

Вновь одна на пристани стою.
Вслед смотрю большому кораблю...
Неужели ты меня покинул?
Неужели я тебя люблю?

Солнце вновь встречается с луной.
Чайки парой кружат надо мной.
И волна целуется с причалом...
Ну, а мне доколе быть одной?

Подо мной качается причал...
Ну, отколе эта грусть-печаль?
И доколе вслед волной влачиться?..
Милый ничего не обещал!

Ну, доколе, Коля-Николай?!
Сиди дома, Коля, не гуляй!
Посажался на корабль мой Коля.
«Лихом, – говорит, – не поминай!»

Россия, Русь... А дальше многоточие...
Что ж, в этот скорбный судьбоносный век
Обочину мы приняли за отчину,
И побрели по ней и в дождь, и в снег.

Мы люди Божие, калики перехожие.
Мы эмигранты в собственной стране...
Но как ни тщились, нас не изничтожили
Все те, кто мимо мчались на коне.

Все те, кто напылили-накопытили.
Все те, кому чертовски повезло.
Все те, кто записались в небожители
Родной земле отверженной назло...

...Под вопли автострадные-эстрадные,
Летящие в лицо нам пыль и грязь,
Идём-бредём пообочь, невозвратные,
На купола церквей перекрестясь.

И нам не надо с отчиной сцепления
Шипами оцетинившихся шин,
Когда у ног почти в благоговении
О вечном шепчет скорбная полынь.

Спой обо мне, обманутая Тоска!
А я, так и не понята никем,
Вздыхнув, запью печаль шампанским Боска
За неимением Шато-Икем.

Не то, чтоб вдруг. Не то, чтобы некстати.
Не то, чтобы надрыв или надлом.
Не то, чтоб я продрогла от проклятий.
Не то, чтобы вся жизнь пошла на слом.

Не то, чтоб мне сегодня было плохо...
Сегодня мне, пожалуй, всё равно!
Мерцает недопитая эпоха,
И не таковских утянув на дно.

Не то, чтоб потаскухой обозвали...
Не то, чтоб в этом не моя вина:
Потосковав наедине с бокалом,
В холодную постель ложусь одна.

Не то, чтоб стервой оказалась слава.
Не то, чтоб прикурить не дал никто.
Не то, чтоб у вина видок кровавый...
Не то, не то, не то, не то, не то!..

А просто дерзкой юности обноски
Вдруг стали обветшалы и тесны...
Не пьешь – так пой, обманутая Тоска,
В объятиях несбыточной весны!

Здесь время течёт иначе.
Здесь суетное не в счёт...
Под окнами старой дачи
Крапива вовсю цветёт.

Цветёт, не ведая скуки,
С повадками злой снохи.
И, словно к бабуле внуки,
К землице льнут лопухи.

Здесь время течёт, как Крымза
Несуетная течёт...
А то, что свекровку гримзой
Здесь кличет сноха – не в счёт!

Не в счёт, что сноха сварлива.
Крапивный у сношки нрав.
Уварится в щах крапива,
Судьбою-едьбою став.

Здесь времени и пространства
Навек неразрывна связь...
Твоим тридевятым царством
Отверженным становясь.

Небритый неприкаянный уставший
Опальный выдающийся поэт!
Забудь про наш, давно дуэлью ставший,
Трагический и творческий дуэт.

Ты снова приволок букет претензий,
Не в силах суету сует избыть.
А мог бы – мог бы! – мне букет гортензий
Хотя бы напоследок подарить!

Не мне клонить голову повинно долу.
Лелеять не тебе глухой укор,
Ведь всяк поэт своё выводит соло
Из зябкого забвенья на простор.

Когда звучат стихи, стихают звуки
Житейской неизбежной суеты...
...Подаждь нам днесь возвышенные муки
Позволивший нам звать Себя на Ты!

Караван-Сарайская – не райская!
Улочка горбата и крива.
Но цветут на ней сирени майские –
Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская
(Баба Настя так её звала) –
Улица с названьем Казаковская
Муравой-травой поросла.

Так живут – без лести, без испуга! –
Приговорены, обречены,
Улочки, что в центре Оренбурга,
Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:
Жили-выживали, кто как мог,
Хлопавшие ставнями-ресницами
На ветрах неласковых эпох?..

...Дерзости училась я у робких
Улочек, знакомых наизусть...
Железобетонные коробки
Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная –
Оренбуржье! Всё ты тут, как есть!
Дремлющая Азия саманная
И казачья яростная спесь.

Дом аспиранта МГУ.
А в просторечье – ДАС.
Хочу забыть, но не могу
Таких счастливых нас.

Таких несчастных нас с тобой
Я не могу забыть.
Ту обречённую любовь
Доселе не избыть.

Сквозь мутный гласности поток,
Сквозь плюрализма взвесь,
Демократизма едкий смог,
Сепаратизма спесь.

«Дас ист совковая страна!..» –
Нам не твердил немой.
Но на хрена нам, на хрена
Любви стесняться той –

К вдвойне обманутой войной,
Оболганной втройне,
К той ошельмованной родной
Растерзанной стране?..

... Сухой закон. Мы пьём вино,
Не чувствуя вины,
Так непростительно юны,
Так страстно влюблены!

На царской мантии зимы
Проталин вешних грязь...
Смущают юные умы
Равно и князь, и мразь.

Радеют рьяно за народ –
Не разберёт никто –
Искариот ли? Патриот?
Иль просто хрен в пальто?..

Нам гласность не нужна с тобой!
Хотя сюжет не нов,
Но наша юная любовь
Красноречивей слов!

Не нужен суверенитет,
Сепаратизма хлам,
Ведь жизни нет и смерти нет
Поодиночке нам!

Покуда пьём с тобой вино,
Не чувствуя вины,
Сжимается спираль Бруно
На шее у страны.

Пускай обманута страна –
В том не её вина!..
Пусть в магазинах ни хрена,
Зато в душе – весна!

Я узнаю твой знаменитый зной...
Ты не забыл, что я тебе родная?
Но ты, такой красивый и чужой,
Глядишь в упор, своих не узнавая.

Мол, ну, какой же ты, Диана Кан, поэт?
Разбойница, драчунья и бандитка!
А ты, хоть и моднее стал одет,
Не городок, а сто рублей убытка!

А если так, то нечего в упор
Смотреть на то, как я вернулась в детство,
Где был мне тесен душный твой простор,
Где зной знобил доверчивое сердце.

Не здесь ли – послушание само! –
Я постигала септаккорды-гаммы?
Здесь мной разбито не одно окно
И спичек уворовано у мамы!

...Ответь же мне без горестных насад –
И более я не задам вопросов! –
Куда ты подевал Татарский сад –
Отчизну лучших в мире абрикосов?

Там спелых яблок восковая спесь
Не раз подверглась моему набегу.
Там на любое дерево залезть
Умела я с хорошего разбега...

Ты это всё на новенький проспект
Сменял, чтоб стать как щёголь на картинке?..
...Мой древний город, дервиш и поэт,
Не мне судить тебя, твоей кровинке!

В полночной луноликой тишине
Дожить бы, дотянуть бы до рассвета!..
От щедрых предков перепало мне
Лишь это огнедышащее лето.

Пока ещё ты славой не заласкан,
Хотя уже, похоже, взят в прицел,
Несмешливо возьму тебя за лацкан,
Пока ты высоко не улетел.

На лацкане медаль лауреата
Соперничает с розою любви...
Соседство их не то, чтобы приятно,
Но устоял хоть кто-то? Назови!

Из тех, кто славой искушён-услышан,
Никто не озаботился всерьёз,
Что на пути, какой суждён нам свыше,
Шипов куда поболее, чем роз.

Твой путь-высок ведёт тебя далече.
Огонь и воду ты перепластал.
Но предстоит она – со славой встреча
И медных труб обманный драгметалл.

Драк и метаний истинным итогом
Да будет вдохновения полёт!
Лишь этим оправдаемся пред Богом,
Который всё простит и всё поймёт.

ИНТЕРВЬЮ

о. Сергей БАРАНОВ

Священником нельзя быть без Христа

У него добрые, лучистые глаза, которые, кажется, живут своей обособленной жизнью на широком лице, окаймлённом бородой. Глаза эти освещают лицо, и от того кажется, что на нём, как на маленькой планете, навсегда поселилась улыбочка. Даже когда он серьёзен, это ощущение сохраняется, и хочется подойти и назвать его светлым именем: «батюшка».

Я боюсь попасть в число незадачливых авторов, ведь отца Сергея (в миру Баранова) хорошо знают в Орске, в областном центре, в Оренбуржье. И не только. Его имя известно в Москве, Санкт-Петербурге и даже на далёком греческом острове Афон.

Для большинства людей священник ассоциируется с храмом. Строгий, величественный. Но в храм идёт далеко не каждый. А отец Сергей очень доступный и открытый. Поэтому, когда я встретил его на выставке иконописи, а чуть позже в качестве автора и ведущего спектакля «О любви» народного молодёжного театра-студии «Встреча», то испытал удивление. Я впервые видел, чтобы человек духовного сана просто и со знанием дела говорил об искусстве и творческом предназначении человека.

А потом я узнал ещё о многих делах в совершенно разных сферах, с которыми так или иначе связано имя этого священника.

Сегодня отец Сергей – гость журнала «Великороссъ», он рассказывает и размышляет...

О детстве

Вы меня спрашиваете о самом ярком детском впечатлении? Для меня всё детство – яркое. Я родился в небольшом шахтёрском городке Гае Оренбургской области в обычной мирской семье. Вундеркиндом среди своих детских товарищей точно не был. Скорее, был лентяем. Уроки не любил учить. Точные науки – это не моё. Больше всего привлекала физкультура. Серьёзно занимался баскетболом, даже ходил в спортивную школу. Но это было то, что называется поисками самого себя в жизни.

Протоиерей Сергей Баранов – руководитель православного приюта для бездомных г. Орск Оренбургской области. Живёт в Орске.

О вере

А пришёл к вере осмысленно. Сначала несколько лет работал в храме, знакомился с людьми, узнавал церковную жизнь изнутри. Потом учился в Самарской духовной семинарии. Рукоположился в 1994 году. Считаю, вера необходима каждому. И не понимаю тех, кто считает: достаточно быть порядочным человеком, чтобы войти в Царствие Божие. Они, на мой взгляд, не понимают самой глубины: почему Богу надо было стать плотью, и потом, обретя эту плоть, ещё и взойти на крест. Ведь это великая трагедия, должна была быть очень серьёзная причина для того, чтобы Иисусу так поступить. Одна бабушка на исповеди мне сказала, что грехи плоти ей исповедовать уже ни к чему, всё уже в прошлом. Я ответил: бабушка, если Вам сейчас вернуть молодость, здоровье, красоту, Вы, может быть, в эту же ночь и согрешили бы. Потому что предрасположенность к греху в Вашем сердце всё же осталась и не выходит наружу лишь потому, что нет для этого условий. Наша порядочность зыбка без помощи Божией.

О моих занятиях и благотворительности

Уже двадцатый год, как я священник. Я очень счастлив, хотя не скажу, что эти два десятка лет были лёгкими. Начинать я работал в Орске в первые годы перестройки, вместе с отцом Олегом (в миру Топоровым) восстанавливал и расписывал храм на горе Преображенской. Уже тогда начал собирать иконописные мастерские. С горы пришёл в район так называемого Второго Участка города, где под новый храм Георгия Победоносца выделили участок земли. Поскольку здесь тогда существовала пустошь, желания строить ни у кого, разумеется, не было. Но – лиха беда начало... Сначала возвели деревянный

храм, через полгода он стал тесен для прихожан, и пришлось пристраивать второй придел. Тогда же более широко стали заниматься иконописными мастерскими. Требовали своего решения и социальные вопросы. Ко мне, как к настоятелю, стали приходить люди с проблемами – бездомные, больные, отставшие от поезда. Я не находил выхода, как им помочь, потому что в городе социальных учреждений такого плана не было. В конце концов нам выделили дом под снос в удалённом районе Орска, где вот уже 9 лет существует приют для бездомных. Сколько человек через этот приют прошло? Несколько тысяч, наверное... в их числе – инвалиды, обмороженные, ампутированные, со всеми видами болезней. Кому-то удалось изменить свою жизнь, кому-то нет, но они хотя бы преодолели временные трудности и пережили зимние времена, их подлечили, поставили на ноги. Со временем приют преобразался, при нём открыли храм великой княжны Елизаветы Фёдоровны Романовой, которая до революции занималась такими благотворительными вопросами в Москве. В этом храме проходят службы, венчания, крещение детей, отпевают тех, кто умирает. При приюте есть своё хозяйство, позволяющее обеспечивать стол продуктами, немного позже там появился столярный цех, специализирующийся на изготовлении церковной утвари, конная школа, в которой детки занимаются конным спортом. Причём, занимаются серьёзно, их направляет квалифицированный тренер, на соревнованиях получают призы и разряды.

О сестричестве

В разряд социальных вопросов входит и открытие в Орске храмов при медицинских учреждениях. Первый такой храм появился уже много лет назад во 2-й городской больнице, он существует до сих пор и в нём служат литургии. Есть храмы при детской и железнодорожной больнице (окормляемый), храм Серафима Саровского открыт в туберкулёзном диспансере, была часовня при роддоме.

За Орском есть посёлок с названием Херсон, где развито фермерское хозяйство. Ещё недавно в освящённом храме этого поселка некому было служить. Я со своими прихожанками отправился туда, организовали сестричество, и это начинание существует там уже 6-й год. Сейчас там строятся стены будущего женского монастыря, в котором я назначен духовником.

О работе с тюрьмами и творчестве

У же почти два десятка лет являюсь я руководителем тюремного отделения. У меня в подчинении священники, которые окормляют тюрьмы. Наблюдая жизнь заключённых, общаясь с ними, выслушивая исповеди этих заблудившихся в жизни людей, я не мог остаться безучастным. Впечатления от встреч сначала выливались в статьи, которые публиковались в газетах и журналах, а потом стали основой либретто для рок-оперы «Пожизненный», которую поставили артисты молодёжной театральной студии «Встреча». Она с успехом прошла сначала в Орске, а потом во многих других местах. Очень хорошо принималась постановка в Оренбурге. Министерство УФСИН даже собирало сотрудников на просмотр и обсуждение рок-оперы.

Напрямую связан с тюремной темой и фильм «Философия покаяния», который получил главный приз Международного кинофестиваля, прошедшего в Санкт-Петербурге.

О счастье

Православие чаще называет счастье по-другому: Царствие Небесное. Оно не определяется географическими понятиями, не зависит от внешних факторов, так как находится внутри нас. Это ни в коем случае не внешнее исцеление. Комфортно человеку или нет, богат он или беден, много у него друзей или мало – всё это не имеет значения, если он в Царствии Небесном. А внешнее счастье, согласитесь, и не может быть полным, его всегда какой-нибудь червячок подточит.

Счастье – это не событие, это состояние души. Счастливый человек всегда счастлив, хотя жизнь у него такая же, как у всех – скорби, горечи, недоразумения. Просто у христиан другое понимание счастья. Счастье – не внешний комфорт, а внутреннее состояние, не зависимое от каких-то там условий. Поэтому миряне порой и считают священников за блаженных или сумасшедших. А у нас просто другие понятия. В Церкви тысяча мучеников, миллионы преподобных, которые ограничивали своё счастье в земном понимании и добровольно брали на себя крест. И были по-своему счастливы. Когда апостол Павел был взят на небо и вернулся, его спрашивали: что там, что ты видел? Он ответил: я могу сказать только, что видел и слышал, но это не земные вещи и здесь нет для них ориентиров для объяснения. Вам просто нужно самим это пережить». Таково и счастье христианина. Если говорить кратко, то: слава Богу за всё. Мы и наша судьба в руках Божьих, поэтому, что бы он ни ниспослал – это счастье.

О главных людях и цели в жизни

У пять же, не могу сказать вам однозначно, потому что у христиан всё по-другому. У нас есть цель. И тот человек, который рядом, он и является главным в том отрезке времени, в котором ты сейчас находишься.

Что такое скорби? Это противоречия, которые встречаются в жизни между людьми. Когда же человек по евангельской заповеди любит даже врагов своих, противоречия уходят, и он находится в хорошем благостном состоянии. С таким идеалом в душе для него каждый человек дорог и близок. Вот почему я не называю маму, папу, жену, детей. Вот научиться бы радоваться каждому человеку – и был бы рай на земле. Это я не оригинальничая, так я понимаю Евангелие. Конечно, я не такой, но я стремлюсь к этому и считаю, что хорошо иметь перед глазами и в душе такую цель.

О быте

Быт должен быть тихим и уютным. Он не должен преобладать, быть целью существования, напротив, его задача – помогать в жизни. Я предпочитаю комфорт, не богатство, не мишуру. И одежда мне нравится по этому же признаку – не красивая, а удобная.

О терпении

Большее всего мне в жизни помогает терпение. Надо самому себе всегда говорить: потерпи немножко, и это пройдёт. А вообще, по большому счёту, в жизни всегда надо ориентироваться на порядочность. Тебя могут обманывать, но в конечном итоге, потом, может быть, через долгое время, люди всё

равно начинают относиться к тебе хорошо, понимать, что с тобой безопасно, потому что основой всему является порядочность. И тогда отношения выстраиваются совершенно по-другому.

О кресте священника

Священники всегда кого-то от чего-то спасают. От каких-то жизненных ситуаций, от томления, от грехов. Когда-то, выбирая свой жизненный путь, я говорил: я бы хотел быть или доктором или священником... Я не скажу, что это одно и то же, просто в некоторых моментах случается похожесть. Но есть и существенная разница. Прежде всего, в том, что доктор лечит тело, а священник спасает душу.

А вообще священничество – это не добро, не порядочность, не милосердие. Всё это должно быть очень Христовично. Если ты не найдёшь Христа в своей духовной жизни, это будет просто твоя добрая профессия, но в духовном плане это трагедия. Вот почему мы иногда и наблюдаем такое явление – трагедии в духовной карьере священников. Они пытаются помогать людям, быть добрыми, соблюдать заповеди, но без Христа в душе это несовершенно. В первую очередь, священник должен быть молитвенником, в плане присутствия Бога в его жизни ежедневно, ежеминутно. Поэтому молодому человеку, избирающему этот нелёгкий путь, я бы сказал: очень важно встретиться с Христом в своей личной жизни, и тогда всё остальное будет правильным и естественным, потому что священник – это не профессия, а образ бытия.

О дружбе и совести

Сегодня стали противопоставлять: это – наша дружба, а это – наш бизнес. Разве такой тезис может быть понятным нормальному человеку? Получается, если ты ушёл в бизнес, то перестаёшь быть другом. Сейчас вообще что-то случилось с совестью. Если деятели культуры позволяют себе выражаться с экранов телевизора и говорить о вещах, которые всегда считались непорядочными, то где она, норма поведения? Разве несколько десятков лет назад было нормой мужчинам справлять нужду без стыда и совести там, где приспичило, а женщине у коляски с малышом ругаться матом? Люди позволили себе это – вот что печально.

О творческом начале

Не знаю, откуда у человека берётся то, что называется творческим началом. Я, например, был вполне обычным мальчиком. Ну, рисовал в детстве немного. А когда стали возрождать храм на горе Преображенской, приехал сюда из Гая и делал первые росписи как художник. Тогда же у нас и появилась иконописная мастерская.

Сейчас этой мастерской уже 15 лет. Нам много заказывают, мы дарим иконы многим русским монастырям – в Дивеево, Шамордино, Задонск и так далее. Перед войной проводили акцию в Грузии, привозили им икону на двух языках: «Любите друг друга». После этого завязалась тесная дружба с Грузинской церковью.

Я уже много лет езжу на греческий остров Афон, благотворительно расписываю небольшой храм Симона и Петра в келии при монастыре. Там тоже

появилось множество знакомых, которые знают и любят Орск.

На основе своих впечатлений и пристрастий я написал две небольшие книги «Мой Афон» и «Ксения».

Творчество, каким я занимаюсь, это, скорее, проявление моей гражданской позиции. Если каких-то людей нет сегодня в Церкви, значит, я должен выйти из храма и отправиться к ним. И это, я думаю, нормально, не зазорно ни для какого священника. Апостолы, например, не стеснялись и на улицах проповедовать. Вот почему я стал работать с молодёжным театром-студией «Встреча». Это форма работы с молодёжью. Первый спектакль был «О любви», о ценностях семейной жизни. Потом студия осуществила постановку «По ту сторону войны», третьим спектаклем стали «Дураки». Новой формой стали рок-оперы «Пожизненный» и «Иванов крест». После спектаклей ко мне подходили мальчишки, девчонки, молодые пары и благодарили. Значит, то, о чём шла речь в постановках, их затронуло. Пусть сегодня эти люди не ходят в храм, но я через слово принёс доброе, правильное в их души.

В марте нынешнего года Московский православный театр «Живая вода», с которым мы подружились, осуществил постановку философской богословской сказки «Букашечка». Идею им подал я, они её переложили на театральный язык.

Продолжаем мы работать над фильмами. После «Философии покаяния», признанном на высоком уровне, снята лента «Ксения» по моей книге. Её помогли воплотить в жизнь актриса театра «Живая вода» и режиссёр Юрий Золотарёв.

Вообще, как-то получилось так, что творчество неотъемлемо от моей жизни. Вот почему я уже в четвёртый раз организовываю фестиваль авторской песни «Оренбургская степь» в Гайском районе и даже сотрудничаю в качестве солиста муниципального хора ветеранов.

О жизнелюбии

Качество, которое мне всегда помогает, – жизнерадостность. Христианин всегда помнит – всё в руках Божьих. Поэтому никогда не стоит впадать в грех уныния, напротив, надо быть оптимистом для себя и для тех, кто рядом. Когда человек уныл, и вокруг него всё скукожено, а когда он радуется жизни, то и горе – полгоря... Я руководствуюсь этим принципом. Некоторые люди неправильно понимают, на мой взгляд, православие. Для них православие – это

некая угрюмость, замкнутость, а ведь ещё Христос приходил к ученикам и говорил им: «Радуйтесь!»

О двух сторонах красоты

Суть женщины, которые замечательны красотой внутренней. Такую не всегда может изобразить живописец или фотограф, потому что их красота – в повороте головы, улыбке, жесте, в голосе и его интонациях.

Но часто случается парадокс: женщина красива, а открыла рот, стала говорить и через поток бранных слов, грубостей потеряла свою привлекательность. Это оттого, что вульгарность или жестокость сводит на нет внешнюю красоту.

Я ещё работал на горе, когда ко мне пришла женщина и сказала: у меня есть один грех – я матерюсь. Я ответил: ну так давайте, скажите что-нибудь и мне эдакое... Она: нет, батюшка, Вас я стесняюсь. – А Бога, перед которым Вы находитесь ежеминутно, не стесняетесь? – спросил я.

О судьбе

Суть богословское понятие «синергия». Оно означает, что не сам человек спасается и не Бог его спасает, а существует некая симфония человеческого и божественного. Бог предлагает пути спасения, а человек откликается – вот она судьба в хорошем смысле слова. В какой-то степени человек является творителем собственной судьбы. Ни в коем случае не надо путать это понятие с тем, что называют роком. Рок вопреки всему довлеет над человеком, и в таком случае его поступки не имеют никакого значения.

О детях и воспитании

Папа я, пожалуй, безответственный. Мало уделяю времени детям, есть такой грех, вечно занят другими делами. А это неправильно. По поводу строгости по отношению к детям, скажу так: это зависит от обстоятельств. В древнем патерике описан такой момент. Ученик спросил у старца: отче, что лучше – говорить или молчать? Старец ответил так: сынок, когда нужно говорить – говори, когда нужно молчать – молчи. Также, мне кажется, и в воспитании и вообще в отношениях между людьми, во всём должна быть мера. В какой-то момент надо быть построже, в какой-то – любовь проявить. Каждая ситуация и каждая минута – особенная, и в ней нужно соответствующее поведение. Нужно быть, иными словами, живым человеком, чувствующим момент, а не запрограммированным компьютером. Тем более что дети такие же люди, у них целый мир внутри.

Некоторые думают, что у священников какие-то особенные дети. Нет, они такие же, как другие, где-то и шалят, и хулиганят. Единственное, что на них лежит крест, который они несут с родителями-священниками. У меня в семье шестеро детей, и есть даже внук от старшего сына, который работает отделочником на строительстве нашего храма. Второй сын тоже взрослый, учится в медучилище, занимается в конной школе. После училища собирается учиться на ветеринара, заниматься с лошадьми. Третьего собираемся с матушкой определить в музучилище, по окончании которого он будет учиться в духовной семинарии. Остальные – ещё маленькие...

О действительности, свободе и о самом себе

Нынешнюю действительность я воспринимаю через себя самого. Я бы хотел сделаться святым, и тогда для меня любые времена были бы прекрасными, любой день приносил бы только радость. Надо понимать, то, что меня не устраивает или разочаровывает, находится лично во мне, потому что человек – это микрокосмос. Взять такую ситуацию: два человека живут в одном и том же отрезке времени, в одном и том же месте... один – улыбается, другой – тоскует... это что? Внешние условия? Нет, это внутреннее состояние человека. А вообще, когда внутри у человека Царствие Небесное – это доброе сумасшествие. Он счастливый человек. Вот почему я не оцениваю сегодняшнюю или вчерашнюю ситуацию, а стремлюсь к переменам в самом себе. В сегодняшнем дне мне комфортно, хотя временами слышу от людей, что нужно срочно что-то менять, некоторые требуют даже революции. Я боюсь перемен, не жду от них чего-то хорошего. Недавно был в Грузии, там один молодой человек, слушатель радиопередачи «Эхо Москвы» сказал: в России надо срочно революцию делать, у вас там свободы нет. Я ему тут же задаю встречный вопрос: а что ты понимаешь под свободой, в чём у нас нет свободы? И молодой грузин запнулся... тема накручена, а конкретно ответить на вопрос не может. Даже я вот так, навскидку не могу сказать, какой свободы у нас нет... Парады геев нельзя, что ли, проводить?..

О святости и сегодняшнем дне

Считаю, надо максимально жить сегодняшним днем. Если всё время думать о завтра или о том, что было вчера, можно потерять драгоценное сегодня. Мудрые люди не строят далёких планов.

Мы заканчиваем строительство храма Георгия Победоносца, красавца с оригинальной архитектурой. Приятен тот факт, что его проектировал наш оренбургский архитектор по моему подробному заказу, и все мастера местные, никого не брали из других областей. Декор, украшения, роспись, даже иконы – дело рук орчан. И уровень очень высокий. Закончив строительство, я передам храм другому священнику, а сам уйду духовником в женский монастырь. Знаете, хочется подниматься выше и выше. А монашеская тема – самая высокая в Церкви. Повторяю: очень хотел бы прийти к святости. Читатель, наверное, может подумать, что я слишком гордый, дерзкий или кощунственный. Для меня святость это, прежде всего, – любовь к Христу, а уже через него ко всему остальному миру. Это не чудеса какие-то, а изменение человека в доброго, скромного, уступчивого, несварливого. Это моя сокровенная мечта. Если бы я был хорошим, у меня не было бы такой мечты. Мешает самый главный из грехов – эгоизм, когда ты любишь себя больше чем Бога и ближнего. А евангельская заповедь гласит: возлюби Бога и ближнего. Я к этому стремлюсь каждый день, каждый час, каждую минуту...

Я доволен своей судьбой, тем, как она сложилась, и благодарен Богу. У меня есть приход и прихожане, прекрасная семья, творчество. Так что, пусть всё остаётся так, как сегодня, и я снова, уже в который раз скажу – слава тебе, Господи, за всё!

Записал Александр ИВАНОВ

ПОЭЗИЯ

Николай ГОЛОВКИН

Николай Алексеевич Головкин – поэт, эссеист, публицист. Член Союза писателей России. Член Международного клуба православных литераторов «Омелия» (Украина). Родился 4 ноября 1954 года в Ашхабаде (Туркмения) в семье потомственных москвичей. Литературной деятельностью занимается с 1968 года. В 1977 году окончил факультет русской филологии Туркменского государственного университета имени А.М. Горького. Автор книг: «Поэтическое излучение» (стихи, 1994), «Свет в конце тоннеля» (стихи, эссе, рассказы, 1999), «Иван-чай. Диалоги о России» (публицистика, эссе, рассказы, 2005), «Февральская лазурь» (стихи, 2010), «Троицкий иконописец» (эссе, рассказы, 2010), «Рябина» (стихи и поэма, 2013).

Живёт в Москве.

«А мне бы вот только услышать ваш голос...»

С міромъ!
Мы ходим по трудным дорогам.
Носит судьба нас по разным орбитам.
Путь не прочерчен нам Господом Богом.
Крут и тернист.
Мы же склонны к обидам.

Но на кого?
На себя?
На планету,
что нам всё меньше цедит озона?
Бросишь в фонтан золотую монету,
а возвращаться – нету резона.

Каждый из нас –
одинокий прохожий.
Так мы приходим
и так угасаем.
И, как свеча, здесь пока не растаем –
встретимся!
Может, в том Промысл Божий?

Евстафий

Икона «Преп. Сергей Радонежский в житии», написанная в 1591 году троицким иконописцем Евстафием Головкиным, воплотила образ Игумена Земли Русской – Сергия Радонежского, который благословил святого благоверного великого князя Димитрия Донского на Куликовскую битву.

Возможно, мой предок – Евстафий,
иконы писавший?! Сейчас
важней мне в наш век фотографий
другая – духовная связь!

Душа как святая обитель,
а Сергей – наш мир, мой народ.
Евстафий! Ты старца не видел –
легенда в иконе живёт.

Я Сергия верю завету:
«Добро порождает добро».
Вот – Бог! Веру светлую эту
напрасно чернит серебро.

Эпохи прошли. Между нами,
Евстафий, родство, если есть,
мне наша фамильная честь –
свечи негасимое пламя.

Андрей Рублёв

Сдающим ЕГЭ (для сведения)

Рублёв?
Слыхали...
Кажется, с Рублёвки.
Крутой!
Вот бренд купил не за рубли.
А что!
Прикинь, и мы бы так смогли.
Устали мы от школьной дрессировки.

Ребята,
вас попутал интернет,
его, его лукавые уловки.
Рублёв тому назад жил много лет,
когда ни VIPов вам
и ни тусовки.

Что знанья?!
 Лохотрон...
 И бред – ответ ...
 Такая на дворе теперь эпоха.
 И истины давно в ответах нет.
 Глаголете, не ведая подвоха.

Тускнеет и глупеет в школе Слово.
 Растут, уходят в жизнь нЕдоросли.
 Конечно, ныне вам не до Рублёва.
 Да, сложен.
 Ну а вы не доросли.

Но Троица нас осеняет вдруг,
 творение бессмертное Рублёва.
 Разорван Ей порочный этот круг.
 И из блокады новой выйдет Слово.

О, интернет!
 Подножки да уловки.
 Андрея помнят,
 любят перелески.
 Рублёв не жил
 и не был на Рублёвке.
 Через века его сияют фрески.

Река

От истока до устья река
 погружает в себя облака,
 но не тонут они, а плывут,
 среди полей наших русских живут.

Средь погостов,
 лесов,
 деревень
 их плывёт безтелесная сень,
 окаймляя земную версту
 нежно-белым своим паспарту.

Приближая к земле небеса,
 гладь речная творит чудеса.
 И с восторгом глядят берега,
 как плывут мимо них облака.

Облака в реке лошади пьют
 и, купаясь в них, радостно ржут.
 И молочные брызги летят
 на молодок,
 крестьян
 и ребят.

У реки оседлавши коня,
 моя юность глядит на меня.
 Но другой теперь стала река:
 обратились в туман облака.

Вот плывёт тот туман из лоцин
 до ошибок,
 седин
 и морщин.
 Изменились былые черты –
 у реки жизни ты
 и не ты.

От истока до устья река
 отражает в себе облака.
 К той церквушке плывут вдалеке,
 как они, отражённой в реке.

По молитвам дана нам судьба.
 И родит ещё нива хлеба.
 потому,
 потому,
 потому
 не всегда у нас горе уму.

От истока до устья река
 превращает себя в облака.
 Слава Богу, живём на Руси!
 А печали –
 река, унеси...

Облака

Всё так же медленно пока
 плывут над нами облака.
 Как в детстве нашем и до нас.
 Гляжу, не отрывая глаз.

Плывут над нами облака,
как мира горнего река.
Небесный этот благовест,
как крестный ход из Отчих мест.

А купол неба – бирюза.
Долга иль нет твоя стезя –
уж облака внизу плывут.
Вот Там тебя с любовью ждут!

Плывут над нами облака,
как мира горнего река.
Боготворю я сей покой
и не хочу судьбы другой.

Неизвестному солдату

*Памяти А.В. Семёнова, дяди отца по ма-
теринской линии, пропавшего без вести
в годы Великой Отечественной.*

Рождением я – осеннего призыва.
И в мыслях вновь на той передовой,
где памятник на Запад, словно ива,
склонясь, застыл, последний помня бой.

Прости, солдат, что холмик не ухожен,
нет имени, некрашена звезда...
Твой вечен сон и всё-таки тревожен.
Так нас гудками будят поезда.

Прости, солдат!
Кем стал, был счастлив ль в браке,
не будь в твоей судьбе последний бой?!
Ты здесь упал в отчаянной атаке:
ведь кто-то ж должен жертвовать собой?!

Последний долг...
Да разве это много?!
Жизнь – подвигу бессмертному цена.
Не зарастай же в памяти, дорога.
Солдаты – обретите имена!

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налёте.*

*...Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме...*

Александр Твардовский
«Я убит подо Ржевом...»

Затянули дожди
свою песню навзрыд.
Сон осенний,
мираж,
наваждение...
Это я в ту войну
подо Ржевом убит.
И лежу здесь
до воскресения.

Я – земля,
к ней корнями деревьев прирос,
сквозь моё проросли они тело.
Может, рядом лежит
дальний предок мой – рос.
Так нас сблизило ратное дело.

Он и я
защищали свои рубежи.
А предательства разве мы ждали?!
Из безвестных могил,
как упрёк,
миражи.
Вместе с Родиной –
нас проиграли.

Затянули дожди
свою песню навзрыд.
Сон осенний,
в нём длится сраженье.
Словно крест,
надо мною берёза стоит.
Но грядёт,
верю я,
воскресение.

Не иммигрант, не иностранец
в своей стране.
Не беженец. Духовно в Стане
кто близок мне?!

И веет холодом и грустью
издалека.
Всё дальше друг от друга к устью
рек берега.

На реках, реках-то заторы...
Горбами лёд.
Когда же кончатся раздоры.
Весна придёт?

Где отчее? Чужие лица,
чужая речь.
О, Боже, помоги молиться,
страну сберечь...

В той, неслучившейся, судьбе –
всё было бы другим.
Мечты, мечты...
Не лги себе.
Ты создан был таким.

Да, ты терзаешься, грустишь
и мечешься порой...
Жизнь –
не безветренная тишь,
как ты её ни строй.

Но, возвратившись в мир потерь,
где прошлое – до тла,
однажды постучишь ты в дверь
к той,
что тебя ждала.

А мне бы вот только
услышать ваш голос.
И слышать его
до скончания века.

Ну, кто я без вас...
Я – колосс или колос,
что чахнет
без человека?

И рушится всё.
Неприкаянна нива.
И зёрна от плевел
очищу едва ли.

Ваш голос мне – манна.
Ваш голос мне – диво.
Есть в голосе Слово,
что было вначале.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Иллюзия жизни...

*Верен был взгляд у великого
Щедрина, друзья мои:
Дождались мы царства дикого
«Торжествующей свиньи!»*

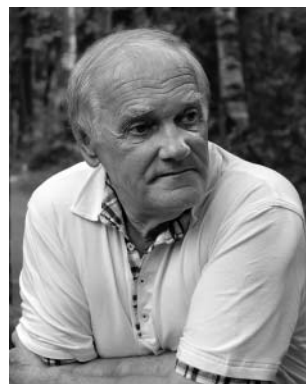
В.С. Лихачёв

*И демон сумрака кровавый
Трубит победу в смертный рог...*

Н.А. Клюев

НРАВСТВЕННОСТЬ – внутренние духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами. Нравственность – это также определяющий аспект культуры, её форма, дающая общее основание человеческой деятельности, от личности до общества, от человечества до малой группы. Крепкое и благополучное в социальном отношении государство не может существовать без достаточно высокого культурного уровня его граждан, при котором ценятся нравственные поступки, а безнравственные, и даже просто непорядочные – осуждаются. Стабильность и жизнеспособность государства определяется, прежде всего, нравственным и духовным уровнями его населения.

Следует констатировать, что сегодня мир охватил экономический кризис, который является следствием беспрецедентного по масштабам нравственного кризиса современности. Совершенно очевидно, что в XX веке во всём мире произошло резкое падение нравов, и это падение ещё более стремительно продолжается и в XXI веке. Многие выдающиеся мыслители – Шпенглер, Хайдеггер, Тойнби, Ясперс, Гуссерль, Хаксли, Оруэлл, Фукуяма, Томас Манн говорили о закате западной культуры. Незауряднейший из этого ряда Хайдеггер всё же надеялся, что человеку грозит не техника, угроза таится в самом существе человека. «Но где опасность, – писал он, – там вырастает и спасительное». Теологические концепции

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью, памятной медалью «А.П. Чехов», памятной медалью «А.С. Грибоедов 1795-1829», отмечен Дипломом литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Один из авторов сборника православной поэзии «Только бы свеча не погасла...», вышедшего в 2010 г. в издательстве «Литера М». Его книга «В объятьях памяти», вышедшая в 2011 г. в издательстве «У Никитских ворот», на конкурсе «Лучшая книга года 2010-2011 гг.» отмечена орденом Есенина «Золотая осень».

Живёт в Москве.

культуры выдвигают в качестве главной идею о том, что культура человечества в целом завершила своё восхождение и теперь неудержимо катится к гибели. Поскольку ядром всякой культуры является религия и выработанные ею основы нравственности, то именно они испытывают жесточайший кризис от вторжения рационализма.

Перейдя к нашим отечественным реалиям, мы можем констатировать, что в российском обществе стремительно происходит падение нравственности. Во многих сферах жизни мы повсеместно наблюдаем нарушение нравственных норм и запретов, особенно в рекламе, СМИ, масскультуре. Происходит манипулятивное воздействие, особенно телевидения и рекламы с популяризацией «гедонистического проекта», который предлагает «получать от жизни всё и сейчас», что приводит к изменению ценностных установок. Общество утрачивает культурные традиции, служившие «моральным якорем». Рост потребительства, вседозволенности, распущенности – признаки того, что общество погружается в омут моральной деградации. Раньше люди ещё как-то отличали добро от зла. Сейчас же можно делать всё, что заблагорассудится.

Думается, именно это состояние общества заставило известного поэта Юрия Богданова обратиться к забытому жанру великой русской литературы – жанру злободневной сатиры, путём создания драматического произведения, отразившего действительность во всём её неприглядном виде. Совсем недавно в издательстве «Литера М» вышла его новая книга с интригующим названием «Из-под плитуса». Поэт обозначил это произведение, как «Фарс-реаль в 5-ти действиях».

После внимательного прочтения непросто дать этому творению более привычное слуху определение жанра: это, безусловно, глубочайшая драма и жестокая комедия положений (хотя автор предусмотрительно оговаривается, что прототипов в ней нет). Произведение явно не мистическое и уж тем более не имеющее отношения к фантастике. Я бы охарактеризовал данную пьесу, как сатиру самой высокой пробы.

Для того чтобы неискущённому читателю было легче проникнуть в суть происходящего, необходимо обратиться к самому жанру сатиры в России. Это поможет глубже понять, насколько глубока преемственность современного произведения Юрия Богданова по отношению к лучшим образцам русских классических произведений конца XVIII – начала XIX века.

Следует заметить, что произведения подобного рода – на тему засасывающей действительности – на самом деле являются талантливым эмоциональным откликом на происходящее, являясь неким метафорическим знаком сущего. Не будет преувеличением сказать, что это драматическое произведение по сути своей перекликается с произведениями зрелого творчества таких мастеров русской словесности, как А.М. Жемчужников, К.К. Случевский, В.С. Соловьёв. У Юрия Богданова, как и у этих мастеров, на первом плане не столько сатира явлений, сколько состояний. То есть, не конкретный сатирический образ того или иного носителя порока, но суммарное обобщение, индивидуализированное воплощение пошлости, лживости, лицемерия. Поэт разоблачает эгоизм, потребительство, ханжество не просто как образ жизни, но как систему идей, как целое мировоззрение.

Нужно очень внимательно проникнуть в суть произведения, проследить эволюцию взаимоотношений персоналий, чтобы реально увидеть, как из хаоса случайностей постепенно выступают закономерности. Пёстрая мозаика

тем в финале пьесы складывается в цельную картину порочности современных общественных взаимоотношений и общественных гуманитарных институтов. Эта пьеса с глубоким философским содержанием потому и является классическим произведением сатиры, что вскрывает не житейские, а сущностные пороки. Жалко выглядят персонажи, которые оказываются в руках Дьявола – этакие подергунчики, «картонажные полишинели на пружинках», которыми вертит так и сяк нечистая сила. Этот символ всесветского вертепа страшен потому, что попавшие в его сети по трагическому стечению обстоятельств люди не столько живут, сколько создают иллюзию жизни.

В ранней стихотворной комедии В.С. Соловьёва «Альсим» одно из главных действующих лиц – Сатана, с которым молодой поэт Альсим заключает договор. Сатана должен верой и правдой служить поэту, но если тот совершит преступление, то душа его станет собственностью Сатаны. В результате так и происходит и, казалось бы, что же ещё может быть страшнее... Но Юрий Богданов заглянул ещё глубже в современную суть индивида. Сатану уже не интересует мелкая душонка современного обывателя, и он забирает у людей саму суть человеческую: честь и совесть!

Буквально в первых строках Сатана в облике Инферна – посланника Ада недвусмысленно заявляет:

*До плинтуса «героев» опушу:
В пыли слепым отыскивать дорогу
Я помогу и в чёрную дыру...
Заволоку растрёпанные души!*

Предусмотрительно в помощниках у него роботы – создания по определению лишённые живых человеческих качеств – и работа закипела. Следует обратить внимание на состав действующих лиц – это, в основном, люди творческих профессий, которым без врождённого творческого начала, замешанного на систематическом упорном труде, совершенно нереально добиться желаемых целей, или хотя бы быть замеченными окружающим их сообществом. Стоит обратить внимание на очевидный факт распространённого порока, как бы неперемного атрибута творческих групп людей – на зависть. Сатана великолепно осведомлён о бытующих нравах современного общества, поэтому, нажимая на самые болевые точки, быстро и почти без сопротивления достигает поставленной цели.

Как подопытные кролики, увлечённые жаждой славы, наживы и власти, персонажи даже не замечают, что все обещания Сатаны – это *только слова* для «оболванцев». И даже в словах Шута не скрывается истинная сущность адского эксперимента:

*И, как по маслу, бред пошёл по плану...
Хозяину готов я доложить,
Что «впарил» безнадёжные надежды
В мозги «творюг», а Золотым Тельцом
Травил Хамо Вульгариусов часто...*

Обратим внимание на выделенные слова в тексте. Автор с ювелирной точностью и тонким вкусом, чуть переиначив уже внедрившиеся в русский язык слова, сумел придать им какое-то отталкивающее, неприятное звучание, отчего значение слов приобрело как бы новый смысл: стало мелким, уничижительным, что в полной мере и характеризует речь «придонков». Что стоит

только одна находка, когда сборище претендентов на гениальность названо «оболванцами». Разве не приходят тут же на ум слова рупора Российской «демократии»: «Дорогие россияне!» Эти словечки пропитали насквозь весь текст произведения, что не может не наводить на мысль о ещё одной задумке автора, а именно: этот сленг не случаен в общении персонажей, он, как саранча, «налетел» на правильный русский язык и уничтожает его с такой же жадностью. Надо признаться, что автор ещё и пожалел слух читателя, взяв в обращение лишь малую толику звучащей повсеместно новоявленной «русской» речи.

Но возвратимся к происходящему в пьесе. Даже сам Дьявол впадает в недоумение, когда поближе узнаёт тех, кто и являются объектом оболванивания:

*У каждого – «талантов» – по мешку,
Ну, а претензий – целые вагоны...
Дай денег, должность, славу и почёт,
Какие-то «духовные» причуды...*

Шут тоже серьёзно озабочен происходящим, потому что, видимо, даже для него это за гранью понимания. Вот что он говорит своему шефу:

*Мне кажется, что в мире этом клёво:
Стада баранов ходят, как слепцы,
Жуют любую тухлую идею!*

Эта мысль, нивелирующая интеллектуальные способности общества, казалось бы, убийственная по своему смыслу, оказывается корнями своими уходит в далёкое прошлое российского общества. Вот что на эту тему говорил гениальный русский писатель-сатирик В.С. Соловьёв в своей эпиграмме, написанной, вы только подумайте, в 1895 г.:

*Вы – стадо баранов! Печально...
Но вот что гораздо больней:
На стадо баранов – нахально
Набросилось стадо свиней!*

Не будем подробно останавливаться, каким образом Сатана, играя на тех или иных низменных пороках действующих субъектов, каждому из них ставит на лоб клеймо продавшего честь и совесть за *обещанное* вознаграждение. Но, кажется, знак этот не очень обременяет избранных «оболванцев». Это для них что-то вроде модной татуировки и неизвестно ещё: больше людей инфицированного общества их осуждают или завидуют им. Многие счастливы в результате этой сделки и разворачиваются во всю мощь своего «дарования». Вот, например, Шестёра – несостоявшийся артист, даже цель поставил: шестёрку превратить в число зверя – нумерологическое воплощение ставленника сатаны:

*В Аудишки-притоны жизнь вложу
И назову такими именами:
«Нечистый», «Дьявол», «Бес» и «Демоблуд».*

Весь этот «ХЛАМ» – это Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты; такое сокращённое название придумали сами себе персонажи, которым, видимо, не дают покоя поднявшиеся, как грибы после дождя, во времена

интеллектуального катаклизма, названия, вроде «ПРОЛЕТКУЛЬТ». Именно этот ХЛАМ продолжает обогащаться, пока нисколько не жалея о содеянном. Вот признания Правдомана:

*Но честь и совесть проданы Тельцу,
И лично я об этом не жалею:
Они тянули, будто кандалы,
Меня на дно ничтожной этой жизни...*

Но постепенно, поддавшиеся искушению Дьявола, начинают прозревать, что обещанное и незаслуженно полученное не приносит искомого удовлетворения, а главное, желаемое так и осталось неосуществлённым. Первой подаёт голос Лажань – бездарная эстрадная певичка:

*Наобещали «выше крыши» благ...
Но в результате – дырка от баранки...*

От эйфории до полного разочарования эволюционирует сознание одного из главных действующих персонажей Никчёма – чиновника средних лет и начинающего литератора:

*Бабло попёрло изо всех щелей
В мои ещё дырявые карманы!
.....
Потом «проснулся»: вижу – не туда
Бесовскую амбицию направил!
НачАл опять строгать, строгать стишки,
Так как без них **нельзя** достигнуть цели...
.....
Но – где успех всемирный у меня
Хотя б среди посредственных пиитов?
.....
Но я – такой же истинный болван
Среди презренных мною **оболванцев**...*

А вот и развязка истории, которая и не могла завершиться по-другому. Игры с Дьяволом имеют неизменно плачевный итог. Тут даже нет необходимости повторять известную как мир истину: талант не может быть безнравственным (криминальный талант оставим для детективных сюжетов), и во всех областях творческой деятельности, если уж Господь наградил таким качеством, он потребует от человека напряжения всех духовных и нравственных сил, чтобы быть реально реализованным в творческой деятельности его обладателя. Для тех, кто это понял слишком поздно, Инферн сообщает:

*Я рад, что вы, прислужники мои,
Творили всё по дьявольской программе:
Использовали даденный аванс
В своих корыстных и ничтожных целях.*

И когда вконец озлобленный Никчём просит Сатану перевернуть весь Ад, чтобы любой ценой добыть ему **гениальность**, в ответ на честную службу без совести и чести, Инферн, смотря на этого несчастного, открывает ему недоступный для понимания «литератора» секрет:

*Наверное, по пьяни я болтнул,
Что всё могу, но видишь – «обломилось»!
ОНА С НЕБЕС спускается на люд
И выбирает самых **сверхдостоинных**.
.....
Вам подарил глобальный глуполизм,
Но вы в упор халяву не узнали...*

Дальше, если бы персонажи фарс-реалы обладали хотя бы воображением гоголевских героев, последовала бы немая сцена, но и в пьесе конец истории повергает героев в полуобморочное состояние. И Гениус – «отшлифованный графоман» подводит плачевный итог:

*О, как обманчив виртуальный мир:
Всё продано во имя денег, славы,
Что будет дальше?*

На что Честнов – «интеллигент» – один из самых понятливых, вещает:

Даль-ше? Ни-че-го!!!

Сатирическая пьеса Юрия Богданова не ослепляет вычурной броскостью, но внутри хитросплетений сюжета разлит ровный свет социально-нравственного познания. Поэт не ставил перед собой задачу сберечь все достижения произведений, написанных русскими классиками: в их многогранности, рельефности бытийных проблем добра и зла, всей нравственно-философской глубины.

Но Юрий Богданов максимально расширил сферу действия типажей пьесы, внёс новые мотивы и темы, подсказанные жизнью. Он оригинальным способом, необычными языковыми средствами, усовершенствовал арсенал выразительных средств.

Бесконечно разнообразны сатирические жанры во всех родах литературы: от эпиграммы до поэмы, от афоризма до романа, от миниатюрной сценки до многоактной комедии. Именно на последнем жанре, одном из самых трудных и потому почитаемых в русской литературе и остановил свой выбор поэт Юрий Богданов.

Совершенно очевидно, что этот труд не останется незамеченным, поскольку представляет собой целую россыпь талантливых находок. Вдумчивый читатель в полной мере насладится материализацией остроумных, неожиданных идей и наблюдений, которые отражают многообразные конфликты действительности. При этом оригинальная и глубоко философская задумка художника начинает проявляться через противоречия, переданные особой формой диалоговых восклицаний, внутреннего ритма, языковых контрастов, как то: игра слов, двусмысленность, каламбур, смешение стилей – то есть, через всё многообразие художественных приёмов, которыми в полной мере владеет поэт Юрий Богданов.

Нет никакого сомнения, что новой книге поэта и талантливого драматурга Юрия Богданова уготована долгая и насыщенная жизнь!

К 270-летию со дня рождения княгини Е.Р. Дашковой

Храм на холме

«Старое дерево нельзя пересаживать – не приживётся», – говаривал Иван Петрович Шухов, под началом которого в 60-е – начале 70-х годов я работала в алма-атинском журнале «Простор», последние пять лет – заместителем главного редактора.

Время было сложное, журнал обрёл всеобщую известность как «второй "Новый мир"», и власти предрержащие не чаяли, как избавиться от непокорного редактора. Предлагали переезд в Россию, квартиру в Москве, а он только отшучивался: «Старое дерево...». Шухов был моим крёстным отцом в литературе, и не только потому, что в 1966 году дал рекомендацию в Союз писателей. Ещё в 1963-м, когда я робкой литсотрудницей переступила порог редакции, лично поручил поехать на целину, где в то лето свирепствовали чёрные бури.

Земля... Хлеб... Святые понятия. Тридцать лет я жила этой темой, дневники командировок воплощались сначала в очерки, регулярно публиковавшиеся в «Просторе», а затем стали претворяться в рассказы, повести, детские и взрослые, в романы о простых хлебопашцах – казахах и русских, немцах и украинцах, о мужестве учёных-вавилонцев, об интернациональных семьях, об ответственности за судьбу родной земли.

И вот всё рухнуло. Союз развален. Многим людям, особенно нашего, старшего поколения, знакомо ощущение тех лет: безысходности, напрасно прожитой жизни, земля словно уходила из-под ног.

«Старое дерево нельзя пересаживать...» – не раз вспомнились нам с мужем шуховские слова, когда мы наконец решились перебраться в Россию, в Протвино, к дочери с зятем. Был март 1993 года. Инфляция скакала неудержимо, рады были радёхоньки, подыскав в соседних с Протвино Кремёнках, уже Калужской области, однокомнатную

Галина Васильевна Черноголовина – член Союза писателей России, автор книг для детей, повестей и романов о жизни тружеников целинных земель, исторических произведений, поэт, публицист. Родилась 15 марта 1929 г. в с. Знаменское Омской области. Отец, Василий Петрович Черноголовин – доктор сельскохозяйственных наук, мать, Мария Евгеньевна – учительница. В 1950 году после окончания Хабаровского пединститута вместе с мужем, также учителем, была направлена в Новокуровскую среднюю школу, где работала сначала учительницей, затем директором школы. Автор цикла лирических стихов «Венок для Княгини», поэтической хроники «Княгиня Северной Весны», изданной Московским Гуманитарным Институтом имени Е.Р. Дашковой в 2003 г.

Живёт в Протвино.

квартирку с ободранными стенами, выбитыми окнами: до нас там жило буйное семейство.

... – Ремки-то есть, дыры в дверях позатыкать?

Ремки – значит тряпки, лоскутья. Как живой водой, наслаждаюсь народной речью соседки Антонины Алексеевны, попросту «Лексевны», а она уже с плотниками, призванными стеклить окна, торгуется:

– Цену не заламуйте, жору вам не будет, бутылки не будет – у неё дед неходячий.

Муж и в самом деле «обезножил» – приступ ревматизма. Оставив его приглядывать за обескураженными плотниками, выхожу осмотреться: куда же мы всё-таки попали...

Пронизывающий ветер свищет меж домами, хлещет по лицу колючими снежинками, треплет на столбе листок из школьной тетрадки в клеточку, вот-вот оборвёт. В поисках жилья у меня выработался условный рефлекс – читать каждое объявление. Но это не о квартире, а о том, что на следующий день в селе Троицком состоится освящение Храма Живоначальной Троицы.

– Троицкое? Да оно ж за речкой, рукой подать, – поясняет дома Лексевна. – Мосток перейдёшь, на взгорок подынешься, там тебе и храм. Поручен весь, и могилу барыни разрыли, богохульники, клад, что ли, искали.

– Что за барыня, Лексевна?

– Ну, та, как, её...

Вызванный в подкрепление соседкин супруг просвещает меня, что хозяйкой Троицкого некогда была княгиня Екатерина Романовна Дашкова, сподвижница Екатерины Великой.

Серое мартовское утро. Над обезглавленным, без куполов, храмом носится вороньё, вспугнутое небывалым скоплением народа. По тропе, чернеющей

на взгорье, тянутся прихожане из Кремёнок и соседних сёл, через большой мост подъезжают машины с калужскими и московскими номерами, и – никого знакомого.

... – Некогда в этот двор съезжались кареты самых знатных персон России ... – доносятся слова одной из выступающих. Митинг посвящён двухсотпятидесятилетию главы двух Российских Академий княгини Екатерины Романовны Дашковой. После митинга входим в храм. В притворе старушки, жарко шепча молитвы, прикладываются к чудом сохранившимся ликам святых. Женщина, выступавшая на митинге, поясняет, что это образы святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, и написать их княгиня повелела в годы своей работы над Словарём Академии Российской. Подойти бы, расспросить подробнее, но стыд за своё дремучее невежество наполняет меня необычной робостью.

Стены храма были ободраны до основания с какой-то яростной ненавистью, лишь в головокружительной выси купола виднелся бывший недоступным для осквернителей символ Живоначальной Троицы, и лица ангелов были замкнуты и строги. В грубо сколоченных ящиках с песком трепетали огоньки свеч – подсвечников не было, как не было вообще ничего в этом огромном гулком здании – лишь несколько икон да длинный стол, на котором было всё необходимое для богослужения.

Терпкий лошадиный дух с трудом заглушался ладанным ароматом: на протяжении десятилетий здесь и колхозные мастерские были, и склад, и лошадей в морозы сюда загоняли.

Торжественный обряд освящения, молитвенное пение всё более умиротворяли душу, а когда в окна под куполом вдруг хлынули потоки солнечного

света, на какой-то миг почудилось: там, в клубах лёгкого дыма, витает прозрачный женский силуэт, и меня охватило радостное предощущение: случайно ли, сразу после приезда в Россию, я оказалась именно здесь, именно в этот святой день?

А чудесное не кончалось. Приехав в Москву – переоформиться в Союз писателей России – останавливаюсь, по обыкновению, у сестры Надежды, биолога и ревнительницы русской истории.

– У меня для тебя кое-что есть, – говорит она, выслушав мои взволнованные впечатления, и достаёт с полки солидный том в вишнёвом переплёте: «Е.Р. Дашкова. Записки. Письма сестёр М. и К. Вильмот из России». Издано в 1987 г. Московским университетом, составитель – Г.А. Весёлая, ей же принадлежат комментарии.

Моё углублённое знакомство с жизнью Е.Р. Дашковой началось именно с этого прекрасного сборника, да ещё среди руин Троицкого, а ведь, как говорится, и камни вопиют...

...Расцветали черёмуха и сирень на склонах холма бывшей княжеской усадьбы, царили соловьи, благоухали ландыши в рощах поймы Протвы, над разнотравьем лугов вставали дивные радуги – всё, чем могла одарить меня русская природа, теперь было связано с Дашковой – бродила ли среди развалин усадьбы, стояла ли в храме над ещё разрушенной усыпальницей княгини – то и дело приходили на память строки из «Записок» княгини.

Между тем, зять с дочерью, собрав необходимые средства, помогли нам приобрести в Протвино квартиру. Но и после переезда я при первой возможности отправлялась в Троицкое. Как больной, казалось бы, обречённый, вдруг начинает дышать, видеть, откликаться на зов, так и храм постепенно выздоравливал. Затягивались раны стен, словно сами собой, вздымались над ними купола и кресты, прозревали окна, заговорил неведь откуда привезённый колокол, и слышно его было даже в окрестных сёлах. Тепло задышало здание, озарилось электрическим светом. Настоятель храма отец Владимир комментировал это так:

– Бог в людях совесть пробудил. Жертвуют, стараются.

Немало сделал и Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой, Дашковское общество, стараниями которых в 1999 году было восстановлено надгробие княгини, к сожалению, я при этом торжественном событии не присутствовала и вообще была пока далека от жизни обществ, как Дашковского, так и Воронцовского.

В Центральную библиотеку города Протвино, сотрудники которой давно и увлечённо работали над увековечением памяти Дашковой, я пришла не с пустыми руками: у меня уже был цикл стихов «Венок для княгини».

– Ну что ж, – сказала директор библиотеки Галина Анатольевна Чечикова, – на днях у нас состоится заседание женского клуба «Современница», намечен просмотр документального фильма о жизни Екатерины Романовны, выступление председателя Воронцовского общества Владимира Николаевича Алексева, вот и вас попросим почитать стихи.

Мой литературный творческий стаж близился к полувеку, сколько раз выступала перед детьми и взрослыми, в городских и сельских библиотеках, но почему в этот вечер я так волновалась? Слишком сокровенной оказалась для меня дашковская тема!

*Спит княгинюшка в Троицком милом,
Ныне пухом у ней в изголовье
Та ж земля, что и в братских могилах,
И в окопах лесов Подмосковья.*

Кончила читать – и увидела растроганные, вдруг ставшие родными лица, меня обнимали, спрашивали о дальнейших планах, и я впервые за годы равнодушно-знобящих сквозняков перестройки ощутила нужность своего дела, теперь у меня была опора не только в собственной семье, но и в этих, близких по духу людях.

Летит время... Двадцать лет минуло с того незабываемого мартовского дня, когда простым листком, вырванным из школьной тетрадки, позвала меня княгиня в воздвигнутый ею храм. За эти десятилетия мне посчастливилось сродниться с Дашковским и Воронцовским обществами, участвовать в их работе, быть в курсе новых исследований и открытий из жизни княгини и славного русского рода Воронцовых. Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой издал мою поэтическую хроникку – трилогию «Княгиня Северной весны».

К сожалению, приходится бороться с теми, кто пытается исказить образ Е.Р. Дашковой и других представителей славного рода Воронцовых. Этому был посвящён наш коллективный сборник «В защиту чести и достоинства графа Р.И. Воронцова, княгини Е.Р. Дашковой и светлейшего князя М.С. Воронцова» (Санкт-Петербург, 2009).

Многое по увековечению памяти княгини делает музей Е.Р. Дашковой при одноимённой школе N 1 города Кремёнки Калужской области.

В предисловии к проникновенному циклу «Сонетов к Дашковой» известная поэтесса Новелла Матвеева пишет: «Надо... попытаться распутать хотя бы отдельные ветви той великой, дремучей, тысячекратно переплетённой,

дико запущенной и в чёрной страшноте своей почти уже непроницаемой водоросли, имя которой, по-моему – Клевета!»

К сожалению, усадьба княгини Дашковой продолжает разрушаться, она ждёт хозяина, который имел бы средства не только для её восстановления, но и проявил интерес, любовь к истории России, сберёг всё уникальное, что ещё осталось.

И что символично: в десяти километрах от места, где покоится прах главы двух Академий Российских, вырос наукоград Протвино, где на ускорителе Института Физики Высоких энергий сделан ряд открытий, ставших вкладом не только в отечественную, но и мировую науку.

На фото:

Храм Святой Живоначальной Троицы, возведённый княгиней Е.Р. Дашковой в 1760-е годы в селе Троицком Калужской области.

Фотографии Екатерины Николаевны Фирсовой, автора книги «Москва в судьбе княгини Дашковой» и других исследований жизни княгини.

ПОЭЗИЯ

Алексей ЕВДОНОВ

Алексей Николаевич Евдонов – родился в Москве. Участник Первого Всероссийского совещания молодых писателей, именной стипендиат Президента Российской Федерации. Член Союза писателей России с 1997 г. Автор трёх книг стихов. Лауреат литературной премии имени Н.А. Некрасова. Лауреат конкурса «Лучшая книга 2008–2010 гг.»

Живёт в Москве.

Из дневника морпеха

Отрывок из поэмы

Стихи из дневника и писем Сергея Егорова, морского пехотинца, воювавшего в одной из «горячих точек».

Песня

Каюсь, утром в поле
Грезилось впервые:
Нагуляюсь вволю –
Годы молодые!
Ах, зачем, Галина,
Вся моя любовь –
Горькая калина,
Спелых ягод кровь?!
Я ль не помню, Галюшка,
Как ты шла по краешку, –
Бережком по краешку,
По крутому...
Галюшка,
Чаял – в подвенечном!..
Видел! – над тобою
Шлейф клубился Млечный
Лёгкою фатою.
– Как решилась?! – В белом –
В темень, в глушь лесную?! –
Обнимал несмелую,
Целовал родную...

Чуть дрожали плечи.
Но – в цветах и росах –
Ты сама в тот вечер
Расплетала косу!
Целовал, как пьяный,
Мякоть спелых вишен..
От тебя, упрямой,
Жаркий шёпот слышал:
«Мне не страшно, милый!
Видишь – я твоя,
Только с прежней силой
Ты люби меня!
В ласки нежный омут,
Милый, увлекай.
Никому другому,
Милый, не отдай!»
Мне на зорьке в поле
Грезилось впервые:
Нагуляюсь вволю –
Годы молодые!..
Ах, зачем, Галина,
Вся моя любовь –
Горькая калина,
Спелых ягод кровь?!

К тем полям, где сошли снега,
Журавлей потянулись стаи.
Я ведь помню! – они всегда
Над окном твоим пролетали!

Я так видеть тебя хочу! –
Полечу с журавлиным клином!
Чуть закрою глаза, шепчу
Имя ласковое: Галина...

Из писем Галины

Отпылал листопад,
Отшумели метели...
Манит в рощи весна.
Я живу лишь тобой!
Не из тех ли краёв
Журавли прилетели?
...Ты когда прилетишь,
Мой желанный, родной?

Опять опрокинется небо
 в глаза твои ясные!
 Опять затрепещет в них
 – крыльями! –
 птица-весна.
 А всё моё горе,
 потери и муки напрасные...
 – счастливой! – покажутся мне
 лишь капризами сна.

Сон

За село полями росными
 Я бегу встречать зарю.
 По раздолью за покосами
 Тропку к счастью узнаю!..
 ...Всё мне думалось: так, просто ли
 Проживу? Иль будет след?
 На каких поникли росстанях
 Эти думы звонких лет?!
 Милый край! Бинтами связаны
 Чьи пути? Иду босой...
 ...Я ли, – Господом помазанный, –
 Очи окроплю росой?!

В госпитале

Верилось: минуют
 Беды стороной!..
 Подошёл, колдует
 Доктор надо мной, –
 Шепчет: «Сделать, парень,
 Ничего не мог...»
 Слышишь, Галя...
 Галя!
 Милый твой без ног!
 Слышишь, Галя!
 Галюшка,
 Мы ведь шли по краешку –
 У судьбы по краешку
 По крутому...

Галюшка!
 А на зорьке в поле
 Грезилось впервые:
 Нагуляюсь вволю –
 Годы молодые!

Сон матери погибшего солдата

«Я тебя схоронила в небе...»

За облаками, вприпрыжку,
 Босые ножки в росе,
 Бегаешь в поле сынишка...
 Мой! Не похожий на всех!

Радости гордой не прячу! –
 Тоненький мой колосок!
 Ты не смотри, что я плачу,
 Это от счастья, сынок.

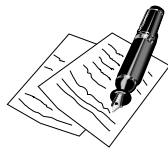
Слёзы от счастья и боли!
 Редкие, вещие сны..

 Мчится сынишка по полю
 В солнечных брызгах росы!

У могилы друга

Как в строю новобранцы,
 Стоят тополя.
 Снова ветви упрямец
 Подрезаны коротко..
 Без солдатских могил,
 Без Святого огня
 Не припомнит земля
 Ни деревни,
 ни города!

ПАМЯТЬ

Инесса ИЛЬИНА

Воспоминания о Юлии Карповне Сперанской, актрисе Театра братьев Адельгейм

Кто сказал, что писать прозу легче, чем стихи? Не знаю. Всё зависит от замысла, жанра, творческого настроения и многих других составляющих. Рассказывать о Юлии Карповне Сперанской – актрисе Московского Театра Драмы братьев Адельгейм, непросто. Юлия Карповна для меня – родная душа, близкий человек, наставница в жизни, в искусстве и в театре, и в поэзии. Наша встреча с Юлией Карповной была предопределена. Судьба так сложила обстоятельства, что встретились мы с ней по театральным вопросам, а оказалось всё гораздо сложнее. В её лице я обрела духовного наставника и друга. Никогда не забуду, как Юлия Карповна говорила мне: «Пиши, Инна, пиши!». И ещё: «Верь, Инна, верь! Что бы ни случилось в жизни, верь...». И я верую.

В те годы у меня написались моё любимое стихотворение: «Верую!», за которое мне через много лет, в Союзе Писателей дали диплом им. С.А. Есенина:

*Верую, Господи, верую!
В ясное солнце лучистое,
В вишню цветущую, белую,
В Деву Марию Пречистую!*

*Верую в море лазурное,
В небо бездонное, синее,
В маково поле пурпурное,
В звёздные искорки инея,*

*Верую в жизнь бесконечную,
Верую в счастье безмерное,
Боже, в Любовь Твою вечную
Верую! Верую! Верую!*

Юлия Карповна Сперанская была ведущей героиней в труппе народных артистов братьев

Инесса Яшиновна Ильина – поэт, актриса, режиссёр. Родилась в Москве. Член МГО СПР. Окончила ГИТИС им. Луначарского. Дипломант конкурсов МГО СПР. Печаталась в журналах: «Москва», «Московский вестник»; альманахах: «Поэтическая Республика», «Московский Парнас»; в газетах: «Московский Литератор», «Поэтоград», «Литературные известия». Награждена дипломами имени С.А. Есенина, М.И. Цветаевой, медалями А.С. Грибоедова и «55 лет Московской городской организации Союза писателей России». Дипломант литературного конкурса «Неопалимая купина» в номинации «Поэзия» за подборку стихотворений «Неотвратно падает звезда». Член СП XXI века, член творческого клуба «Московский Парнас». Живёт в Москве.

Рафаила и Роберта Адельгейм. Это был, по её рассказам, единственный в послереволюционной России государственный гастрольный театр драмы, которому было разрешено работать на основе самокупаемости. Играли, в основном, классический репертуар: «Разбойников» Шиллера, «Отелло», «Гамлета», «Ричарда III» Шекспира, «Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого, «Ревизора» Гоголя...

Братья Адельгейм родились в Москве. В 1860 году – Роберт Львович, старший брат и в 1861 году – младший, Рафаил Львович. Учились они в Вене, где и началась их артистическая деятельность в 1887 году. Играли они на немецком языке. В 1890-х годах они возвратились в Россию и начали выступать на русской сцене. Избрав трудный путь миссионеров театральной культуры, братья Адельгейм остались до конца верны своей идее. Они несли в русскую провинцию величайшие сокровища мирового театра. По словам Юлии Сперанской: «мятежную мысль Фауста, мировую скорбь Гамлета, независимость Уриэля Акосты, бурное свободомыслие Карла Моора... На поездках, пароходах, в повозках, а иногда и пешком, они исколесили всю Россию. Возможно, они были самыми первыми из тех, кто овладел европейской техникой актёрской игры и принёс её на русскую сцену» (Ю.К. Сперанская, «Братья Адельгейм», М., 1987). Юлия Карповна работала с братьями на протяжении тринадцати лет. По её рассказам, это были люди необыкновенной доброты и скромности. Они учили не только искусству, но и жизни, стараясь уберечь от всяческих опасностей, от всего дурного, что могло встретиться на жизненном пути. Общаясь с ними, она переродилась как актриса и как человек. О работе над своими ролями Юлия Карповна рассказывала подробно во время наших занятий. Например, о роли Юдифи в трагедии К. Гуцкова «Уриэль Акоста». Мне кажется, что это был один из её любимых спектаклей. Начиная рассказ о своей работе над ролью, она всегда вспоминала наставления своих учителей: «Чтобы добиться естественной слезы, незачем прибегать к уловкам и трюкам. Плакать на сцене надо искренне, исходя из внутренних эмоциональных переживаний. Учитесь этому у детей и животных. Если актёр внутренне ощущает боль изображаемого героя, слёзы польются сами собой». (Ю.К. Сперанская, «Братья Адельгейм», М., 1987). Главное внимание в наших занятиях Юлия Карповна уделяла технике дыхания и артикуляции. Она учила, что, владея дыханием и артикуляцией, можно передать любую эмоцию, любую интонацию. Правильный подбор дыхания она однажды показала на примере фразы: «Он умер». Большинство актёров произносят эту фразу на одном выдохе, и зрителю слышится: «Он нумер». Поэтому, после слова «он» надо сделать подбор воздуха и после этого сказать «умер». И таких примеров множество. А на примере своей работы над ролью Кручининой в пьесе А. Островского «Без вины виноватые», Юлия Карповна показывала мне технику сценических рыданий – на вдохе, приводя примеры известных актрис, игравших эту роль, и «рыдающих» на выдохе, что создаёт иллюзию смеха. Понятие «техника» в актёрском искусстве вовсе не исключает понятия «талант».

Братья Адельгейм умели с помощью техники виртуозно управлять своим талантом, воспламенять вдохновение, что впоследствии стало составной частью системы Станиславского, о чём свидетельствует их талантливая ученица – Юлия Сперанская.

За годы работы в Театре братьев Адельгейм она переиграла весь классический репертуар. Вот список только некоторых её ролей: Дездемона в «Отелло» Шекспира, Юдифь в «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, Мадам Сан-Жен

в одноимённой драме В. Сарду, Трильби в пьесе «Трильби» Гр. Ге, Беатриче – «Слуга двух господ» Шекспира, Офелия – «Гамлет» Шекспира, Графиня Д'Отрваль в «Дамской войне» Э. Скриба, Мария Ильинична в «Голгофе любви» Шпажинского, Кэт – «Казнь» Гр. Ге, Кручинина – «Без вины виноватые» А. Островского, Розалия – «Семья преступника» Дж. Джакометти, Мария Фёдоровна Нагая – «Смерть Иоанна Грозного» А. Толстого...

Юлия Карповна родилась в Петербурге. В семье было пятеро детей. Отец умер рано, оставив семью без средств к существованию. Добрые люди пристроили детей в разные учебные заведения. Юлия Карповна попала в институт благородных девиц – в Николаевское училище на одну из немногих бесплатных вакансий. Её актёрский талант проснулся рано. Она рассказывала, что, когда на уроках подходила её очередь читать – будь то урок литературы или Закона Божьего, приходили все, до директора учебного заведения, послушать её. После окончания училища она в пятнадцать лет сбежала на сцену, уехав в дальние края. Актёрские способности позволили ей в одном из первых своих спектаклей сыграть сразу три роли: старухи на печке, мальчишки-посыльного и молодой героини. И зрители ни разу не догадались, что это одна и та же актриса. Позже её пригласили и на петербургскую сцену, где о ней сразу заговорили как о восходящей звезде. Кроме работы в театрах, Юлия Сперанская в начале двадцатых годов снялась в нескольких фильмах киностудии Ханжонкова: «Польская кровь» – дочь польского магната, «В руках беспощадного рока» – Надя Жданова и др. Если бы не переезд в Москву в связи со вторым замужеством, она, наверное, стала бы известной актрисой. Но, в то же время, возможно, тогда бы она не встретила с братьями Адельгейм и никогда бы не написала книгу о них. А книга возникла тоже не случайно.

Однажды Юлии Карповне приснился сон. Снилось ей, что вся их труппа сидит в творческом полукруге перед склепом братьев. Вдруг из него выходят братья и начинают подходить к каждому из актёров, говоря им свои напутствия. Когда очередь доходит до Юлии Карповны, они останавливаются перед нею и говорят: «А ты поставишь нам памятник!» Она сразу же проснулась. Этот сон не выходил у неё из головы. Почему памятник? Почему она?.. Вскоре ей позвонили из издательства ВТО и попросили написать книгу о братьях Адельгейм. Юлия Карповна стала отказываться, но вдруг поняла – книга, ведь это и есть памятник! И согласилась. Вот такая мистическая история.

До последних дней Юлия Сперанская хранила у себя в доме театральные костюмы, фотографии и архивные документы театра, позднее она передала всё это в музей ВТО и в ЦГАЛИ. По заказу издательства ВТО она написала книгу о братьях Адельгейм, в которой, кроме дневника Рафаила Адельгейма, подробно изложила технику их театральной школы, так, что любой понимающий актёр может её освоить. Всему этому она учила меня. До сих пор, играя в спектаклях, я использую многое из того, что знаю от Юлии Карповны и чему, кажется, сейчас не научит никто.

Прошли годы. Одному Богу известно, достойна ли ученица своего учителя. Милая, родная Юлия Карповна! Да, книга – это памятник. В моей поэтической трилогии «Маски» есть глава, посвящённая Вам, а значит, в ней живёт частица Вас. Всю жизнь я чувствую ту невидимую духовную ниточку, что связывает нас с Вами, она указывает мне верный Путь. Да будет так.

ВЕРНИСАЖ

Кира ГАВРИЛОВА

Духовная Радость

Радость художника, создающего и, вот создавшего в своих произведениях новый способ жизни, и подарившего нам, созерцающим, эту незаслуженную радость...

И.А. Ильин

Кира Тимофеевна Гаврилова – член Московского Союза художников, член Союза писателей России. Участница многих выставок, в том числе в музеях Москвы, Куйбышева, Саратова, Казани. Автор произведений монументально-декоративного искусства (мозаика, фреска, витраж) для общественных зданий в городах России. Занимается станковой живописью и графикой. Автор сборника эссе о художниках «Единственные». Член Литературного объединения при Центральном Доме учёных РАН.

Живёт в Москве.

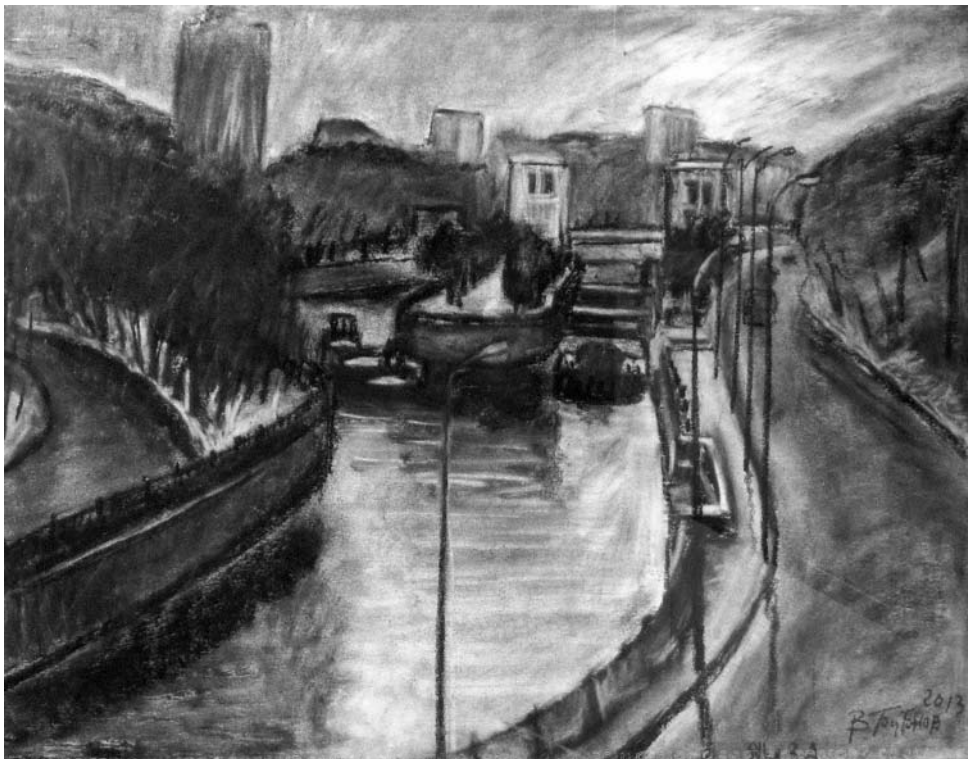
Художник предложил приобщиться к его духовно-душевной радости творчества. Те же, кто пришёл разделить с ним эту радость, прониклись небывалым восторгом и возвышенным настроением, которое воцарилось на открытии персональной выставки Василия Бубнова.

Сотня графических листов о Москве. Все три зала в Старосадском переулке демонстрировали необыкновенно талантливые, яркие, темпераментные, гениально решённые композиции о родном городе.

Василий Александрович Бубнов не в первый раз поражает коллег непредсказуемостью своего таланта. Каждая его выставка поражает художников и зрителей новым художественным видением, глубоким таинственным помыслом о мире и бытие. Художественная одержимость, духовная прозорливость, эмоциональная откровенность представленных работ не в первый раз выделяют Василия Бубнова в мире современного искусства как художника с внутренней свободой.

С искренним восторгом выступавшие на открытии выставки отметили, что представленная чёрно-белая графика настолько жива и живописна, каждая композиция настолько виртуозно решена, что графика воспринимается как живопись.

Один из выступающих отметил, что Бубнов словно поёт как соловей – таковы его непринуждённость, раскрепощённость. И любой уголок Москвы или просто заснеженные ворота, перспектива города или решётка ограды – всё решается с необыкновенным оригинальным видением композиции.

Худ. В. Бубнов. **Яуза.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Арбат.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Старосадский переулок.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Московские перекрестки.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Импровизатор, который может знакомые места превратить в незнакомые, а незнакомые в узнаваемые.

Художник-монументалист, кандидат искусствоведения, член АИС Наталья Алексеева-Штольдер в своём выступлении отметила: «Когда я вошла в выставочный зал, в работах Василия Александровича для меня прозвучало послание, которое можно обозначить так: любовь, экспрессия, мастерство. Василий Александрович знает и любит Москву, в которой родился и с которой связана вся его творческая жизнь. Любимые мотивы он решает с необычных ракурсов, точек зрения, что придаёт его композициям особую выразительность. Виртуозное владение углем, экспрессивные штрихи, отбор пластических акцентов выделяет эту графическую серию в одно из значимых, гениальных воплощений в его творческой практике. Искусство Василия Бубнова своей энергией и увлечённостью вдохновляет и зрелых, и молодых художников».

В своём интервью газете «Человек, Культура, Город» Василий Александрович Бубнов сказал: «Для меня сейчас важно более сердечное, душевное искусство. Я очень люблю писать пейзаж. Элемент графического рисования, что для меня очень важно. У меня есть большая серия пейзажей Парижа, с чего и началось. Я понял, что перед Москвой в долгу, и год посвятил Москве».

Глаз художника зафиксировал натуру, но рука в силу таланта и мастерства сохранила для зрителя свежесть первого впечатления.

Острый характер всех элементов композиции, концентрация пластических форм, экспрессия, всё это составляет сокровенный смысл графических листов Василия Бубнова и наполняет их духовной радостью.

Худ. В. Бубнов. **Яуза.**
Бумага, уголь. 2013 г.

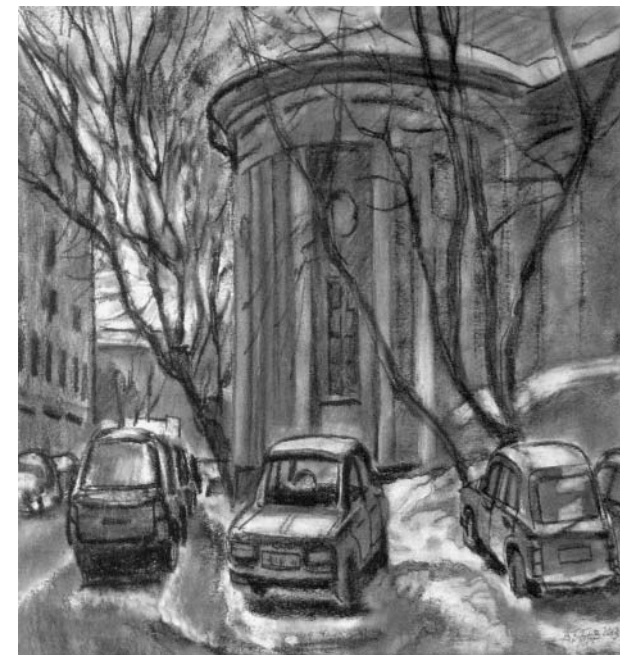
Худ. В. Бубнов. **Котельники.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Котельники.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Нижняя Масловка.**
Бумага, уголь. 2013 г.

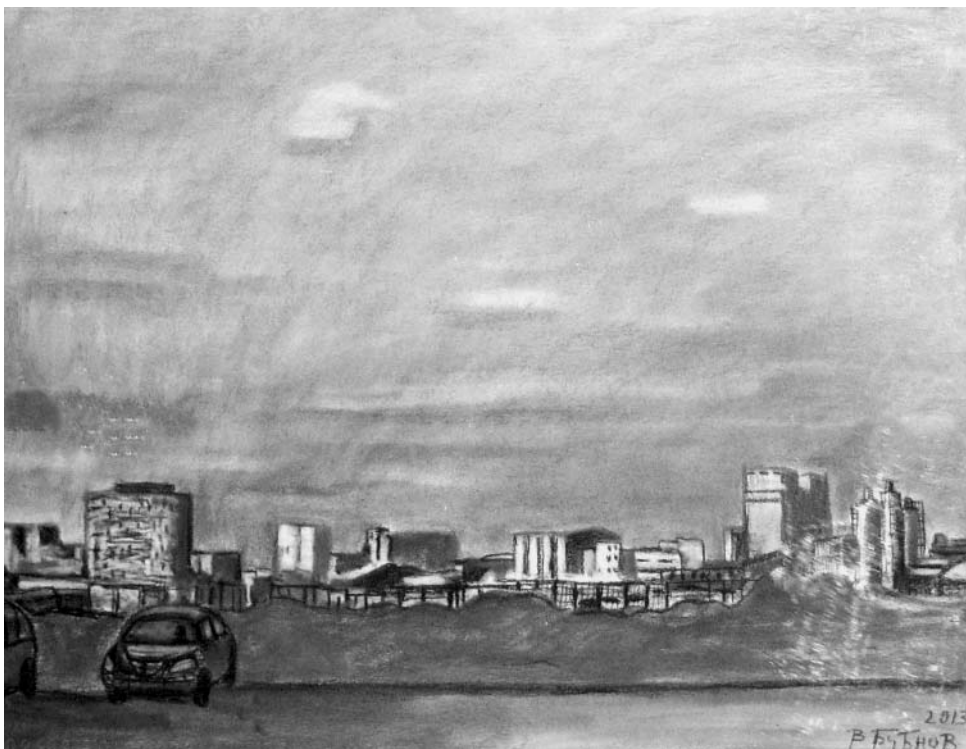
Худ. В. Бубнов. **Московские улочки.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Сивцев Вражек.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Подъезд бабушки Варвары Шапошниковой.**
Бумага, уголь. 2013 г.

Худ. В. Бубнов. **Ходынское поле.**
Бумага, уголь. 2013 г.

ПЕСНЯ СЛАВАНСТВА

Детелина МАРИНОВА

Детелина Маринова (Болгария) – родилась в г. Велико-Тырново в 1971 г. Печаталась в газетах Болгарии: «България сега», «Ретро», «Уикенд». Член творческой литературной группы «Асен Разцветников» города Горна Оряховица.

Живёт в с. Поликраице.

Тишина

Не говори

Не называй игру любовью –
ты не пришёлся по душе.
Зачем садишься к изголовью –
не будет рая в шалаше.

Не говори признаний страстно:
в твоих словах – ледышек лёд.
Пора понять – твой труд напрасен,
уйдёшь легко, и всё пройдёт.

Не можешь врать и быть любезным.
Нет, ты сегодня не поймёшь:
пришёл, как тот осенний дождь,
сырой, холодный и помпезный.

Слеза скупая

С чего это вдруг приключилось, –
плохого никто не сказал –
по бритой щеке покатилась
скупая, мужская слеза.

Сжав зубы, они научились
ком в горле сглотнуть и молчать.
А что с человеком случилось,
не каждый сумеет понять.

Мужчины не плачут случайно,
зубами утраты зажав.
Хранит седина горечь тайны,
молчать обязует Устав.

Тишина

К вам однажды придёт тишина.
Не пугайтесь такому приходу,
пробудившись от лёгкого сна
в час полночный, или в час восхода.

Тишина не умеет молчать
и сокрытые тайны откроеет.
Не пугайтесь, учитесь внимать –
собеседников только лишь двое.

Ни потери глухой, ни вины.
Тишина – обретенье покоя.
Дай-то Бог, не познать тишины
словно выстрел: «Готовиться к бою!»

Тишина говорит и молчит.
Вам с небес посылается скит.

Будто вчера

Лебеди плыли белые –
наши мечты.
Две половинки целого –
это всё мы.

Судьбы сплелись, сроднились –
всё пополам.
Кто-то сказал, «влюбились»,
видимо, нам.

...Будто вчера. Ты помнишь ли
свет моих глаз?
Жизнь из огня да в полымя
бросила нас.

Этой ночью

Не спрошу – считаю неуместно –
как зовут, откуда ты пришёл.
Не пугайся, – всё предельно честно,
до утра нам будет хорошо.

Не скупись, делись мужским вниманьем –
волны страсти жгучи, горячи.
Нам не нужно слов. Молчи... молчи –
всё доскажет тела содроганье.

...Ты уйдёшь тропинкой луговой,
улыбнёшься легко, беспричинно.
Этой ночью стану я женою.
И не знаю – станешь ли мужчиной.

Перевёл с болгарского Алексей СЕЛИЧКИН

Алексей Прокофьевич Селичкин – родился 15 января 1952 г. в д. Мурачёвке Калужской области. Окончил с отличием ГПТУ-44, Копейский горный техникум. Работал на первых атомных реакторах. Работал инженером на объектах Минатомэнерго и Минобороны. Участвовал в работе литературного клуба «Светунец» при Челябинской писательской организации. Учился в Литературном институте. Автор шести поэтических сборников. Член Союза писателей-переводчиков.

Живёт в Калуге.

Первый бой

Отрывок из будущей книги

Представляю на суд читателя отрывок из моей будущей книги «Играли мальчишки в войну...». Действие происходит в Афганистане, в провинции Вардак, весной 1984 года. Это одно из самых острых впечатлений, свалившееся на неокрепшую голову молодого человека, волею судеб попавшего в мясорубку афганской войны. Ох уж эти острые впечатления! Ими изобиловала вся моя служба в Армии.

Не бывает атеистов в окопах под огнём!

Недели не прошло после нашего первого выхода, как объявили новую войну – идём в провинцию Вардак. Где это, я представлял довольно смутно. Одно знал, будет десантирование. Честно сказать, немного нервничал. Слишком быстро и неожиданно всё произошло.

Голому собраться – только подпоясаться. Оружие и боеприпасы всегда были в порядке. Винтовки мы чистили каждый день. Лифчики (нагрудники) сшили сами. Стандартный подсумок снайпера нашили на кусок брезента, туда же приладили и подсумки для гранат. Боекомплект умещался полностью вместе с гранатами, ракетницами, дымовыми шашками. Такой лифчик спереди удобно распределял нагрузку по всему телу. А сзади ранец вмещал в себя сухой паёк на три дня и две пришитые к нему полуторалитровые фляги с водой. По ночам погода была тёплая, днём изводила жара, так что сильно утепляться смысла не было. Обошёлся плащ-палаткой, подвязав её снизу к ранцу. Едва забрезжил рассвет, вся дивизия потянулась к аэродрому. Мы нашли командира 317-ого полка, представились, и он определил нас во взвод старшего лейтенанта Кузнецова. Кузя, так ласково называли его бойцы, был высокого роста,

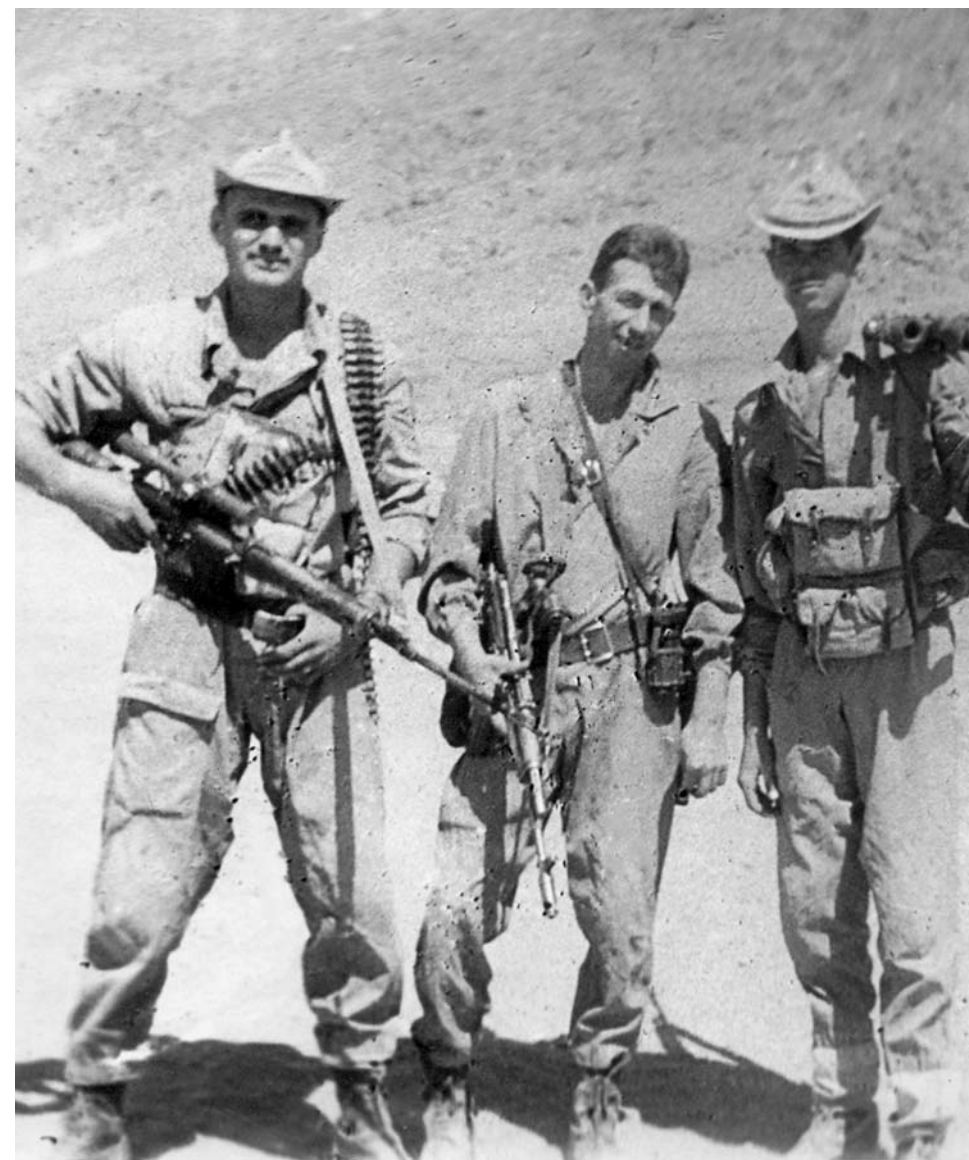

Александр Александрович Свиридов – родился 23 февраля 1963 г. в городе Почеп Брянской области. С 1966 г. проживал в г. Алма-Ата, где окончил среднюю школу и энергостроительный техникум. В 1983 г. был призван в Вооружённые силы СССР. Полгода служил в учебном подразделении батальона связи ВДВ в г. Каунас, по окончании которого был направлен в Афганистан и зачислен в отдельный гвардейский снайперский взвод 103-й Воздушно-десантной дивизии. Участвовал в 54 боевых операциях. Награждён орденом Красной звезды. Окончил Высшую школу КГБ им. Дзержинского. Участвовал в локальных военных конфликтах на территории Средней Азии и Кавказа. Служил в Управлении по борьбе с терроризмом ФСБ РФ. Принимал участие в боевых действиях в Чечне. Награждён орденом «Мужество».

Живёт в Москве.

крепкий малый, весёлый и жизнерадостный. Его взвод был назначен в охрану управления батальона.

Мы загрузились в вертолёты, длинной очередью подходившие к нашему строю, практически не останавливаясь. Запрыгивать приходилось буквально на ходу. Минут через тридцать-сорок нас выбросили в какую-то «зелёнку». Все выпрыгнули и рассыпались в густой высокой траве. Вертолёты продолжали прибывать. Трещая моторами, они опускались и практически тут же взмывали в воздух, пополняя наши ряды новыми десантниками. Собравшись наконец вместе, все двинулись вперёд. Направление выбирал комбат. Впереди двигался дозор, за ним шла первая рота, в середине длинной цепочки передвигалось управление батальона во главе с комбатом, замыкали шестые остальные роты.

Касатонов (в центре) наш первый взводный

Вокруг всё зеленело. Весна была в разгаре. Дувалы домов, которые я раньше видел издали, вблизи выглядели, как из восточного кино, незнакомо и чудно. Кузнецов, ставший на время нашим отцом-командиром, приказал обстрелять позицию на скале, выложенной из камней. Приказание мы выполнили, по кладке зацёлкали наши пули, высекая искры из камней. Ответных выстрелов не последовало, позиция была пуста. Вскоре мы вышли на место.

Наш командный пункт расположился на невысокой каменистой горке, возвышавшейся над долиной. Внизу, совсем рядом, раскинулась зелёная зона с глинобитными домиками и дувалами кишлаков. Между огромными валунами поставили рацию, сверху затянули маскировочной сеткой. Командный пункт был готов. Вокруг него солдаты охранного взвода выложили свои позиции. Нас, снайперов, разбросали чуть дальше от КП по склону горы. Кузнецов лично указал каждой паре место дислокации и сектор обстрела. Мы с Олегом Ромасем привычно выложили стенку из камней и принялись завтракать.

Очевидно, эта операция планировалась без участия афганских военных, и утечки информации не произошло. Это было видно по тому, что душманы нас здесь не ждали. Мы свалились на них как снег на голову. Пока наш батальон выходил на позицию, связисты, постоянно слушая радиопереговоры, поведали, что 350-й полк при десантировании (их выбрасывали на горы в другое место) попал под жестокий обстрел, есть убитые и раненые. Называли точное количество потерь, и оно было впечатляющим. Мы сидели в своей позиции, курили и поглядывали на раскинувшийся внизу кишлак. Во время прочёски нашей задачей было не допустить отход душманов из кишлака в горы.

В «зелёнке» началась стрельба, завязался бой. Треск выстрелов то затихал, то увеличивался с новой силой. Из-за гуши деревьев нам ничего не было видно, но чувствовалось, что каша заварилась нешуточная. Автоматные очереди иногда перекрывались уханьем гранат. К нашей позиции подбежал боец, вызывали на КП. Там Кузнецов, указывая на небольшую рощицу на противоположной горе, возвышавшейся над кишлаком, сказал, что в неё забежали три духа. И если они начнут оттуда в нас стрелять, то нам не поздоровится. По уровню эта рощица располагалась чуть выше нашей горки.

Во все времена главным в бою считалось овладение преобладающей высотой, откуда можно контролировать всё движение внизу. Сейчас мы оказались в невыгодной позиции. Получив задачу, я взобрался на большой валун, как раз под нашим КП, картинно встал на одно колено, приложился к окуляру прицела, в душе любясь собой со стороны, и начал наблюдать за той самой позицией. Расстояние было довольно большое, движения не наблюдалось, роца молчала. Похоже, со стороны я напоминал горного козла, скульптуры которого иногда встречал в горных районах нашей необъятной родины. Они, поражая своей нелепостью, частенько белеют вдоль горных и степных дорог Казахстана, Кавказа. Козлы, орлы, олени – всех этих животных я совместил в своей рисованной позе. Долго позировать не пришлось. Душманы наверняка оценили мой дебют – мишенью я получился великолепной. Со стороны кишлака вдруг захлопали выстрелы, и я впервые услышал очень неприятный свист пуль. Все стоявшие рядом вместе со старшим лейтенантом моментально оказались лежащими на земле. Их реакция, отточенная предыдущими походами, была мгновенной. «А это уже по нам бьют», – улыбаясь, сказал старлей Кузя. И только тут я понял: надо прятаться. Вернее, понял-то я это намного раньше, но реакция подвела. Совсем не по-орлиному скатился со своего валуна и спрятался за ним. Пули, весело звеня, пролетали над головами

и взбивали фонтанчики на склоне позади нас. Я, вдруг осознав, что всё это по-настоящему, сидел за валуном, тупо уставившись в одну точку, и слушал «музыку боя».

Ребята, спрятавшиеся рядом, быстро оправились и, выглядывая из-за камней, стали стрелять в направлении кишлака. Я сидел внизу, и никакая сила не могла меня заставить высунуть голову. Я испугался. Мне казалось, что едва высунусь, как все пули непременно полетят в мою голову. Осознав наконец всю нелепость своего положения, неимоверным усилием воли заставил себя пошевелиться. Чуть-чуть приподняв над камнем голову, вытащив винтовку, я приложился к прицелу. Руки тряслись, как у нашего комбата по утрам. Расстояние до места, откуда предположительно стреляли по прямой, было метров восемьсот. Но откуда точно стреляли, я так и не увидел. Выбрав окно в дувале, я взял его на мушку и нажал на спусковой крючок. Прямо передо мной вместе с моим выстрелом взметнулась пыль с осколками камня. Вся штука заключалась в том, что, вытаскивая винтовку, я от страха не заметил, как ствол её упёрся в камень, лежавший впереди. Оптический прицел по уровню находился выше ствола винтовки и, глядя в него, я этого не заметил, а осознал эту ошибку лишь после выстрела. Слава Богу, мой первый выстрел в противника на этой войне не причинил никакого вреда ни мне и никому из своих. Когда я огляделся, то увидел, что мой конфуз никто не заметил, так как все были увлечены стрельбой, и постарался исправиться. Положив винтовку, как положено, начал стрелять, правда, не слишком часто, чтобы, не дай Бог, не привлечь к себе внимания, хотя рядом со мной в двух шагах падали из автоматов человек десять. Это сейчас я понимаю, каким это образом меня бы заметили, когда вокруг стреляли все! Но тогда казалось, что каждый враг целится именно в меня. Кузнецов приказал нам забыть пока про тех душков в рощице, выдвинуться на свою прежнюю позицию и находиться там.

До прихода в наш взвод Ромася служил в дивизионной разведроте. Он уже успел повоевать и обстреляться, так что происходящее для него не было в диковинку. Я совсем не удивился, когда он, выскочив из укрытия, короткими перебежками бросился по склону в направлении нашей стенки, выложенной недавно из камней. Себя же мне пришлось долго уговаривать. Дикий животный ужас сковал тело. Лёгкое подобие этого жестокого чувства я испытывал перед прыжком в ледяную воду глубокой реки, когда учился плавать. А пули свистели не переставая. Бой кипел не только в кишлаке. Стреляло и бабахало всё вокруг. Тишина мирного утра перестала существовать. Я начинал понимать, что перележал в укрытии все возможные пределы, и если не встану и не побегу на свою позицию, то сам себя начну презирать. Оттолкнувшись от земли, я бегом бросился по склону в ту сторону, куда убежал Олег. Бежал вроде в правильном направлении, но, видно, страх застил глаза. Ни нашей позиции, ни Ромася я так и не увидел. Очень хотелось куда-нибудь спрятаться. Увидев более-менее крупный камень, я рухнул за него. Камень был продолговатый, над землёй возвышался не очень сильно. Это я почувствовал, когда вытянулся за ним во весь рост. Он едва прикрывал моё тело. Пули визжали и свистели совсем рядом и шлёпались в склон, чуть выше надо мной. С вершины нашей горы заработал пулемёт. Я, подняв голову вверх, увидел каменную кладку и услышал гортанную речь «зелёных» (афганских солдат). Они отвечали огнём на стрельбу душманов.

Я чувствовал себя одним-одинёшеньким на всём белом свете, лёжа на какой-то горе в чужой стране под пулями. Вытянувшись за камнем, я думал:

«Так вот она какая – война! И зачем, с какой стати я здесь оказался? Домой хочу-у-у, к маме!!! Какого лешего потянуло меня во взвод снайперов? За романтикой? Сидеть бы сейчас в батальоне связи, пусть даже каждый день в нарядах, чем испытывать такое мерзкое, отвратительное чувство абсолютной беспомощности». Короче, передумал я тогда о многом, мысли возникали разные, летели стрелой. Вся жизнь промелькнула перед глазами. Кричать и звать Олега я не стал, видимо, боялся, что по крику меня обнаружат душманы, хоть находились они, наверное, в километре и никак не могли бы слышать мой писк среди этого грохота.

Сколько я пролежал в прострации, вжавшись во вдруг ставший таким родным камень, не знаю, время перестало существовать. Наверное, долго. Подошедший и спокойно стоявший надо мной Ромась показался мне ангелом-хранителем, спустившимся с небес. Страх отошёл в сторону, я поднялся, не смотря на то, что пули продолжали свистеть вокруг.

Нас вызывали на КП. Кузнецов набирал команду, которая должна была пойти в кишлак и вытащить оттуда убитых и раненых. Конечно же, я попал в эту команду вместе с ребятами моего отделения – Ромасем, Цивилём и Колей Валовым, а кто бы сомневался. Внутри меня ещё подрагивало от пережитого за камнем, на лице застыло глупо-испуганное выражение обделавшегося трёхлетнего ребёнка, а я уже спускался с горки в кишлак.

Всегда, везде, а в армии особенно, личный пример считается основным принципом обучения. В Великую Отечественную замполиты и командиры, встав в полный рост, поднимали солдат в атаку. Ещё раньше суворовские ветераны показывали молодым, как надо воевать. В первые ряды фаланги Александра Македонского ставили опытных бойцов, переживших не один поход, которые одним видом наводили трепет на врагов и воодушевляли молодых воинов, стоявших позади.

На привале

Про Рэмбо мы тогда ещё не знали...

В нашем случае было также. Кузнецов, кроме нас, снайперов, захватил двух опытных солдат-демпелей и послал их в дозор. Глядя на их широкие спины, твёрдую походку и бесстрашный взгляд, я почувствовал себя спокойнее, несмотря на то, что мне очень не хотелось идти в этот кишлак, где всё стреляло и взрывалось. Ребята-дозорные как будто знали дорогу. По крайней мере, уверенно вели нас вперёд, иногда получая инструкции старшего лейтенанта, не расстававшегося с картой. Мы двигались скрытно, прячась за деревьями и высокими кустарниками, старались избегать открытых мест. Там повсюду валялись окровавленные бинты и вата из использованных индивидуальных перевязочных пакетов (ИПП). Когда мы пробирались по высохшему руслу арыка, нас заметили. Длинная автоматная очередь срезала

ветки над нашими головами, осыпав щепками.

Внезапное появление наших подразделений в этом районе было слишком неожиданным для душманов. В кишлаке образовалась каша. Между двумя противоборствующими сторонами не было определённой линии фронта. Духи появлялись неожиданно, как черти из табакерки. Похоже, они тоже растерялись и искали выход из окружения, расстреливая всех, кто попадался на их пути.

Когда мы вышли к мосту, где нас ожидала зажатая огнём рота, я увидел, как солдаты, заняв круговую оборону, стреляли во все стороны. Под низеньким дувалом расположился командир с рацией. Он кричал что-то в микрофон, переговариваясь с другими ротами. Рядом укрытые плащ-палатками лежали убитые, тут же сидело трое раненых. Они были младшими сержантами, были ранены в левую руку, в плечо. Только раны были разной степени тяжести. К перевязке каждого был прикреплен шприц-тюбик промедола. У тяжело раненного их было два. Руку одного пуля пробила насквозь, плечо второго выглядело просто ужасно, мясо отставало от кости, видимо, попала разрывная пуля. Третий тихо лежал и стонал – пуля попала в плечо, а на животе почему-то вздулась шишка. На глинобитных перилах моста стоял автоматический гранатомёт «Пламя». Боец, прикладываясь к прицелу, посылал гранаты в одну ему видимую цель.

Пока я тупо всё это разглядывал, офицеры переговаривались между собой. Наконец подошёл Кузнецов и сказал, что, во-первых, мы должны устроить неподалёку засаду, а во-вторых, надо помочь этой роте захватить дом и закрепиться там. Я ужаснулся. Какая засада! Какой дом! Вот они, раненые, давайте возьмём их и поможем выбраться из этого ада. Естественно, прокричал это про себя. Никто не спрашивал моего мнения.

Приказ есть приказ. Стали выдвигаться для засады на условленные позиции. Пока мы шли, начала работать тяжёлая артиллерия. Заговорили

гаубицы. Они обрабатывали предгорья. Снаряды, казалось, летели прямо в нас. Они выли и стонали, взрываясь совсем недалеко. От каждого взрыва я машинально втягивал голову в плечи, пока не посмотрел на идущего позади дембеля-пулемётчика. Он шёл спокойно, как на прогулке, повесив пулемёт на грудь и сложив на него руки, всем своим видом показывая абсолютное равнодушие к артиллерийскому обстрелу. Он совсем не пригибался и улыбался, глядя на меня. Нет, он не смеялся, а именно улыбался несколько снисходительно и понимающе. Мне стало неловко. Я перестал «кланяться».

Когда вышли на позицию для засады, командир определил нам с Олегом душманский окоп, вырытый ими ранее (нападения духи всё-таки ждали, но, видимо, не так скоро), прыгнули в него. Он был вырыт и оборудован очень добротнo и профессионально, открывая великолепный сектор обстрела. Мы остались одни. Бойцы со старшим лейтенантом залегли где-то поблизости. Позади нас возвышался большой дувал с узким окном-бойницей. Олег, осматривая свой сектор, попросил меня следить за этим окошком. Но, то ли ноги меня не держали, то ли не хотел высовывать голову наружу, я постоянно съезжал на дно окопа. Было страшно и неудобно. Хотелось спрятаться на дне и проснуться, избавиться от этого кошмара. Съезжая в очередной раз, я случайно нажал на спусковой крючок. Выстрел оглушил. Ромась вздрогнул. Где-то рядом крикнул взводный. Он спрашивал, в чём дело и почему стрельба. Ромась ответил, что в окне кто-то маячил, пришлось выстрелить. Думаю, он с самого начала чувствовал моё состояние. (Спасибо ему).

Я всё-таки сел на дно окопа, тупо уставившись перед собой. Вдруг Олег встрепенулся. Подхватив винтовку, он раза три выстрелил. Совсем рядом пробежали душманы. Неподалёку рота ответила шквалом очередей – и всё затихло. Мероприятие с засадой закончилось. Удачно или нет – не знаю. Нас снова собрали вместе, и мы пошли захватывать дом.

Взводный, стоявший у ворот дувала, попросил меня смотреть по сторонам, пока сам патронами набивал магазин. Он тоже видел мою уныло-испуганную физиономию и старался занять меня делом. Ворота выбранного дома были закрыты большим замком. Кузнецов попробовал стрелять в него, но как-то неудачно. Подошедший Ромась с двух выстрелов сорвал замок, и мы стали аккуратно пробираться внутрь, во двор, прикрывая друг друга. В этот момент мне почему-то вспомнились фильмы об индейцах и ковбоях.

Дом пустовал. По глинобитной лестнице мы с Олегом забрались на второй этаж и зашли в просторную комнату. Широким окном она выходила во двор. Поверх дувала просматривалась территория кишлака. Я стал наблюдать. Нервы звенели, натянутые до предела. А внутри была пустота. Вдруг рядом за спиной так бабахнуло, что от неожиданности и страха я чуть не потерял сознание. Оглянулся и увидел, как Ромась сбивает выстрелами замки с сундуков, стоявших вдоль стены. Он искал «бакшиши», так называемые трофеи.

В общем, дом захватили. В него стала стекаться рота. Мы стали спускаться во двор. Солдат, поднимавшийся навстречу, посмотрел на меня с улыбкой и произнёс: «Ты поставь на всякий случай винтовку на предохранитель, а то вдруг выстрелит нечаянно».

Они все улыбались, спадало напряжение трудного, безумного утра. Я воспользовался советом, хоть и находился в ступоре. Как-то стало всё равно, работали одни инстинкты.

Мы вернулись к мосту. За каждой нашей парой закрепили по раненому, мы должны были вывести их из кишлака поближе к КП. Возвращались уже

знакомой дорогой. Вперёд пошли два солдата из взвода Кузнецова. Они тащили тяжелораненого. Тот кричал благим матом на всю округу. Благодаря этому, мы выходили, двигаясь на его голос. Андрюше Цивилёву и Коле Валову достался раненый с почти оторванной рукой. Он был в шоке, двигался очень медленно. Мы сопровождали легкораненого, который был очень возбуждён, вероятно, от укула промедола. Нести его не пришлось, он и сам прекрасно шёл. Его суетливые движения и лихорадочный блеск глаз показывали радость избавления от страшного кошмара, который пришлось ему пережить, пусть даже ценой ранения. К тому же оно было лёгким, но благодаря этому ранению, хоть и на время, для него война закончилась. Для двоих других, что мы вытаскивали, война тоже закончилась, причём для самого первого – навсегда.

Когда мы подошли к ручью у подножия нашей горки и опустились в тени деревьев, два кузнецовских бойца сказали, что их раненый умер. А ведь пять минут назад я его видел живым. В ушах ещё звучал его крик, полный боли и страха. После всего пережитого я всё ещё находился в прострации. Казалось, всё, что происходит, это не со мной. К покойникам я всегда относился как-то не очень, а тут подошёл к умершему, поднял веко и посмотрел на реакцию зрачка. Если бы кто-нибудь раньше сказал мне, что я смогу так сделать – не поверил бы. Солдат действительно умер. Лежал на земле, вытянутый и умиротворённый. Он отмучился.

Другой тяжелораненый сидел, прислонившись к дереву, и тихо стонал. Рука его была действительно в ужасном состоянии. Ему приходилось её подерживать, то ли чтобы уменьшилась боль, то ли чтобы она совсем не отвалилась. Я посмотрел на руку и зацокал языком, качая головой. На меня зашикали, мол, ему и так хреново, а тут ты ещё масла в огонь подливаешь. Поняв свою ошибку, я запоздало сказал бодрым голосом, мол, пустяки, до свадьбы заживёт, другой, вон, вообще, помер.

Тот самый дембель-пулемётчик попросил у меня флягу с водой. Отпил из неё, поморщился и сплюнул (боясь всякой заразы, я бросил в воду, которую набрали из ручья, пару таблеток пантацида, чтобы обеззаразить её). Вкус воды был насыщен хлоркой. Вылив обеззараженную воду на землю, дембель набрал тут же из ручья чистую и жадно начал пить. Тогда ещё для меня это было дико. Мне везде мерещились страшные болезни, убивающие людей кровавым поносом, ну – или что полегче – глисты и язвы (мечтая попасть на войну и воображая, как буду там героически сражаться, я вдруг задумывался, что там едят, где спят, как в туалет ходят?). Вода из ручья меня не впечатляла. Это было всё равно, что напиться из грязной лужи. Какой же я был наивный! Много позже, уже потом, пережив жуткую жажду и обезвоживание, я, не задумываясь, мог приложиться к арыку, в котором чуть выше по течению лежалдохлый ишак, и с упоением хлестать воду, как насос пожарного гидранта.

Стрельба в кишлаке затихала. Подошёл наш командир Кузнецов с солдатами, тащившими трупы, завёрнутые в плащ-палатки. Трупы были изрезаны ножами и обезображены до неузнаваемости. Одного прапорщика изуродовали так, что его опознали только по одежде. Во время боя, когда они погибли, их пришлось спрятать в укромном месте, чтобы позже вернуться и забрать. (Наши, впрочем, как и духи, своих убитых старались не оставлять никогда). Но раньше их обнаружили душманы. Видимо, желая запугать шурави, они от души поработали ножами над трупами. Из кишлака к нашей горке потянулись солдаты, грязные, усталые, измождённые, с какими-то равнодушными

глазами. Вместе с ними выходили «зелёные». Одного, раненного в ногу, другой афганский солдат нёс на плечах, посадив на шею верхом.

Я с облегчением подумал, что сегодня мне уже не придётся ещё раз идти в этот страшный кишлак. Олег предложил перекусить. Мы поднялись на КП. Отыскали свои ранцы, достали консервы. Ромась уплетал за обе щёки, а мне кусок в горло не лез. Кушать совершенно не хотелось, несмотря на то, что целый день практически ничего не ел, кроме утренней банки с кашей. Меня начали одолевать мрачные мысли. Так вот она какая – война. Если так будет продолжаться каждый день, то я, пожалуй, не доживу до светлого дембеля. Убьют к чертям и фамилии не спросят. Естественно, мыслями своими я ни с кем не делился. Думал молча. Как будто для того, чтобы взбодрить меня, отвлечь от мрачных мыслей, стала подходить «броня» – танки, БТРы, БМП. Колонна тяжёлой техники медленно двигалась по дороге, рыча моторами, исходя керосинно-бензиновой гарью. И такая эта колонна была мощная, неприступная, зловеще-угрожающая и родная, что на сердце отлегло, и тёмные мысли пропали сами собой. Танк и пара бронетранспортёров заехала на нашу горку и со всех сторон загородила собой КП.

Вечерело. На землю быстро опускались сумерки. Ребята-танкисты, которые только что приехали и пропустили самое «интересное», решили повоевать по-своему. Сперва они начали обстреливать из автоматов близлежащие дома, видимо, для того, чтобы у душманов и мыслей не возникло ночью открывать по нам огонь. Этого им показалось мало. Что там автомат? Давай палить из всего, что стреляет. Из пушек тяжёлых, крупнокалиберных пулемётов, гранатомётов. Если у душманов и возникала мысль стрелять в нашу сторону, то после такой обработки тяжёлой артиллерией в ближайший вечер у них пропало всякое желание воевать. Пользуясь всеобщим шумом, я тоже несколько раз выстрелил из своей винтовки в далеко темнеющую гору. Патроны были с бронебойно-зажигательными пулями, и эффект получился очень впечатляющим. Я стрелял в направлении горы, пуля летела очень долго, секунд пять, и вспыхивала на тёмном склоне яркой звёздочкой. Это зрелище так понравилось окружающим, что пришлось несколько раз выстрелить на «бис». Стрельба понемногу затихала.

Прибывающих становилось всё больше. В темноте казалось, что вокруг тебя живёт, шевелится, дышит огромный организм. И это успокаивало. Привыкшие к таким условиям люди занимались своим делом. В основном жгли костры, разогревали ужин, готовились ко сну. Мы тоже решили заночевать и искали для этого самое безопасное место. Зачем обкладываться полночи камнями, чтобы обезопасить себя от выстрелов? Олег предложил забраться под танк, самое надёжное, по его мнению, место. Движение танка ночью не предусматривалось, и я, конечно же, согласился. Спальников у нас тогда ещё не было. Их вообще не предполагали в Советской армии. Нам выдали какие-то серые, колючие, тяжёлые, неудобные для переноски одеяла. Вместе с плащ-палаткой такое одеяло представляло собой вполне удобное ложе.

В тёплую летнюю ночь на свежем воздухе я чувствовал себя, как на курорте. Предвкушая спокойный и крепкий сон, а главное, совершенно безопасный, мы забрались под брюхо огромной бронированной машины, расстелили между гусениц свои походные кровати и блаженно вытянулись. Перед закрытыми глазами яркой чередой мелькали картинки прошедшего дня, очень богатого впечатлениями. Я лежал, как в забытыи.

Движение танка не предполагалось, но... Мы уже почти заснули, как вдруг он выстрелил, аж подпрыгнув! Может, наводчик получил приказ обработать какую-нибудь цель, может, решил разрядить таким образом оружие, чтобы не мучиться, вытаскивая внутри брони тяжёлый снаряд. Не знаю, но это впечатлило. Вас когда-нибудь бросали с двадцатого этажа, заперев в железный пятитонный контейнер? Лично у меня сложилось впечатление, что кто-то большой ударил по темечку тяжёлой дубиной, обмотанной тряпками, да так сильно и от души, что я перестал слышать. Отплёвываясь от земли, совершенно оглохшие, мы выползли из нашего «безопасного» убежища и быстрее убрались как можно дальше. А танк продолжал стрелять, правда, самих выстрелов я уже не слышал. Посидев в темноте, озираясь вокруг, таращась друг на друга выпученными глазами, мы в конце концов свернулись клубочком, как бездомные щенки под каким-то булыжником, и забылись тревожным сном.

ПОЭЗИЯ

Нина ПОПОВА

НИНА ПОПОВА

Нина Викторовна Попова – поэтесса, член Союза писателей России и Академии российской литературы. Окончила Московский полиграфический институт им. Прянишникова, сейчас является слушателем Высших литературных курсов (семинар поэзии В.В. Сорокина). Автор книг поэзии «В душе несём мы прожитого след...», «На Земле всё Любовью согрето!» (книга-дипломант конкурса «Лучшая книга 2008-2011») и музыкально-поэтического альбома «Я научу слова летать...», публиковалась в поэтических сборниках и литературных альманахах. Лауреат литературных премий им. С.Я. Маршака, С.А. Есенина, М.Ю. Лермонтова. Любит путешествовать и участвовать в различных экспедициях.

Живёт в Москве.

Из цикла «Солдатские матери»

Афганские письма (из писем матери и сына)

Здравствуй, мама! Как часто в Афгане мне снится,
Что по нашему лугу иду босиком,
И журчит так спокойно в овражке криница,
А земля будто пахнет парным молоком.

*Сыночек, родной, твои письма сегодня читала –
Строчку каждую помню из них наизусть.
Ты, сыночек, мне пишешь так редко и мало...
Ты пиши – я молчания больше боюсь.*

А у нас здесь весна, расцветают тюльпаны,
И колышут ветра это море цветов,
На вершине – снега, а в пустыне – барханы,
Всё как будто застыло на срезе веков.

*А у нас ещё снег, только старого тополя ветки
Ветер рвёт и бросает на скользкий порог.
Из центральных газет вырезаю заметки,
Вдруг мелькнёт про тебя там хоть несколько строк?*

Знаешь, мама, колодец я наш вспоминаю,
Той прохладной воды мне б напиться сейчас!
Я верблюжью колючку кипятком заливаю,
И лишь фляга одна – весь дневной мой запас.

*Мой родной, я так много тебе написала,
Жду ответ, а его почему-то всё нет,
В сельсовет я ходила и там узнавала,
Может быть, затерялся на почте ответ.*

Ты не плачь, потерпи ещё самую малость,
Я ведь знаю, считаешь и ночи, и дни.
До приказа сто дней мне всего-то осталось!
Ты, родная, не плачь, пробегут и они.

*Ты послушай, сынок, я прошу тебя снова,
Если очень устал или тяжело писать,
Напиши мне всего лишь одно только слово,
Что ты жив – и мне легче тебя будет ждать.*

Здравствуй, мама, подходит к концу это лето,
Понемногу и пыль, и жара улеглись,
Не волнуйся, когда не приходит ответа,
Каждый день за меня ты, родная, молись.

*Засыпаю, сынок, и встаю я с молитвой,
Целый день я шепчу, тихо Бога моля:
«Сохрани и спаси! Будь Ты сыну защитой,
И помилуй его – он один у меня...».*

Вот и вышел приказ, скоро борт до Ташкента,
А потом я на поезде – прямо домой,
И останутся в прошлом войска Контингента,
И забуду в России и жажду, и зной.

А над миром, по-прежнему, солнце восходит,
И весной птицы гнёзда торопятся свить,
Только к матери письма теперь не приходят
И не будут уже никогда приходиться...

Солдатский крестик

Пришло письмо, но почерк незнакомый...
И стало страшно – что же там внутри?
Так и застыла, не дойдя до дома:
– Твой сын в плену. За выкуп – забери.

Я в поезде молилась всю дорогу,
Твердила, что успею, заберу!
Болело сердце, да гнала тревогу
И задремала только поутру.

И мне приснился маленьким Ванюшка,
Как жадно молоко из крынки пьёт –
Набегаётся за день, сядет кушать,
Бывало, за столом так и заснёт...

Сжимала крепко узелочек белый –
Корову продала и всех гусей.
Мне вся деревня собирала деньги,
Чтоб выкупила Ваню поскорей...

Призвали в армию, я крест ему я надела,
Шепнула: «Богородица-то – мать!
Спас на войне, Ванюша, крестик деда,
Ты постарайся крестик не снимать!»

Минуты, как года. Вокзал. И лица.
Писали мне, что тут и будут ждать.
Не как у нас, сухая здесь земля...
В своей стране пришлось повоевать.

Подходят. Ты такая-то? Такая...
Пойдём же, мать, здесь близко – за перрон.
Иду за ними, а душа рыдает.
Мешок в машине... приоткрыли... Он?

Он... Ваня... Но седой. Залитый кровью.
Истерзан так, что трудно и узнать.
И крестик деда брошен к изголовью –
С живого, видно, не смогли сорвать...

ЮБИЛЕЙ

Валентин СУХОВСКИЙ

75 лет со дня рождения писателя Ивана Алексеева

Удивительная судьба

Иван Степанович Алексеев родился в далёком селе на Алтае 75 лет назад, и кто мог знать, что у крестьянского парня, благодаря целеустремлённости сложится удивительная судьба.

В с. Усть-Пристани Алтайского края, где Иван Алексеев родился, учился в средней школе и получил свою первую медаль «За освоение целинных земель», гордятся своим земляком и читают только что вышедшую к юбилею своего села его книгу «Мой край – Усть-Пристань». О родном крае повествуется и в другой книге Алексеева «От села к селу».

Знают и помнят Ивана Степановича и в Кузбассе, где он работал на Сибирском металлургическом комбинате в Новокузнецке, учился в Сибирском металлургическом институте, где стал комсомольским лидером. Был первым в стране начальником Всесоюзного трудового студенческого лагеря на Томь-Усинской ГРЭС.

Избирался секретарём Новокузнецкого горкома комсомола. Поэт Павел Майский, лауреат Государственной премии, известный в Сибири, а затем на Кубани, вспоминает, что именно Иван Степанович поддержал его – молодого поэта и многих других.

После окончания Всесоюзной Академии внешней торговли Иван Алексеев работал в ряде стран, в том числе в Анголе (Торгпредом СССР), Ливане, Вьетнаме, Бельгии. В советское время заканчивал свою трудовую деятельность в ранге Зам. Министра. В настоящее время возглавляет одну из крупных внешнеторговых организаций в России. Доктор экономических наук, профессор, академик Горной Академии и вице-президент Международной Академии наук информации и информационных технологий. И.С. Алексеев является признанным авторитетом и автором книг по драгоценным

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в крестьянской семье в старинном селе Пежма (Богоявленское) на границе Архангельской области и Вологодчины. Стихи начал писать ещё в юности. Впервые опубликовал их в газете «Ленинский путь» осенью 1966 г. После окончания Литературного института им. А.М. Горького (1988 г.) работал заведующим отделом публицистики журнала «Наши современники», был корреспондентом «Охотничьей газеты» и газеты «Гудок», обозревателем журнала «Встреча». Член Союза писателей России, Лауреат премии Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов имени А. Фадеева, награждён Патриаршей Грамотой и грамотами Правительства Москвы.

Живёт в Москве.

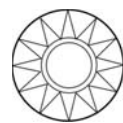

металлам и камням, по вопросам внешней торговли, дипломатии, философским и общественным проблемам. Личный опыт и энциклопедические познания позволили ему написать около 20 книг. Широкое признание получила его книга «Искусство дипломатии» или «Не победить, а убедить». Весьма содержательны и актуальны книги «Золото, алмазы, люди», а также «Войны, мир, власть». Острые социальные проблемы России подняты в его интересной книге «К последнему ковчегу».

О глобальных способах ограбления и закабаления, как в историческом контексте, так и в современной России, о богатстве во власти, о коррупции узнаём из книги Алексеева «Богатство и люди», в которой читаем и о спрятанных и утаённых сокровищах. В одной из глав «Не мы должны, а нам должны» о золотом запасе России, рассказывается о том, в каких банках и каких странах лежит русское золото.

Многие книги Ивана Алексеева стали учебниками, получили широкий резонанс и читательские отклики. Информационно-аналитический журнал «Университетская книга» за сентябрь 2011 г. признал его автором бестселлеров учебной литературы. Является членом Союза писателей России. Награждён медалью М. Шолохова, лауреат «Золотой книги России».

От души хочется поздравить Ивана Степановича с юбилеем и пожелать ему дальнейших успехов во всех видах его многогранной деятельности.

ПЕСНЯ СЛАВЯНСТВА

Лалка ПАВЛОВА

Лалка Павлова (Болгария) – поэтесса, председатель Содружества писателей в городе Плевене. Живёт в Плевене.

«Мечта о безумных ночах...»

Одиноко дерево стоит –
Вдалеке у горизонта тёмного.
В ясный день с ним ветер говорит,
Согревает ветви солнце томное.

Но печалью тень легла кругом,
Суховой, злорадствуя, куражится.
Плачет оно, молча, о былом,
Что-то ему мнится, что-то – кажется.

Ветви плетями поникли ниц,
В отшумевшей кроне ветер кается,
И не слышно щебетанья птиц,
И моя душа, чего-то, мается.

Вижу – с человеком параллель
Дерева, у горизонта синего.
Жизни одинокой канитель –
Без любви покрыта хладным инеем.

Между солнцем и тенью –
Прошлой жизни мгновенья
Память тихо рисует на туманной доске.

Вспышкой яркого света
Озаряет рассветы,
Где течёт речка детства, где следы на песке.

Между тенью и солнцем
Смотрит мама в оконце –
Напряженье во взгляде и тревога видны.

Сквозь пространство звучало:
Лалка! Доченька... Ла... ла...
...Мама, милая мама, о тебе вижу сны.

Между солнцем и тенью –
Проплывают виденья,
Растворяются в море всеобъятной любви.

Сквозь долины, ущелья
Проползают поверья,
В море Вечности светлой их с собой не зови.

Перевела с болгарского Галина МАМОНТОВА

Галина Викторовна Мамонтова – поэт, прозаик. Член Союза писателей России, член Академии Российской литературы. Награждена Почётным Дипломом «Золотое перо Московии», Золотой Есенинской медалью, юбилейной медалью в честь 70-летия основания Союза писателей СССР. Автор книги стихов для детей «Солнечный зайчик». Живёт в Лобне.

Осеннее настроение

шепчутся листья, ветром гонимые,
песенным вихрем, наверно, их носит.
помнятся ещё звоны сверчков
и аромат сенокоса.
бегут листья, ласкаясь словно влюблённые,
и звучные соловьиные напевы
слышу в их танце.
в ритме их – дыхание июльских вечеров,
мечта о безумных ночах.
жду с нетерпением,
вслушиваюсь в себя.
когда же отойдёт моё лето?
тихо оплакиваю упущенное,
так и я уйду когда-то.

Хаос

завидую вам, парни и девушки,
не годам и не молодости.
завидую потоку вашей мечты,
этому смелому скачку мысли,
всё ещё неподвластной канону,
донкихотству ваших сердец,
дерзости ваших сердец,
даже при ударах судьбы,
при том, что завтра всё будет иначе.
потому что моя крутая тропа
вывела на самый верх.
куда идти вперёд?
предо мной только мрак и пропасть.

Чудо

девушка на площадке
кормит голубей ...
ветер развеивает волосы
цвета спелой пшеницы,
и солнечный луч игриво
заглядывает ей в глаза.
а под блузкой,
нежная грудь
поднимается от сердцебиения
как от волны прилива.

на краю скамьи,
один парень жадно глотает
опьяняющий аромат
женской плоти,
смешанный с ароматом
петунии...
и точно от прикосновения неведомой силы,
весело запел фонтан.

и случилось чудо –
под куполом небес, точно в храме,
от встречи взглядов
родилось чувство.

Перевела с болгарского Светлана ЗАМЛЕЛОВА

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Сергиевом Посаде.

ПРОЗА

Сергей ДУБЯНСКИЙ

Кирилл и Ян

Ян уже почти час стоял в коридоре вагона, наблюдая за мельканьем голых деревьев, серыми облаками на сером небе и огромными грязными лужами, соединявшимися протоками в мерзкой жирной глине. Какой транспорт, кроме могучего «Кировца», мог решиться тут проехать, Ян не представлял, но колея явно принадлежала не трактору.

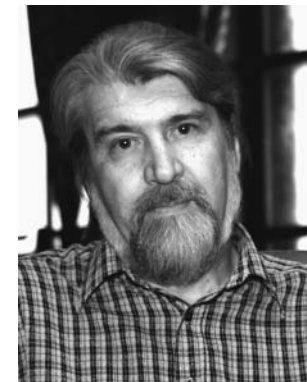
...Может, «землеход» инопланетян? По типу нашего лунохода. Хотя лучше не надо. Если они увидят весь наш бардак, то просто уничтожат эту страну гораздо раньше, чем она загниётся сама – чтоб другим неповадно было...

Мимо прошла толстая проводница, и Яну пришлось прогнуться, коснувшись холодного влажного стекла. Это вернуло от глобальных проблем к сиюминутной реальности, и он заметил, как недовольно взглянула на него девушка в голубом фартучке, следовавшая за проводницей – она уже третий раз проходила мимо с салатами и похожими на раздавленных мышей, серыми котлетами. Наверняка ей было не понятно, чего человеку не сидится в своём купе, на мягком диване. ...Но не буду ж я объяснять всем и каждому, что органически не выношу запаха грязных носков! Всё равно ведь не поймут – для них это нормально. Чёртов Славик!.. (они познакомились ещё до того, как сосед снял туфли) Неужто сам не чувствует?.. Хотя чувствует, иначе б не убрал их на ночь в пакет – охрененно благородный жест!.. Впрочем, здесь во всём так – все делают вид, что хотят, как лучше, а получается...

Ян обернулся – Славик преспокойно разгадывал кроссворд, а напротив сидела девушка с издевательски символичным именем Виктория и ела салат из пластиковой тарелки.

...Я нахожусь там не могу, а она ест! Во истину, победа всеобщего быдлизма!.. – Ян снова отвернулся, хотя и пейзаж за окном в точности соответствовал его настроению.

– Ян! – раздался голос Славика, – слышь!

Сергей Дубянский (Сергей Николаевич Васильев) – родился в 1955 г. в Воронеже. Окончил Воронежский политехнический институт. Работал на заводе, начав с инженера-наладчика и закончив начальником отдела, занимался предпринимательской деятельностью. Один из создателей и председатель Воронежского городского литературного объединения «Орион» в середине 1970-х гг. Автор одиннадцати книг прозы, печатался в журналах «Подъём», «Север», «Странник», «Сура».

Живёт в Воронеже.

– Что? – при этом Ян не обернулся, хотя обычно на это второе, придуманное имя, всегда реагировал быстрее и охотнее, чем на первое, которое значилось в паспорте.

Первое имя знала лишь мать, жившая в тысяче километров от Москвы; университетские приятели, с которыми Кирилл практически не общался, и главный редактор, сам заинтересованный в сохранении тайны. Конечно, были ещё всякие администраторы гостиниц, вокзальные кассиры, гаишники, но они не знали второго имени, и для них он являлся обычным клиентом, а не корреспондентом популярного столичного еженедельника. Вторым именем он подписывал репортажи, им представлялся, по нему его знали – Ян Борецкий! Это ж совсем не то, что тяжеломерно корявое – Кирилл Колодин.

– ...Ян, столица Турции ведь Стамбул? А тут не подходит.

– Анкара, Славик. Это в пятом классе проходят...

Творческий псевдоним возник сам собой – имя Кириллу нравилось давно, а фамилия прилепилась, вроде, случайно, но тут же обрела глубинный смысл. Во-первых, она прекрасно сочеталась с именем по национальному признаку, что немаловажно для восприятия образа автора. Во-вторых, у основной, наиболее тупой части публики, она ассоциировалась с некоей борьбой (журналист ведь непременно с чем-то борется, что-то клеймит, раскрывает чьи-то ужасные тайны), а у более просвещённых протягивала ниточку к мятежной Марфе Посаднице, в незапамятные времена сражавшейся за отдаление Великого Новгорода от Москвы и за подчинение его полякам. Получилась вполне органичная «польская линия», хотя в самой Польше он никогда не бывал, да особо и не рвался – не та это страна, где ему хотелось бы жить. Его больше привлекала Австрия; особенно, сказочный городок Зальцбург, втиснувшийся среди Альп, родина великого Моцарта.

...За каким хреном я еду?.. В Выхино вчера строительный рынок по-лыкнул – пиши-не хочу, а тут буду выворачиваться наизнанку... было б перед кем! Перед дегенератами, которые не знают столицу Турции? Они ж и читать не умеют, а ищут знакомые буквы! А сейчас ещё подрастёт поколение, возвращенное на ЕГЭ – во, будет закат цивилизации... – Ян проводил взглядом заброшенный хутор, отделённый от дремучего леса полуразвалившимся забором. Мысль замерла, так как её развитие неминуемо толкало в бездонную чёрную пропасть.

Обычно, на время командировки, Кирилл, сохранивший за собой крохотную каморку в уголке сознания, спал, даже не напоминая о себе, но поскольку сейчас работа ещё не началась, он решил подать голос:

– ...Зато какой здесь народ! Допустим, не везёт ему с правителями, а он всё-таки выживает и будет выживать. Вспомни, к примеру, прошлый год...

И Ян вспомнил. Вспомнил затопленные дома, плавающую мебель, торчащую из воды кабину КамАЗа; но самое жуткое впечатление оставила вздувшаяся туша коровы, дрейфовавшая вдоль столбов, обозначающих скрытую водной гладью дорогу. Ещё Ян помнил лихих ребят из МЧС (собственно, сейчас он и ехал к ним); вместе они тогда искали укрывшихся на крышах и чердаках людей, которые стерегли своё добро от мародёров. Ян сделал тогда материал об этом катастрофическом паводке, определив главной героиней бабушку, чудом втащившую на крышу козу и объявившую, что не бросит «кормилицу» и, если «Богу так угодно», умрёт вместе с ней. Репортаж получился

настолько пронзительным, что после его публикации в области началась проверка, и один из вице-губернаторов даже лишился кресла.

– И что? – Ян презрительно посмотрел на «соседа по телу», но поскольку ему было скучно, снизошёл до более обстоятельной беседы, – *героизм нужен там, где нет профессионализма, а у нас его нет нигде; потому Россия – страна героев. Великая победа, твою мать, сняли вице-губернатора! Так на его место поставят такого же – это сама вертикаль власти уцербная... Ты тут народом восторгаешься, а если вдуматься – когда козы и шмотки ценятся дороже собственной жизни, это что? А я скажу – это уже извращённое сознание!..*

– *Насчёт вещей, согласен, а, вот, бабу с козой, я понимаю, – Кирилл вспомнил, как пацаном кинулся на здорового пса, спасая котёнка, но делиться своими воспоминаниями не стал, представляя реакцию «соседа»; он молча закрыл дверь в свою каморку, и Ян с радостью вернулся в день сегодняшней. Правда, радоваться было особо нечему – командировочное задание выглядело абсолютно бесперспективным, из раздела «По следам наших выступлений».*

...Да ни хрена там не изменилось!.. Ян привстал на цыпочки, сделал пятток едва заметных наклонов, потому что поясница затекла от долгого стояния, но нюхать грязные носки было намного хуже.

– Ян! – снова донеслось из купе, – первый президент США, демократ! Ни Линкольн, ни Вашингтон почему-то не подходят!

– Они и не подойдут – при них ещё никаких партий не было. А первый демократ – это Кливленд.

– Блин, точно! Откуда ты всё знаешь?

– В школе хорошо учился, – пошутил Ян, но и с юмором у Славика оказалось неважно; он удивлённо отложил ручку.

– Я, блин, академию закончил, и то не знаю!

...Представляю, какая академия в твоём Мухосранске, – Ян усмехнулся, – тебе б мой диплом показать – ты б только на «Вы» разговаривал... – но промолчал – он давно отучил себя заниматься «метанием бисера перед свиньями».

На смену деревьям пришли серые, ещё непросохшие под нежарким весенним солнцем, домики; потом они стали подрастать, делаясь благообразными и отгораживаясь каменными заборами; следы «землеходов» стали гуще, появились люди, магазины. Это начинался город, который за прошедший год успел смешаться с десятком других, точно таких же, превратившись в безликое нагромождение строений.

Вернее, нет, кое-что Ян помнил конкретно – например, загаженный голубями памятник Ленину на пустой площади, новенькое здание МЧС с развевающимися флагами у входа; кафе, где было вполне приемлемое пиво, но «резиновая» пицца.

...Сейчас поговорю с МЧСниками... хотя что они мне скажут, если в этом году особого паводка не было? Что всё у них теперь хорошо? Так в России всё всегда хорошо, пока где-нибудь не случится катаклизм – тогда сразу кидаются всё проверять, и везде оказывается плохо... ну, страна у нас такая – сплошных авралов и «компаний по борьбе...»

Интересно, бабу с козой жива?.. Да, пожалуй, для начала съездим к ней, а дальше, посмотрим. Что-нибудь накропаю, коль уж за это платят. Собственно, для чего мы живём? Чтоб зарабатывать в трудах и тратить в удовольствиях...

Поезд подкатился к перрону и тяжело вздохнув, замер. В тишине возникли голоса, шаги, зашуршали пакеты. Ян никуда не спешил, поэтому вышел одним из последних, когда бурный людской поток уже перетёк в город через новенькие кованые ворота; двигаясь по течению изрядно обмелевшего «ручейка», он вышел точно к стоянке такси.

– Мужики, в МЧС кто-нибудь кинет?

– Садись, – пожилой мужчина распахнул дверь, – две сотни.

...*Всё же в провинции есть своя прелесть, – Ян аккуратно пристроил на колени видавший виды кофр, – в Москве за две сотни разговаривать не будут, а здесь дверь открывают!..*

– А правда, что Москва полдня стоит в пробках или врут, как всегда? Типа, чтоб мы тут на жизнь не шибко жаловались? – спросил вдруг таксист, останавливаясь у светофора.

– Не, вот в этом не врут, – Ян усмехнулся, – слушай, а с чего ты решил, что я – москвич?

– Есть в вас во всех что-то такое.

...*Есть, – мысленно согласился Ян, – иллюзий у нас меньше. Только внешне-то как это проявляется? Одежда, вроде, по-вашему... – Ян отвернулся к окну, разглядывая облезлые четырёхэтажные здания, явно построенные ещё до войны. Горожане наверняка гордились «старинным» обликом главной улицы, а Ян чувствовал, что не смог бы прожить здесь и месяца – эти неторопливо двигавшиеся пешеходы; автомобили, степенно ползшие четко двумя рядами; витрины магазинов, сохранившие неформат начала перестройки – настоящее сонное царство. ...А меня никто, слава Богу, и не зовёт сюда жить...*

– В этом году разлив сильный был? – спросил он.

– Да так, – водитель пожал плечами, – снега почти не было, и весна затяжная. Вот, в прошлом году, да! У меня сестра в районе живёт, так их чуть не смыло. Такое было в шестидесятом – я пацаном ещё бегал, но помню.

– Кстати, а при социализме как с паводками боролись?

– Да никак, – водитель усмехнулся, – кому мы нужны в этой стране, хоть тогда, хоть сейчас? Ту же сестру взять – обещали и компенсацию за имущество, и дом из бюджета отремонтировать, а в итоге, как вернулась в полузатопленную халупу, так и живёт. Газ обещали подвести по какому-то там национальному проекту, так дотацили до посёлка, а дальше, говорят, за свои бабки – шестьдесят штук с двора, и пользуйтесь благами цивилизации. А откуда в деревне шестьдесят тысяч? Даже если дом продать и жить на газовой трубе, всё равно не хватит. Вы ж этого не знаете в своей Москве. Я читал, у вас квадратный метр стоит сто пятьдесят тысяч, а у нас мерило – «продовольственная корзина»; типа, сколько хлеба и картошки человек может себе позволить съесть в месяц!..

Водитель замолчал, поняв, что отправляет претензии не по адресу, и Ян решил не продолжать тему – зачем объяснять какому-то таксисту, что ждёт эту страну в обозримом будущем? Кто он такой? Его дело – крутить баранку.

...*А помнишь нашу коммуналку с сортиром в конце коридора? А как мать, ни свет ни заря, бегала занимать очередь за молоком?.. Вот было жуткое время!.. – напомнил Кирилл, – а сейчас всё класс...*

Вступать в полемику о том, что лучше – наше настоящее или наше прошлое, Яну не хотелось, и он предпочёл возобновить беседу с таксистом.

– Думаешь, в Москве живут одни олигархи? – спросил он, – там есть и свои нищие, и своя «продовольственная корзина».

– Ой, да бросьте вы! – таксист, похоже, всех москвичей считал олигархами, и дальше они снова ехали молча.

Когда показалось здание цирка с плоской скошенной крышей и рекламными щитами на фасаде, а напротив белые флаги с «розой ветров», Ян узнал это место и попросил:

– Останови.

Такси лихо тормознуло у входа, но едва Ян вышел, поспешно отъехало, потому что к нему сразу направился суровый человек в серой форме. ...*Блин, конечно, а вдруг генерал подкатит на своём «мерине»? У нас же всё для блага народа, – ехидно подумал Ян, поправляя на плече кофр.*

Помпезно отделанный холл областного МЧС ничуть не изменился, даже телефон стоял на том же столике, и достав визитку, полученную в прошлом году, Ян набрал короткий трёхзначный номер.

– Добрый день. Капитана Орехова можно услышать?

– Он на ликвидации. Должен быть к концу недели, – сообщил женский голос.

– А... – Ян напряг память, – лейтенант ещё у вас есть; не помню, как зовут – молодой такой, высокий, красивый.

– Знаете, сколько у нас красивых высоких лейтенантов? – вздохнув, девушка положила трубку.

...*Похоже, ей, бедной, лейтенанта не досталось, – Ян вышел на улицу, – вообще, классный расклад. И что – до конца недели торчат в этой дыре? Да и было б ради чего!.. Значит, работаем по стандартной схеме – зря только приехал...*

– Извините, – он остановил шедшую мимо женщину, – а где здесь Администрация области?

Женщина, видимо, не признала в нём москвича и посмотрела с подозрением, как на потенциального террориста.

– Вон, за угол повернёте, и метров триста.

– Спасибо, – снова поправив кофр, Ян отправился за угол.

Чтоб сляпать материал по «стандартной схеме», действительно, не требовалось покидать редакции, а достаточно было вдумчиво покопаться на сайте Администрации, потом найти «тревожные сигналы» и «сердечные благодарности», творчески всё это переработать в словесный винегрет и приправить собственными выводами, зависящими исключительно от отношений центральных властей к властям данного региона. Но Ян был принципиальным противником подобной работы, считая, что она допустима в ежедневной газете, призванной лишь доносить информацию, а никак не в еженедельнике, где люди ищут анализ событий, какие-то неизвестные, как правило, пикантные подробности. Потому он и хотел прокатиться с Костей Ореховым по местам их прошлогодней «боевой славы». ...*Блин, как же называлась деревня-то? Бредихино?.. Бредякино?.. Синдякино?.. Ладно, гляну потом в компьютере...*

Впереди возникла площадь с Лениным, по случаю подготовки к майским праздникам отмытым от голубинового дерьма. На фоне прочих, здание Администрации смотрелось очень солидно, но для того, кто, как свои пять пальцев, знал Дом Правительства РФ, выглядело сараем, облицованным старой пожелтевшей плиткой. Ян поднялся на высокое крыльцо и, миновав

неработающий металлоискатель, сразу направился к телефону; нашёл по списку нужный номер.

– Добрый день, – голос в трубке оказался гораздо приятнее и приветливее, чем в МЧС.

– Девушка, а кто у вас мог бы встретиться с прессой? – Ян назвал издание и фамилию. Фамилия, конечно, вряд ли, а, вот, название еженедельника определённо произвело впечатление.

– Что вас интересует?

– В прошлом году я был здесь во время паводка, когда целые деревни смывало...

– Ой, да мы уж и забыли этот кошмар, – перебила трубка, – всё давно восстановили, людям компенсации выплатили...

– Кто б сомневался, – усмехнулся Ян, вспомнив родственницу таксиста, но девушка не почувствовала издёвки.

– Хотите, сделаю подборку документов? – предложила она.

– Хочу, – Ян уселся рядом с женщиной, судя по выражению лица, пришедшей на кого-то жаловаться. Можно было б, конечно, разговорить её и выудить какую-никакую темку, но мысль возникла совсем другая: *...Как же так получилось? Маринка вчера днём звонила, и ей сказали, что Орехов на месте. То есть, он уехал сегодня утром? Не, я понимаю – ликвидация, но неужели не могли отправить кого-нибудь из «высоких красивых лейтенантов»? Что такое, не везёт, и как с ним бороться...*

– Кто здесь Борецкий?

Ян вскинул голову и увидел длинноногую девицу в мини, с распущенными русыми волосами. Вопрос звучал, по меньшей мере, глупо, если учесть, что, кроме мента на вахте, «жалобщицы» и Яна, в холле не было никого. Но Ян являлся гостем, и приходилось играть по принятым здесь правилам.

– Я, – поднявшись, он протянул «корочку». Девица мельком взглянула в неё и улыбнулась. Вообще, выглядела она не в меру сексуально для сотрудницы администрации. *...Похоже, понятие дресс-кода сюда ещё не дошло,* – решил Ян, – *если б у нас так одевались, я б реально жил во всех префектурах по очереди!..*

– Пожалуйста, – девица подала диск, – здесь Решения областной Думы, Постановления...

– Спасибо, – Ян сунул диск в кофр, – а как вас зовут?

– Алёна.

– Звучит красиво. Так вот, Алёна, вы ж понимаете – любой официоз я мог бы получить и в Москве. Мне интересно, чтоб вы что-нибудь дополнили лично – то, чего нет в этих победных релициях; мы ж оба знаем им цену. Поэтому предлагаю любое кафе, на ваш выбор.

– А если у меня, например, есть жених? Ну так, между прочим, – она хитро прищурилась, но Яна никогда не пугали даже мужья, а уж, тем более, женихи.

– Очень верно подмечено.

– Что именно? – удивилась Алёна.

– То, что жених – это «между прочим», – Ян взял её руку, – я, честное слово, не собираюсь претендовать на сие почётное место. Так что, Алён? Куда мы идём?

В этот момент, совсем некстати, появился солидный мужчина в очках, перед которым даже мент на вахте принял подобие стойки «смирно». Алёна

резко высвободила руку, но Большой Начальник проследовал мимо, даже не взглянув ни на кого, и скрылся внутри здания.

– Если, конечно, вы не удовлетворены информацией... – продолжала девушка, видимо, успев обдумать предложение.

Яна так и подмывало сказать, что его трудно удовлетворить с помощью CD, но вместо этого обворожительно улыбнулся.

– Да, не удовлетворён. И могу с чистой совестью написать, что местные бюрократы вместо откровенной беседы формально сунули мне дутый отчёт о якобы проделанной работе. Так что, Алёнушка, в ваших руках доброе имя области.

– Давайте вечером, в семь; здесь, у входа, – словно боясь передумать, девушка поспешила скрыться под защитой мента с тощей, явно пустой кобурой, но всё-таки оглянулась, прежде чем, стуча каблучками, раствориться в длинном коридоре. Ян некоторое время наблюдал за призывно двигавшимися под узкой юбкой ягодицами и белой блузкой, сквозь которую просвечивала ещё более белая полоска бюстгалтера. *...Теперь можно сидеть тут и до конца недели,* – решил он, – *по крайней мере пополню свою коллекцию...* Правда, «музейные стеллажи» и без того ломались от «экспонатов», но тут уж сработала привычка – вечера не должны пропадать бездарно.

– *...Она хорошенькая,* – заметил Кирилл, молчавший всё время, пока речь шла о работе.

– *А ты знаешь у меня хоть одного «крокодила»?* – Ян усмехнулся, – *это только ты мог с очкастой Иркочкой из девятого «Б» сосаться по подъездам...*

Кирилл униженно замолчал, и Ян, довольный собой, вышел на крыльцо. Протянутой рукой Ленин указывал на сквер по другую сторону площади, и Ян направился туда, чтоб взглянуть на содержимое диска – вдруг там не хватит материала даже на «стандартную схему».

Пройдя мимо укрытого с прошлой осени фонтана, он устроился на скамейке и достал ноутбук. На диске, действительно, оказалась масса обещанных документов, но их сухие строчки не впечатляли. По ним всё, естественно, выглядело красиво, но Ян-то уже привык, что, чем красивее отчёты, тем меньше в них правды. Он уставился на мёртвый фонтан.

...Всё-таки не мешало б смотаться к бабке с козой, чтоб оживить всю эту ахинею, – посмотрел на диск, вылезший из ноутбука, – *точно, деревня Бредихино!* – Ян реально увидел синюю табличку на торчащем из воды бетонном столбике, – *как у нас на факультете говорили – «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете...» Или выражаясь современным языком – бешеной собаке семь вёрст не крюк...*

– *А как же планы на вечер? Ты что, хочешь пробросить такую девушку?* – испугался Кирилл, – *что тебе далась та бабка с козой? Напиши, что она жива... или не жива – проверять-то никто не будет!*

– *Да не могу я это написать, потому что – профессионал! А девиц таких полстраны!.. Конечно, если сравнивать её с твоей Иркочкой, то, понятное дело...*

– *Что ты примотался к Ирке?* – Кирилл обиделся, – *сам всё знаю, но она была единственной, кто на меня клюнул!*

– *В том, вот, твоя беда,* – Ян вздохнул, – *ты всегда ждёшь, когда тебя выберут, а должен выбирать сам! Ладно, может, ещё и успею вернуться к семи...*

Ян уверенно направился в знакомую гостиницу, где, как и в прошлом году, редакция забронировала ему номер, а, заселившись, сразу поехал на

автовокзал. Всю дорогу Кирилл молча вздыхал, и Ян перестал обращать на него внимание.

На автовокзале выяснилась потрясающая вещь – оказывается, автобусы в Бредихино не ходили; то есть не по какому-то стечению обстоятельств, а уже год не ходили вообще! Надо было ехать до какого-то Глушенково, а дальше восемь километров, хоть идти пешком, хоть лететь на крыльях.

...Я ж не имел в виду так буквально – трое суток шагать!.. – Ян растерянно остановился посреди зала, и Кирилл понял, что у него появился шанс.

– Слушай, какую сенсацию ты там хочешь нарыть? – начал он вкрадчиво, – если туда даже автобус отменили, ежу понятно, что никто там ничего не восстанавливал. Ну, пообщаешься ты с бабкой и её козой, и что? Нечего там делать; тебе даже сверху подсказывают – всё ж одно к одному, и Орехова угнали в командировку, и диск с документами уже есть... для полных дебилов, которые ни хрена не понимают, даже автобус отменили!.. И само название-то – Бредихино; от слова «бред»!..

Во всём этом присутствовала определённая логика, но Ян не мог допустить, чтоб непутевый «сосед» вмешивался и в его профессиональную деятельность – хватит того, что в свободное от работы он приставал со всякими глупостями.

В стороне от автобусов стояли пять грязных легковушек, водители которых, азартно резались в карты на капоте старой «шестёрки», и Ян подошёл.

– Мужики, Бредихино – знаете такой населенный пункт?

– И чо? – спросил один, даже не обернувшись.

– Ни чо! – Яна бесил этот беспросветный похренизм, – сгонять надо! Подождать пару часов и привезти меня обратно.

– Ну, туда – штука! – водитель эффектно убил козырной дамой пикового туза, – обратно – штука! – в ход пошёл козырной король, – и каждый час ожидания – по пятьсот... а это вам, хлопцы, на погоны, – он бросил на капот две фоски и наконец обернулся, – что, командир, за три штуки едем?

– Едем.

* * *

Водитель оказался неразговорчивым, и Яна это устраивало – он не мог назвать причину, но не испытывал симпатии к этому человеку. Профессия, конечно, научила его приспособливаться к любым собеседникам, но сейчас необходимости беседовать не было, ведь вся нужная информация ждала его в конце маршрута.

Ян уставился в окно, пытаясь отыскать колоритные штрихи, всегда придававшие репортажам яркость, но скоро понял, что ничего интересного вокруг нет и быть не может – лишь грязная обочина, редкая лесополоса с корявыми деревьями, корка прошлогодней листвы, ещё державшая в плену хилую зелень, а за лесополосой бескрайние, вспаханные с осени чёрные поля.

Убогая бесконечность, среди которой он двигался к весьма расплывчатой цели, настраивала на философский лад, и тут, как всегда, появлялся Кирилл, ловивший подобные моменты.

– ...И чего ты добился? – спросил он, отвлекая Яна от созерцания разбуженной, но ещё не проснувшейся природы.

Про данный конкретный случай тот ответить не мог, поэтому перешёл на глобальные категории.

– Всего! Ты посмотри на себя и на меня. Да ты должен, вообще, молчать в тряпочку за одно то, что я позволяю тебе паразитировать за мой счёт! А ты, свинья, ещё пытаешься мне что-то указывать!

– Ничего я тебе не указываю, – снова обиделся Кирилл, – пишешь ты, что хочешь...

– Ну, не хватало, чтоб ты ещё совал нос в то, что я пишу! – Ян возмутился до глубины души, – хватит, что ты пытаешься командовать, с какой девкой мне спать! Вот, скажи, чем эта Алёна лучше той же Настьки?

– А всем лучше...

Настя была хохлушкой, закончившей какой-то университет и приехавшей покорять Москву – Киев ей показался мелковат. Она бредила телевидением, и Ян, случайно познакомившись с ней, взялся помочь. Расчёт за услуги, естественно, принимался в натуральной форме, но после пары «взносов» Насте вдруг расхотелось уходить на съёмную квартиру в Строгино, которую она снимала на троих с ещё двумя такими же «завоевательницами».

Карьера теледивы, правда, не состоялась, потому что друзья Яна позвонили через неделю и сказали: – Девочка твоя хочет не меньше, чем собственное шоу на федеральном канале, а тут постели маловато – тут еще бабки нужны. Ты за неё впрягаешься? Ян, конечно, ответил – нет, но Настя к тому времени уже как-то прижилась на новом месте.

Кстати, очень быстро выяснилось, что карьера – совсем не главная её цель, а вполне достаточно светских тусовок, свободного пропуска на телецентр и прочих, как считал Кирилл, «дешёвых понтов», но Яна девушка устраивала. А что – смазливая, послушная и всегда под рукой...

– Слышь, брат, – неожиданно подал голос водитель, – ты знаешь, как ехать в это твоё Бредихино?

– Я?.. – Ян от удивления вытаращил глаза, – да без понятия! Рулило у нас кто?

– Рулило-то я, – водитель усмехнулся, – но я чего, каждую деревню должен знать? Слышал, есть такая в Глушенковском районе – так до Глушенково осталось километров двадцать, а дальше куда?

– Дальше ещё восемь километров, – Ян вспомнил девушку из справочного бюро, – но, вот, куда?..

– Ладно, спросим в Глушенково.

Ян подался вперёд, выглядывая хоть какой-нибудь указатель, но не было ничего, кроме тех же бескрайних полей и раздолбанной дороги, на которой машину трясло мелкой болезненной дрожью.

– ...А я предупреждал – не фигу сюда переться, – воодушевился Кирилл, – слава Богу, время есть, чтоб вернуться к семи...

– Да достал ты! Трахну я твою Алёну! Только угомонись!

– Почему только трахну? У неё взгляд...

– Хорош, а! Две «палки», и до свиданья! Как всем!..

Сразу за поворотом возник покосившийся сарай с вывеской «Автостанция Глушенково», из которой, похоже, совсем не вчера вывалилась буква «с». Возле «сарая» стоял ПАЗик, а чуть в стороне жутко грязные «Жигули». Рядом с ними таксист и остановился. Ян тоже вышел, скорее, чтоб всласть потянуться и размять ноги, затёкшие в непривычно тесном салоне.

Таксист постучал в стекло, и оно с готовностью опустилось.

– Слушай, Бредихино где-то тут есть. Как туда проехать?

– Проехать просто, только Бредихино больше нету, – «абориген» засмеялся, видя удивлённые лица гостей, – там жителей-то было человек двадцать; после прошлогоднего наводнения его решили не восстанавливать, а народ расселили. В смысле, как расселили – кто уехал к родственникам, кому в райцентре брошенные дома выделили; фермер один – ну, типа, при деньгах, тот в город подался. А вам кого там надо?

– А кого нам надо? – таксист повернулся к Яну.

– Как бы сказать?.. – тот почесал затылок, – бабка там жила. С козой. Дом у неё с краю. Не знаю, как зовут...

– Дунька, что ли? – подсказал «абориген», – она на рынке постоянно молоком торговала. Так Дунька померла.

– Когда? Во время паводка?

– Не, после. К осени ближе. А чего вы хотели?

– Да ничего. Спасибо, – Ян отошёл – задача решилась сама собой, просто и до обидного примитивно.

– Дальше чего? – таксист был явно доволен, что не придётся забираться в глухомань, где вместо дороги, наверняка, лишь «направление».

– Поехали обратно, – Ян вздохнул, – две штуки отдам, как договаривались, – он забрался обратно в машину.

– ...Слышь, повезло тебе – успею к твоей Алёне, если не сломаемся, так что будет и на твоей улице праздник – член-то, как ни крути, у нас один...

Кирилл не ответил на такую пошлость, и едва машина развернулась, Ян закрыл глаза – наблюдать тусклый однообразный пейзаж не было ни интереса, ни смысла. ...Исходя из ситуации, план такой – сегодня сплю с «административной подстилкой»; завтра посмотрю диск, прикину материал, а вечером...

– Алёнку пригласи, – подсказал Кирилл.

– Какая Алёнка? О чём ты говоришь? Вечером, по любому, на Москву! И никаких соплей! Я даже билет сейчас возьму...

– Слушай, – Ян открыл глаза, – в городе кинь меня на ж.д. вокзал – билет надо взять.

– Получается, зря прокатился? – в голосе таксиста звучала неподдельная радость от чужой неудачи.

– Почему зря? – Ян не любил признавать даже крохотных поражений, – план я выполнил, а бабка с козой – это сверхзадача.

– Ну, и слава Богу, – таксист разочарованно вздохнул, и оба замолчали теперь уже до самого города.

С билетами проблем не возникло; вернее, возможно, у тех, кто ездил в плацкарте они были, но Ян предпочитал, если не СВ, то хотя бы купе.

Таксист давно уехал, до семи оставался целый час, поэтому выйдя с вокзала, Ян не спеша побрёл по главному проспекту, решив за неимением достойного «оживлянга», вставить в репортаж впечатления от города.

Со смотровой площадки, где тонкую стелу венчал орден Отечественной войны, открывался вид на водохранилище, и Ян достал камеру. ...Пусть хоть такой водоём будет, – он сделал несколько снимков, – вообще, вода – интересная штука; кто-то, вот, запускает «механизм» её безумия или просто в прошлом году снега выпало больше нормы, а глобальное потепление пошло ускоренными темпами?..

– А ты сам как думаешь? – подал голос Кирилл, но Ян не ответил, чтоб не провоцировать бессмысленный поиск никому неизвестных истин.

Миновав сквер, он подошёл к вождю мирового пролетариата, уверенно смотревшему в одном ему видимое, светлое будущее. Часы на башенке, венчавшей потрепанное жёлтое здание, показывали без четверти семь, и Ян направился к Администрации.

...Лестница к небожителям, – подумал он, но сосчитав ступени, усмехнулся, – не высокого полёта птички-то, – потом поднял взгляд к флагам России и города, рядышком развевавшимся на крыше, – зато понтов!..

Из Администрации выходили мужчины и женщины, причём, в основном, парами и оживлённо беседуя. ...Небось, думают, что решают великие проблемы, – Ян вздохнул, – страна сплошных понтов... Он остановился в створке, чтоб не мешать «небожителям» спускаться с Олимпа к вверенному им народу. ...С другой стороны, за годы советской власти их же научили, что главное – щёки надувать; типа, ты кто? Я, член парткома! А что ты умеешь, член? А ничего! Только рулить, поскольку «Партия – наш рулевой». Вот, до сих пор никак не отвыкнул...

Со стоянки, занимавшей почти четверть площади, стали отъезжать чёрные «Ауди». ...И никогда, господин Президент, вы не пересадите их на «Волги» – понты-то куда они денут? И плевать всем на ваши Указы. Как всё-таки правильно подмечено, что строгость российских законов нивелируется необязательностью их исполнения. Куда ни кинь – какой-то жуткий заповедник...

Алёна вышла одна. Ян помахал рукой. Резко свернув, девушка, направилась к нему, и через минуту они встретились.

– Ну, привет, – Ян взял её за руку, но не почувствовал ответного движения, – куда идём?

– Не знаю, – Алёна пожала плечами, – только учтите, я даже не представляю, о чём вам рассказывать.

– Искусство журналиста в том и состоит, чтоб правильно ставить вопросы и получать нужные ответы. Так, куда? Чтoб и поесть можно было – я целый день голодный.

– А что так? – не называя конечной цели, Алёна пошла через площадь, и Ян последовал рядом.

– Не успел. Я ж в прошлом году был здесь после паводка; репортаж сделал, после которого ваш вице-губернатор загремел под фанфары.

– Так это вы написали? – Алёна повернула голову, и Ян впервые заметил в её глазах подлинный интерес, – помню, шуму много было. Над судьбой бабки с козой женщины у нас рыдали.

– Писать я умею – работа у меня такая, а, вот, объясни, – Ян нащупал тему, – хоть убей, не понимаю людей, готовых утонуть вместе со своим барахлом.

– Немудрено, – Алёна пожала плечами, – вы ж не представляете их жизнь. То, что вы назвали барахлом, это всё, что у них есть, и они прекрасно отдают себе отчёт – ничего другого у них никогда не будет, так как нет денег. Дом новый они не построят, еда – только та, что лежит в погребе, одежда – та, что висит в шкафу; всё, больше ничего за душой нет! Вот, пропадёт оно, и как жить потом? Бомжевать? Они спасают имущество не от жадности, а чтоб выжить в дальнейшем, понимаете? Кроме, как на себя, надеяться им не на кого.

– А как же наше любимое государство?

– Вы что, реально верите в него? – Алёна остановилась; хотя тут же выяснилось, что сделала она это вовсе не от удивления, – нам сюда. Вполне приличное кафе.

Они вошли, сели за столик, но воззрения новой знакомой интересовали Яна гораздо больше, чем меню.

– То есть, диск, что ты мне дала, высосан из пальца, так?

– Если вы это напишите, меня уволят.

– Да не напишу, не бойся, – Ян ласково взял руку девушки, – слово даю! А ещё лучше, я сначала пришлю тебе материал, чтоб ты подправила, если что. Поверь, ради сенсаций «своих» я никогда не сдаю.

– А я уже ваша? – Алена удивленно вскинула брови.

– В некотором роде, да; пока не во всём, конечно, но над этим будем работать позже, – Ян улыбнулся.

Алёна, видимо, оценила двусмысленность фразы, и они сидели, молча улыбаясь друг другу, пока не появился официант.

– Что будешь пить? – Ян открыл меню.

– Наверное, ничего.

– Ведёшь здоровый образ жизни?

– Да нет, – Алёна засмеялась, – не курю – это да, но вино пью; только завтра мне за руль, поэтому как-то страшновато.

– Ментов, что ли, боишься? – Ян искренне удивился.

– И ментов тоже. А больше, что сама куда-нибудь въеду – я только месяц, как права получила, а алкоголь, говорят, держится в крови сутки...

– Да чудо ты мое! – Ян сжал Аленину руку, – хочешь, отвезу тебя, куда скажешь? Десять лет стажа по Москве – это великая школа. Тачка у тебя какая?

– «Меган». Новенькая. Три месяца назад купила.

– Ну, нормально. Главное, не «Лада-Калина». Ненавижу! Пусть Президент на ней катается! И так, куда мы завтра едем?

– Вы закажите что-нибудь, – Алёна выразительно посмотрела на терпеливо застывшего официанта.

– Давай, лучше ты, – Ян развернул меню, – а то попаду на что-нибудь несъедобное.

Алёна выбрала блюда; Ян добавил бутылку вина, и официант удалился.

– Куда ж мы поедим? – Ян вернулся к начатой теме.

– Надо отцу передачку отвезти.

– Он что, сидит? – Ян даже опешил.

– Да Бог с вами! – засмеялась Алёна, – просто я так называю. Отец у меня... – она задумалась, пытаясь поточнее обрисовать ситуацию, но не нашла нужного слова, – короче, они с матерью разошлись. Он оставил нам квартиру, а себе забрал дачу; только это не совсем дача, а домик на сваях у самой реки. Там таких целый посёлок ещё с советских времён. Красота потрясающая! С одной стороны река, с другой, затон – получается, типа, полуостров. Вокруг лес... в общем, это видеть надо.

– Завтра и посмотрим, – Ян мгновенно решил, что такое времяпрепровождение гораздо приятнее копания в Решениях и Постановлениях, которыми он может заняться в поезде.

– Только там сейчас всё затоплено – туда не проедешь.

– Как? – Ян удивлённо откинулся на стуле, – объявили же, что паводка в этом году нет.

– Его и нет, но у них свои заморочки... – Алёна замолчала, ожидая, пока официант выставит на стол блюда.

...Она, правда, интересная девчонка!..

– Я ж тебе говорил! А ты не верил! – возликовал Кирилл.

– Слюни-то не пускай – интересных тоже до фига...

Официант удалился, и Ян наполнил бокалы.

– Давай. Не бойся, завтра я поведу. Так, что за заморочки?

– Там есть специальные шлюзы, чтоб во время паводка лишнюю воду сбрасывать, а их заклинило, поэтому вода и поднялась, и всё прибывает. Ничего особо страшного нет – во-первых, все дома на сваях, а, во-вторых, в такое время там, кроме отца, никто не живёт. Но ему-то есть, пить, курить надо. В сезон народа тьма; одни приезжают, другие уезжают, так он с ними договаривается; зимой рыбаки на выходные наезжают – тоже всё привозят, а сейчас никого. Вот он мне звонит – типа, заказ делает.

– А как же ты к нему добираться, если кругом вода?

– Я до нужного места доезжаю, а он на лодке приплывает.

– Экзотика, блин! Давай, за поездку! – Ян поднял бокал.

– Я не навязывалась – вы сами захотели.

– Слушай, хватит выкать! А то как-то даже...

– Ладно, – Алена сделала глоток и засмеялась, – все, начала бухать – завтра я уже не рулю.

– Ты по любому не рулишь, забудь! Алён, – поставив наполовину опустевший бокал, Ян придвинулся ближе, – слушай, а на работу ты завтра не идёшь?

– Нет, – она покачала головой, – боссы в Москве и вернутся послезавтра. Они уже почти неделю там торчат, так что я с девчонками договорилась – мы это часто практикуем.

– Неделя – что-то долго. Обычно местечковые «пупки» стараются парой дней отстреляться, чтоб не попасть кому-нибудь под горячую руку. Отрапортовал, и домой.

– Тут особая миссия, – Алёна многозначительно подняла палец, – дополнительные деньги поехали клянчить – регион-то у нас дотационный, а на носу посевная.

– Поздненько спохватились. В Минрегионе уже все лимиты расписаны – я-то знаю.

– Ну, наверное, потому и регион дотационный, что спохватываются поздно, только ты об этом тоже не пиши, ладно? – она допила вино и принялась за остывавшую еду.

– Я ж сказал – сначала я тебе материал скину; не волнуйся.

– Я особо не волнуюсь...

– Что, жених заступится? – не понятно к чему вспомнил Ян.

– Да нету никакого жениха, – вместо обычного в таких случаях тяжкого вздоха, Алёна рассмеялась, – наврала я. Мне ж только двадцать четыре – пожить ещё хочется.

– Это правильно, – Ян решил, что девушка начинает ему реально нравиться.

Пока он вновь наполнял бокалы, Алёна наконец-то вздохнула, только совсем по другому поводу.

– У отца классно. Там у него всякие лешие, водяные...

– Это не от... – Ян выразительно приставил два пальца к кадыку, – типа, зелёные человечки, нет?

– Ты что? – Алёна обиделась, – он не алкаш. Да я и сама один раз лешего видела – огоньки в лесу висели-висели, а потом, то ли в дерево, то ли в землю ушли.

– Может, инопланетяне?

– А, может. Я у них не спрашивала, только они и рыбу отцу загоняют, и на грибные места наводят. Вот, вода спадёт...

– А если я приеду, когда вода спадёт, познакомишь?

– ...*Браво!* – воскликнул Кирилл.

– *Дурак*, – Ян постучал ему по лбу, – *доморощенная мистика сейчас самая проходная тема – «на ура» идёт!*

– Сие не от меня зависит, – Алёна пожалала плечами, – я так поняла – если они решают, что человек с добром пришёл, то показываются, а иначе, нет.

...*Эх, Алёнушка*, – вздохнул Кирилл, – *от этого козла ты добра не дождёшься...*

– *Хорошо, что напомнил, а то уже почти десять – пора определяться с продолжением вечера...*

– Как говорится, прикольно тут у вас, – сдвинув опустевшую тарелку, Ян разлил остатки вина.

Алёна, похоже, угадала его мысль, потому что спросила:

– Ты где остановился? – и когда Ян назвал гостиницу, махнула рукой, – там все свои. Мы туда рабочие группы из всяких министерств селим, так что, если хочешь, могу сопроводить.

– Конечно, хочу! А то я днём-то у вас тут не ориентируюсь, а ночью и по-давно. Пойдём? – он достал бумажник.

– Сейчас, – Алёна достала помаду и зеркальце.

– ...*На фиг нам та Настя?* – оживился Кирилл, – *давай...*

– ...*Слушай, хватит, а!* – перебил Ян, – *это пока в новинку, с ней интересно, а через месяц обрыднет, как и другие! Ты ж, дурак, ничего в девушках не смыслишь...*

– Я готова, – прервав спорщиков, Алёна встала и, первой выйдя из кафе, повернулась к ярко освещённой стоянке перед Администрацией, – вон, моя красавица, – она показала на единственную стоящую там машину.

– Так поехали! Или ты здесь её бросишь?

– Конечно, здесь – оно надёжнее, чем у гостиницы, а идти пешком ровно пятнадцать минут, – Алёна развернула Яна в нужную сторону; тот обнял её и уже потом спросил:

– Можно?

– Можно. Ты, вроде, нормальный... или прикидываешься?

– ...*Я! Я не прикидываюсь!* – крикнул Кирилл, но его никто не услышал, а Ян промолчал, не зная, как ответить, чтоб это соответствовало истине.

До гостиницы они шли молча, с удовольствием дыша весенним воздухом, который пока не был пропитан пьянящим ароматом распускающихся листьев, но после колючих зимних ветров, ещё не стёршихся из памяти, всё равно казался радостным, предвещающим долгое весёлое лето.

– А у тебя жена или девушка есть? – Алёна неожиданно освободилась от руки кавалера.

– ...*Нет!* – воскликнул, было, Кирилл, но Ян легко подавил этот глупый всплеск эмоций, так как считал – он достоин того, чтоб девушки спали с ним, вне зависимости от его прошлого, настоящего и уж, тем более, будущего.

– Жены нет, а девушка имеет место быть, – признался он, – правда, могу сказать – это не та девушка, которая раз и навсегда.

– Понятно, – Алёна вздохнула, – типа, а жить-то хочется; а жить-то не с кем – вот, и живёшь с кем попало.

– Слушай! – Ян развернул спутницу так, чтоб видеть её глаза, – блин, а ведь точнее и не скажешь!

– Ладно, это уже не интересная история...

– А какая интересная?

– Интересная, например, когда два месяца человек колотит себя в грудь, что свободен, как весь китайский народ, а на третий приходит СМС, типа, я – его жена, а ты, стерва, кто?

– Что, с тобой было такое? – догадался Ян.

– Было. Но не со мной... я решила, что не со мной.

Они вошли в холл гостиницы, и когда Ян протянул руку за ключом, администратор вдруг улыбнулась.

– Здравствуйте, Алёна Викторовна.

– Привет, Танюш. Я пройду с товарищем?

– Конечно, Алёна Викторовна!

– Прямо, Алёна Викторовна! – уже на лестнице Ян обернулся, – ты тут, похоже, в авторитете.

– А как же? Я ж гостей поселяю – могу места у них забронировать, а могу в другой гостинице, усёк?

Они поднялись в номер, и Ян запер дверь.

– О, знакомые места, – Алёна огляделась, – здесь жил начальник департамента животноводства; прикольный такой еврей – сам свинину не ест, а приезжал на открытие свиноводческого комплекса, – она задёрнула тяжёлую штору, – мне сразу раздеваться?

Кирилл решил, что, поскольку рабочий день закончен, он имеет полное право отодвинуть «соседа».

– Алён, ну, ты что?.. Разве я похож на маньяка?

Конечно, Ян мог пресечь подобное самовольство, но решил не делать этого, причем, сам не зная, почему; скорее всего, хотел посмотреть, как поведет себя гостья в изменившейся обстановке.

– На маньяка не похож, – Алёна присела на постель, – а на мужчину, жаждущего секса, очень даже. Или мы реально будем обсуждать последствия паводка?

– Паводок поедет смотреть завтра, – Кирилл присел рядом и ласково взял её за руку.

– Значит, всё-таки раздеваться, – Алёна вздохнула.

– Слушай, – Кирилл развернул её так, что их лица оказались совсем близко, – не старайся казаться хуже, чем есть, ладно? Тебе это не идёт.

– Правда? – она засмеялась, – а я думала, тебе нравится, если вещи называют своими именами.

– Мне нравится это, когда я работаю; тогда да – мне нужна ясность позиции, – Кирилл оглянулся на ухмылявшегося Яна, – а сейчас я хочу искренности, тепла, ласки...

– То есть, ты хочешь, чтоб я в тебя влюбилась? Ну, раз требуешь искренности и тепла; ласка, Бог с ней – это не вопрос.

– ...*Эй, знай край и не падай!* – предупредил Ян, но Кирилл не отступил, что было неожиданно – обычно он безропотно освобождал «соседу» жизненное пространство.

– *Я тоже имею право на жизнь, понял!* – возмутился он.

– *Ну, попробуй – посмотрю, как ты потом приползёшь зализывать раны...*

– Что ты молчишь? Ты действительно хочешь, чтоб я влюбилась? – повторила Алёна, не дождавшись ответа, – зачем? Чтоб ты уехал, а я тут осталась страдать, да?

– ...Умница! – похвалил Ян, – а ты, «сосед», дурак; как застрял в своём детстве, так и мершишь всё детскими категориями!.. А вот девушка с головой дружит...

– Ну, ответь хоть что-нибудь.

– Ты мне нравишься, – признался Кирилл тихо, и Ян промолчал – в принципе, девушка ему тоже понравилась.

...Давай, валий, – вздохнул он, – если не начнёшь зарываться, так и быть, не стану мешать твоим экзерсисам... пока не стану.

– Сказать, что я люблю тебя, не могу, – продолжал воодушевившейся Кирилл, – ты ж все равно не поверишь, так?

– Так, – Алёна кивнула, – правильно делаешь, что не говоришь этого.

– Но ты не можешь отнять моё мироощущение, а, в соответствии с ним, ты мне нравишься.

– Во, сказанул! Где уж нам, выпускникам педуниверситета, тягаться в красноречии со столичными журналистами – нравлюсь, значит, нравлюсь, – Алёна прижалась к его плечу.

– ...Только авансы особо не раздавай, – предупредил Ян, без труда проникавший в желания «соседа», – а то будешь сейчас в Москву звать; типа, я там тебя устрою. Учти, все связи мои, а я не собираюсь их задействовать для первой попавшейся девки. Хватит с меня Настя – до сих пор телевидиончики припоминают, какую стерву я им пытался впарить.

– А если она не первая попавшаяся?

– Не, ты что, совсем debil? Мы знакомы полдня, и она уже пришла трахаться, а, прикинь, если её запустить в Москву, да познакомить с бомондом? Это ж будет Настя, модель вторая! Замучаешься вытаскивать из чужих постелей!..

Довод выглядел весомо, и Кирилл растерянно уставился на свою избранницу. Глаза Алёны были закрыты, и ничто не мешало ему изучать лицо с чуть вздернутым носиком; большим, чему-то улыбающимся ртом, родинкой возле левого уха. Несмотря на предупреждение «соседа», оно нравилось ему всё больше, и он нашёл-таки контраргумент:

– А если я ей тоже реально нравлюсь? Если это искра...

– Не, брат, поиграл и хватит! – Ян грубо отодвинул «соседа», – сейчас наломаешь дров, а расхлебывать мне! Сам ты способен только слюни пускать...

Ян аккуратно расстегнул верхнюю пуговку на блузке гостьи; за ней вторую, выставляя напоказ ажурный бюстгальтер. Алёна открыла глаза – в них не было ни удивления, ни разочарования; наверное, всё просто встало на свои места.

Вздохнув, она встала.

– Пойду в душ. Я быстро.

– ...Но нельзя же так!.. – простонал оскорблённый в лучших чувствах Кирилл, – всё у тебя как-то...

– Ну, скажи ещё, по животному, – Ян усмехнулся, – а мы и есть животные, только наиболее разумные. А твои ути-пути – они от бессилия. Вспомни, многого ты добился, пока не появился я? Школу закончил с медалью? Ну, за это, конечно, спасибо. А потом-то только отсиживаешься за

моей спиной и пожинаешь плоды моего труда. Вот, представь, что не было б всего, чего я достиг – да эта Алёна не подошла б к тебе на пушечный выстрел! И плевать ей было б, нравится она тебе или нет! Это я ей нравлюсь, понял? И я имею право получить за это плату!..

Ответить Кирилл не успел; да если честно, и не знал, что ответить, хотя очень хотелось.

– Я готова, – Алёна появилась, закутанная в полотенце; длинные волосы прикрывали обнаженные плечи.

...Господи, она готова! – расстроился Кирилл, – похоже, они, действительно, стоят друг друга, а я – глупый идеалист...

Ян молча поцеловал Алёну в губы; рот её приоткрылся, выпустив на свободу шустрый язычок. Кирилл чувствовал его уверенные движения и ему стало грустно.

– Я тоже быстро, – прервав поцелуй, Ян ушёл в ванную.

Когда дверь закрылась, Алёна сбросила полотенце, оставшись нагишом; юркнула под одеяло и легла на спину, разглядывая белый плафон люстры. Она ни о чём не жалела, ни в чём не сомневалась, но это «ты мне нравишься» смущало воображение. Было в нём, вкупе со странным взглядом, нечто, выпадающее из привычной системы отношений, и это нечто пробуждало щемящее чувство чего-то нереализованного, спрятанного глубоко и, как ей самой казалось, очень надолго.

...Почему он так сказал? Разве ему недостаточно, что я пришла сюда? Ему хочется, чтоб я потом еще мучилась, вспоминая его... моральный садист, в натуре... – Алёна не первый раз прокручивала такой сценарий завершения отношений, причем, с различными для своей психики последствиями, но тут в сценарии появилась новая грань, резко сокращавшая количество «серий», – зачем я согласилась завтра взять его с собой? Я и сейчас не пьяная, а завтра буду, как стекло. Нечего ему там делать! Скажу, что передумала – он, небось, только обрадуется; и, вообще, так будет лучше для всех...

Дверь ванной открылась, и мысли разом исчезли, позволяя организму настроиться на предстоящий процесс. Ян выключил свет, а ещё через секунду Алёна почувствовала руки, уверенно прижавшие её к накаченному, спортивному телу. Она закрыла глаза, хотя в комнате и так было темно. Сначала её нежно коснулись губы, потом зубы осторожно сжали левый сосок – в теле сразу проснулась дремлющая в любой женщине энергия, дыхание стало чаще и успокоить его уже не получалось; голова запрокинулась, руки разметались в стороны, ноги сами собой расползлись, согнувшись в коленях...

Сколько прошло времени, Алёна не знала, да и не хотела знать. Тело наполняла замечательная усталость, и даже то, что сотворивший с ней всё это, сразу откатился на край постели, не имело значения. Мысли неспешно ползали среди ярких взрывающихся огней, олицетворявших праздник: ...Интересно, я ему всё ещё нравлюсь или уже нет необходимости говорить такие слова?..

– Всё хорошо? – спросил Ян.

...Вот он, простой и понятный вопрос! Без всяких глупых заморочек... На него знаешь, что отвечать...

– Да... – прошептала Алёна. Счастливая истома стала уходить; желая продлить её, она обняла Яна и добавила такую же простую, понятную фразу, – ты – классный...

– ...Понял, дурак, что ей нужно? – Ян оглянулся на Кирилла, – и все довольны, а ты всё испортил!..

– Похоже, ты прав, – Кирилл тяжело вздохнул, – но пойми, я ведь имею право на свои эмоции...

– Имеешь. Скажу больше – без них было бы скучно. Всё-таки ты вносишь необходимый элемент глупости, препятствующий превращению моего существования в компьютерную программу – потому я ещё и терплю тебя, а иначе б давно загнал в самый дальний, пыльный угол памяти...

Пока «соседи» беседовали между собой, Алёна успела вползти на Яна, прижалась всем телом; губы ласково касались его шеи, язычок залезал в ушную раковину...

– Во сколько завтра встаём? – Ян лениво обхватил девушку обеими руками.

Алёна уже забыла, что собиралась всё переиграть и ехать одна, поэтому ответила механически:

– В восемь. Заскочим ко мне – я переоденусь, потом в супермаркет – за таримся... – только тут она спохватилась, но за секунду менять решение выглядело бы некрасиво. ...Почему он больше не говорит, что я ему нравлюсь?.. Хоть бы во время секса сказал! Хоть так!..

Настроение мгновенно испортилось. Алёна сползла на свою половину кровати и отвернулась.

– Давай спать?

– Давай, – Ян тоже повернулся на бок и дежурно положил руку ей на плечо.

* * *

Тёмно-синее «Рено-Меган» покинуло город и плавно катилось по узкому, испещрённому трещинами асфальту среди домиков за деревянными заборами, свежевскопанных огородов и садов с белыми от извёстки стволами яблонь.

...И всё-таки не понимаю, зачем тащу его с собой?.. Вразумительного ответа не находилось, а невразумительный звучал, вообще, абсурдно: Мне не хочется с ним расставаться... Почему? Что я в нём нашла?.. Секс был самый обычный, а, кроме него, ничего больше и не было...

Время не ограничивало, и Алёна пропустила через фильтр своих ощущений всё сегодняшнее утро. ...Ну, встали. Мог бы, кстати, разбудить поцелуем, если я ему нравлюсь... а я ему нравлюсь! Иначе б он вчера так не смотрел и говорил не так!..

Странный взгляд и слова, произнесенные как-то необъяснимо по-особенному, по радости восприятия превосходили все ранее слышанные ею признания в любви, но от этого не становилось легче; скорее, наоборот.

...Ладно, Бог с ним – поцеловать не догадался... Потом поехали ко мне. Подняться он не захотел, то есть ему не интересно, как я живу. Я ж не предлагала снова заняться сексом, но хоть глянуть одним глазком!.. В супермаркете он, правда, таскал пакеты, но ещё не хватало, чтоб я корячилась с ними, когда рядом здоровый мужик... Короче, ничего не понятно. Первый раз в жизни со мной такая фигня...

Алёна незаметно скосила взгляд на Яна, вперившегося в пустую дорогу, уже бежавшую мимо бескрайних понурых полей.

...И что, я б сама не доехала? Трусиха несчастная... Хотя теперь это уже не актуально...

– Ян, – она перестала скрывать свой интерес и повернула голову, – почему ты всё время молчишь? Или получил своё и больше ничего делать не хочешь?

Кирилл рванулся, собираясь объяснить, что это не так; что он просто боится выглядеть глупо, если его смутные чувства окажутся ей не нужны, но Ян среагировал быстрее – ему не требовалось искать нужные слова, а хватало лишь озвучить голую правду.

– Понимаешь, – он мельком глянул на Алёну и вновь вернулся к дороге, – сознание творческого человека (а журналист, как ни парадоксально, тоже относится к этой категории) работает 24 часа в сутки с редкими перерывами, когда его отвлекает что-то либо очень важное, либо очень интересное. Так вот, я уже обдумываю то, что собираюсь написать...

– Слушай, – Алёна устроилась поудобнее, – а когда ты говорил, что я тебе нравлюсь, ясно дело, ты отвлекался от своих статей. Скажи, это было важным или интересным?

Тут Ян растерялся – для него это не являлось ни тем, ни другим, и Кирилл воспользовался заминкой.

– Важным! – воскликнул он, – честное слово, очень важным!

– ...Что ты несёшь?! – Ян попытался остановить зарвавшегося «соседа», но Кирилл его не слушал, стараясь максимально использовать случайно появившуюся свободу.

– Алён, ты удивительная девушка!

– Чем же? – она не растаяла от неожиданного комплимента, но кокетливо повела плечиком.

Расставлять приоритеты было некогда, иначе б Ян снова успел завладеть инициативой, поэтому Кирилл разом выплеснул всё, что осталось в душе ещё со вчерашнего дня:

– Ты красивая, открытая, откровенная, что в наше время редкость... ты умная...

...Заткнись, идиот! – рявкнул Ян, и Кирилл замолчал, – зачем эти дурацкие признания? Они, между прочим, несут определённые обязательства! Ещё б ляпнул, что влюбился! А ты спросил – мне это надо? Я тебя кормлю, пою, удовлетворяю твои прихоти, а ты, мимо меня, строишь отношения!..

– И что мне толку от всех этих замечательных качеств? – напомнила о себе Алёна.

Но «соседи» молчали, действительно, не зная, какую пользу можно извлечь из всего этого набора.

– Странный ты, – Алёна вздохнула, – иногда мне кажется, что в тебе каким-то образом живут два разных человека...

«Соседи» испуганно переглянулись – никому никогда не удавалось разделить их, а такое понимание давало возможность выбрать для общения лишь одного; возвращать его, лелеять, а как тогда существовать второму?..

– ...Она, правда, слишком умная, – резюмировал наконец Ян, – пора с ней завязывать.

– Никогда! Чем больше я узнаю её, тем лучше понимаю, что я её...

– Вот, только не произноси эту хрень вслух! Мне это не нужно, понимаешь? А если я разозлюсь, тебе будет хуже – я сотру тебя и стану жить один, только так, как хочу!

– Не получится, – Кирилл ехидно ухмыльнулся, – ты сам прекрасно

это знаешь – мы существуем либо вместе, либо не существуем вообще. Ты хочешь умереть? А как же твои далеко идущие планы?..

Они б могли выяснять отношения ещё долго, но Алёна, не дождавшись хоть какого-нибудь ответа, отвернулась и вздохнула так, что даже Яну стало жаль её. Правда, слова жалости складывались у него плохо, поэтому Кирилл без борьбы снова захватил власть.

– Алёна, милая, – он ласково взял руку девушки, – прости. Я иногда бываю ужасно гадким, но это отпечаток той жизни, которой я вынужден жить. Не обижайся, пожалуйста.

... – *Блин, реально сровнял с говном*, – пробормотал Ян, – *ну, порезвись, сучонок. Я тебе всё это еще припомню...*

– Не надо. Я уже всё поняла, – Алёна забрала руку.

– ...*Так его, девочка!* – восторжествовал Ян, – *имей дело только со мной и всё будет классно!..*

– Вон, колею справа, видишь? Нам туда, – Алёна, как ни в чём ни бывало, достала мобильник и, подождав минуту, сообщила, – пап, я подъезжаю, так что выплывай.

Постепенно луг, по которому они ехали, заполнился водой. Сначала она чуть поблескивала среди ярко зелёной травы, потом сравнялась с ней, а ещё через километр колёса уже рассекали её, поднимая крохотную волну.

Молчание затягивалось. Кириллу казалось, что скоро они въедут в реку, скроются в ней и задохнутся, ничего не сделав, даже не сказав друг другу самое главное. Взглянув на ухмылявшегося «соседа», он понял, что тот ничего не боится, и уже готов праздновать победу.

– Алён, – Кирилл сделал ещё одну попытку использовать свою временную власть над «соседом», – согласен, мы разные... но ведь все люди разные, правда? И это не мешает... мы ж знакомы всего сутки... не сердись, пожалуйста...

– Да не сержусь я, – отмахнулась Алёна, – просто, знаешь, такие перепады... как тебе объяснить?.. Напрягают они очень, и сразу рождают нехорошие мысли. Собственно, не надо было тогда говорить, что я тебе нравлюсь, и смотреть так не надо было – тогда всё было б нормально.

– Алён, но ты мне, правда, нравишься!

– Допустим, я поверю, – она улыбнулась, – и что дальше?

– ...*Только попробуй, заговори про любовь, сволочь*, – прошипел Ян, – *убить не смогу, но больше ты никогда не выйдешь на свободу... никогда, понял!..*

– Нам вон к тем кустам, – Алёна вытянула руку, и Кирилл механически вывернул руль, обдумывая угрозу «соседа».

– Что дальше? – почти въехав радиатором в кусты, он заглушил двигатель, – пока сам не знаю... – и неожиданно обняв Алёну, крепко прижал к себе, – но ты мне нравишься, как не нравился ещё никто!

...*Уже легче*, – решил Ян, – *хоть в любви не признался, соплежуй хренов...*

– Сейчас ты правду говоришь? – спросила Алёна тихо, – только не обманывай – переспать со мной ты уже переспал и красиво врать больше не обязательно. Не издевайся надо мной, ладно? – при этом её руки гладили голову Кирилла, и Ян чувствовал, что эти прикосновения ему тоже приятны. Именно поэтому он не прекратил весь этот фарс.

Но «фарс» прекратился сам собой – едва вдали послышался треск мотора, Алёна отстранилась.

– Отец едет. Доставай пакеты.

– Сейчас, – Кирилл неохотно вернулся в реальность; открыл дверцу, но растерянно обернулся, – блин! А как же?..

– А так, – Алёна весело засмеялась, тоже вернувшись из грёз, – снимай джинсы, – сама она была в широких брюках, поэтому сбросив кроссовки, за просто закатала их выше колен.

– Понял, – Кирилл разулся, аккуратно сунул носки в туфли, но раздеваться не стал, а лишь максимально поддёрнул джинсы, обнажив волосатые щиколотки. Попробовал воду босой ногой, – холодная, блин!

– А ты как хотел? – Алёна плюхнула сразу обеими ногами, подняв брызги, – чай, не лето. Слушай, – опершись о крышу машины, она склонилась в салон, – хочешь, сиди – я сама отнесу.

– Вот ещё! Будешь тут надрываться! – Кирилл бесстрашно шагнул в ледяную воду. Сначала ступни обожгло, но потом стало даже приятно ощущать уставшими от обуви пальцами прикосновения мокрой травы. У самой ноги он увидел плавник и воскликнул совсем по-детски, – ой, рыба!

– А ты не знал? – Алёна расхохоталась в голос, – она ж тут по всему лугу плавает! Потом уйдёт обратно в реку, а которая застрянет в старицах, её можно будет руками ловить.

– Класс! – Кирилл пошлепал к багажнику.

... – *Попробуй, простудись*, – предупредил Ян, – *через неделю выборы в двух регионах – работать надо, а ты свалишь меня с температурой...* – но смех Алёны был куда приятнее этого занудного голоса, да и звук мотора слышался уже совсем рядом.

Поднимая широкую волну, справа появилась лодка. Описав дугу, она шла прямо к ним, и Кирилл разглядел не только её бортовой номер, но и небритого седого мужчину с непокрытой головой, одетого в свитер и штормовку.

...*Классический типаж браконьера*, – на всякий случай отметил Ян и вновь утратил интерес к происходящему.

– А как он подплывёт? Здесь же мелко, – удивился Кирилл.

– Легко! Мы ж стоим, типа, на берегу, а за кустами настоящая река. Так что, смотри, не шагни в глубину, – предупредила Алёна.

– Как интересно... – Кирилл достал два больших ярких пакета, которые на фоне дикой природы выглядели противоестественно; впрочем, и маленький аккуратный автомобильчик тоже.

Лодка ткнулась в кусты, последний раз плюнула сизым дымом, и стало оглушительно тихо; лишь потом в тишину вплелись голоса лягушек, стук дятла в далёком лесу и трели неизвестных ни Кириллу, ни Яну птиц.

– Алёнка, а кто там с тобой? – на мужчине были высокие резиновые сапоги, и он смело шагнул в воду с резко качнувшейся лодки, – ты что, бухала вчера и наняла шофера?

– Папка! – Алёна возмутилась, но как-то очень игриво, – ты ж знаешь, я не бухаю.

– Ну, выпивала...

– Пап, хватит тебе. Это мой друг, журналист из Москвы.

– Из Москвы? – мужчина явно встревожился, – и чего он тут разнюхивает? Привезла ко мне вражеского агента?

– Успокойся, – Алёна засмеялась, – к твоим москвичам он отношения не имеет. Он совсем по другому делу приехал. Зовут его Ян Борецкий – очень известный журналист.

– Поляк, что ли? – мужчина нахмурился, – вот уж, кого не люблю – никогда у России отношения с ними не складывались.

Ян, опрометчиво пустивший процесс на самотёк, встрепенулся, но было поздно.

– Это творческий псевдоним, – пояснил Кирилл, – а, вообще-то, меня зовут Кирилл Колодин.

– О, Кирилл – это другое дело! И Колодин – мощная такая фамилия, – «браконьер» протянул руку, – Василий Петрович. Давай просто – Василий.

...*Ах ты, сука!* – запоздало взвился Ян. Он давно привык в отношениях с «соседом» чувствовать себя главным, и по всем вопросам обращались именно к нему, а дурака Колодина лишь штрафовали гаишники, да сонные кассиры, которым всё до лампочки, совали ему через окошко билеты. Но момент, чтоб вернуть ситуацию в привычное русло, был упущен.

...*Ну и хрен с тобой,* – успокоился вдруг Ян, – *завтра свалим отсюда и всё встанет на свои места, а для этой шлюшки (трахал-то её я, а не ты!) и её папаша-браконьера пусть фигурирует грёбанный Колодин... вообще, пока в поезд не сядем, слова не скажу!..*

– Так, ты, Кирилл?.. – Алёна обалдело хлопала глазами, словно имя могло в корне изменить представление о человеке.

– Да, а что? – он улыбнулся.

Что было в его взгляде, Кирилл и сам не успел понять, но Василий, хоть и походил на «замшелого» браконьера, что-то уловил, потому что спросил:

– Кирилл, хочешь посмотреть наше Радчино?

– А машина?

Вопрос подразумевал согласие, и Василий повернулся к дочери.

– Алён, ты ж Вовку с турбазы знаешь? Две сотни ему даешь, и на сутки машина под охраной. Он вас сюда подвезет, а я пока подожду. Только передачку-то давай, а то увезёте Вовке.

– Не увезём, – Кирилл вытащил пакеты.

– Езжайте, – Василий пристроил груз в лодке и забрался туда сам; достав сигарету, уселся на узкую деревянную лавку, наблюдая, как дочь садится в машину с известным московским журналистом, пять минут назад смотревшим на неё с ласковым трепетом.

Кирилл сел за руль, и только коснувшись ступнями резинового коврика, почувствовал, что ноги окоченели и плохо слушаются; пошевелил посиневшими пальцами и вдруг чихнул.

– Не заболел с непривычки, – сказала Алёна.

– А ты привычная?

– Я ещё купаться буду, – Алёна села так, чтоб лучше видеть водителя, – ты, правда, не возражаешь, что мы к отцу заедем?

– О чём ты! – Кирилл притянул девушку; она не сопротивлялась, но оглянулась.

– Отец увидит.

– И что?

– Да ничего, – Алёна засмеялась, – просто каждый раз доставать потом будет – куда ты делся, и придётся объяснять, что это была моя очередная ошибка. Он расстроится...

– А почему я должен куда-то деться? – Кирилл испытующе взглянул на Яна, но тот молчал, демонстративно сжав губы, – а зачем ему было вступать

в спор, если править «соседу», по любому, осталось два дня, и в Москве он ему всё припомнит.

– Не надо об этом, – Алёна вздохнула, – Кирилл... знаешь, мне так больше нравится, чем Ян, – и сама прильнула к его губам.

Когда поцелуй иссяк, она вернулась в свое кресло.

– Поехали, а то отец ждёт.

То ли поцелуй был таким горячим, то ли время подошло, но ноги вновь обрели чувствительность.

– Интересный он у тебя мужик, – Кирилл завёл двигатель, – поляков – ладно, а москвичей-то он за что не любит?

– Долгая история, – Алёна вздохнула, – пусть он сам тебе потом расскажет.

Впереди возникло скопление явно нежилых домиков, и только возле одного стоял чёрный джип.

– Посигналь, – попросила Алёна.

Кирилл посигналил; из домика вышел парень и остановился, поджидая гостей.

– Это Вовка, хозяин турбазы, – пояснила Алёна, когда они подъехали совсем близко.

За домом оказалась стоянка, где уже устроились два одинаковых «Пассата»; Кирилл встал рядом, отдал деньги, и потом все трое перебрались в джип.

– Тачки-то чьи? – спросила Алёна, когда они отъехали от базы, – неужто кто из Радчинских решил открыть сезон?

– Не, пришлые леца гребут, – Вовка махнул рукой, – а у тебя, значит, жених появился?

– Не то, чтоб жених...

– Я ж культурно выражаюсь! А я как к тебе подкатывал...

– Ты неправильно подкатывал, – Алёна привалилась к Кириллу, сидевшему рядом, на заднем сиденье, и тот обнял её.

– ...*Конечно, неправильно,* – пояснил Ян, руша в «соседе» наметившуюся идиллию, – *что та турбаза, если тут, типа, столица светит! Только, фиг ты, девочка, угадала!..*

– *Заткнись!* – огрызнулся Кирилл, – *собирался молчать, вот, и молчи! Сами как-нибудь разберёмся!..*

– *Посмотрим, посмотрим...*

Высадил их Вовка у знакомых кустов. Василий помог забраться в лодку сначала дочери, потом Кириллу; оттолкнулся веслом от видимого ему одному берега и ловко перебравшись на корму, дёрнул заводной тросик. Двигатель затрещал. Лодка, задрав нос, понеслась, хлопая по воде днищем, оставляя за собой разбегающуюся в стороны волну. Щурясь от встречного ветра, Кирилл огляделся. Пейзаж казался фантастическим и не шёл ни в какое сравнение с наполненными ужасом и горем прошлогодними картинками. Там люди бежали от стихии – бежали с криками и плачем, под аккомпанемент вертолётов и катеров, под чёткие команды спасателей, мычание обезумевших коров, вой собак, а здесь они сами шли ей навстречу, и стихия с радостью принимала их.

Поездив по России вместе с Яном, Кирилл видел и гораздо более внушительные водоёмы, но здесь всё было по-другому. Только через несколько минут он понял, в чём дело – какими бы широкими и могучими ни были реки, они всегда имели берега, а здесь берегов просто не существовало! Не только берегов, а, вообще, суши – деревья росли прямо из воды, и столбик с табличкой

«Берегите лес», и столбы электропередач тоже торчали из воды. С Всемирным потоком сравнение не возникало, потому что бескрайняя водная гладь несла не кару за грехи человеческие, а покой и умиротворение. Кириллу вспомнился старый фильм с Кевином Коснером, «Водный мир».

...Точно! Вот он, реальный Водный Мир! Смотри и запоминай! – он обратился к Яну, но тот усмехнулся.

– На фиг, оно мне надо? Я романы не собираюсь писать.

– Дурак ты, – Кирилл вздохнул.

– Это я тебе тоже припомню, – зловеще кивнул Ян, – Москва-то с каждой минутой всё ближе – скоро репортаж надо делать, так что кончается твоё время...

Кирилл знал, что, скорее всего, так и будет, но думать об этом не хотелось – он наслаждался властью над собственными мыслями и поступками. Последний раз такое состояние возникало у него в детстве, когда ещё не требовалось заниматься добыванием денег (эту проблему решали родители), и Яна не существовало вовсе – ни имени такого, ни фамилии Борецкий.

Кирилл снова попытался погрузиться в таинство пробудившейся природы, однако прежний восторг не возвращался. Всё было очень красиво, очень ново, но через месяц ведь оно, вместе с Алёной, её отцом, потрясающими трелями птиц и неповторимым своей свежестью запахом воды, потеряется в серой массе отработанного жизненного материала.

...Так, может, Ян прав – не стоит мне высовываться из своего закутка? Надо отдать ему бразды правления и сидеть тихонько, радуясь, что пока ещё жив?..

– ...Во-во, – подхватил Ян, – наконец-то ты умнеешь. А то начал права качать! Я пашу круглые сутки, а вместо благодарности...

– Вот и Радчино! – вклинился в диалог «соседей» голос Алёны, и повернув голову, Кирилл увидел слева одинокий домик. Его сваи полностью скрывала вода, поэтому казалось, что он медленно дрейфует среди чёрных кряжистых дубов и радостных, подёрнувшихся едва проклюнувшейся зеленью берёзок; вокруг мирно плавала стайка садовой мебели, пара пластиковых канистр и ещё что-то, чего Кирилл не успел разглядеть, потому что домик быстро остался позади. Зато справа, прямо посреди воды, возникли настилы мостков, ведших из ниоткуда в никуда.

...Похоже, это другой берег, – догадался Кирилл, – летом-то, выходит, речка совсем не широкая, а тут у них что-то типа пляжа или лодочной пристани...

Дальше начиналась «улица», состоявшая из причудливых строений, явно возведённых людьми, имевшими весьма отдалённое представление о строительстве. Зато в высоте свай они не ошиблись, и потому вода тихонько плескалась под полом, а сами дома будто парили в воздухе.

...Здесь наводок – не трагедия, – подумал Кирилл, – здесь это образ жизни – доброй размеренной жизни под покровительством природы. Ведь что ей стоило поднять воду ещё на полметра? Да ничего! С её-то возможностями! Но почему-то она этого не сделала, и домики радостно смотрятся в зеркало тихой воды. Как же здорово тут!..

– Ага, – мгновенно среагировал Ян, – только нет дочки, которая б возила жратву, а в остальном, тебе самое место в заповеднике для дебилов, не приспособленных к реальной жизни...

– Вон, папина «халупа»!

Проследив за жестом Алёны, Кирилл уткнулся удивлённым взглядом в симпатичный домик, покрытый гибким шифером и отделанный сайдингом.

– Ничего себе халупа! – Кирилл тоже пытался перекричать звук мотора.

– Мы в прошлом году его перестроили, а был, как все!

Общаться на повышенных тонах было неудобно, поэтому все снова замолчали до тех пор, пока Василий не заглушил мотор. Дома к этому времени приблизились настолько, что Кирилл с интересом разглядывал вылинявшие шторы на окнах, а где шторок не было, пустые банки и бутылки на подоконниках, бревенчатые стены внутри покосившихся веранд. Разделяли дома узкие каналы, в которые лодка могла протиснуться с трудом, но Василий туда и не поплыл, а свернул к металлической лестнице, возникавшей прямо из воды и упиравшейся в железную дверь.

– Как тебе? – качнув лодку, Алёна перебралась на нос и села лицом к Кириллу.

– Настоящий рай!

– Я рада, – девушка улыбнулась, – а то, думаю, скажешь – привезла черти куда...

– Нет, что ты! Мне здесь очень нравится!.. И ты нравишься.

...Сопли-то утри! – совсем некстати вмешался Ян, – я её за пять секунд уложил в койку, а ты только слюни пускать умеешь. Если б не я, ты б ещё дрочил в тряпочку, как с Ирккой!..

Василий, слышавший разговор, усмехнулся.

– Слушайте, голубки, вы сначала лодку привяжите.

– Сейчас, пап, – Алёна ловко повернулась и опутав верёвкой стойку лестницы перепрыгнула на нижнюю, из двух оставшихся над водой ступенек; протянула руку Кириллу, – давай, не бойся.

– Я и не боюсь, – оказавшись на неподвижном металле, Кирилл потянулся, – нет, ей-богу, тут классно!

Василий подал ему пакеты, а Алёна открыла дверь.

– Иди сюда, – позвала она.

Кирилл шагнул внутрь, из сказочной весны погрузившись в атмосферу кухни, пропитанную запахом жареной рыбы. В углу дребезжал холодильник, а на плите, подключенной к красному газовому баллону, стояла сковородка с той самой рыбой; ещё одна сырая рыбина – большая, сантиметров шестьдесят щука с приоткрытой зубастой пастью и чуть затуманившимся глазом, лежала на столе, в прозрачном пакете.

– Алёнка, это тебе – часа три назад поймал, – пояснил Василий, увидев, с каким интересом гости изучают грозную хищницу, – вспомнил, как ты делала её фаршированную!..

– Ты умеешь фаршировать щуку? – удивился Кирилл, слышавший, что это сложное блюдо, а потому лучше заказывать его в ресторане.

– Я вообще хорошо готовлю. Что, не ожидал?

Не ожидал этого не только Кирилл. Ян, наблюдавший за происходящим со стороны, вспомнил девицу в мини-юбке, которая выносила ему диск; потом другую, с маленькой грудью и упругими ягодицами, стонавшую в постели – они прекрасно сливались в единое целое, а, вот, собственноручно приготовленная щука – это было из какой-то другой истории.

– Она у меня на все руки от скуки, – Василий принялся извлекать из пакета «плоды цивилизации»; добравшись до водки, выпрямился, – Кирилл, ты как по этому делу?

– Не очень, – тот покачал головой, – но за компанию могу. Только я ж, вроде, за рулём.

– Ни за каким ты не за рулём, – безапелляционно сообщила Алёна, – я-то с вами не буду выпивать.

– Ох, Алён, – Василий поставил бутылку на стол, – прям, не знаю – не пьёшь, не куришь; что за радости у тебя в жизни?

– Ну, есть кое-какие, – Алёна засмеялась, и никто не стал уточнять, какие другие радости могут прельстить молодую девушку, – давайте, закусить вам сделаю.

– А чего делать? – удивился Василий, – картошка сварена, рыба поджарена, водку сейчас откроем.

– Ну, хоть салатик покрошу, – Алёна достала купленные в супермаркете овощи.

– Да? – Василий почесал затылок, – ладно. Пойдём, Кирилл, пока покажу тебе кое-что. Только обуйся, а то железо холодное, – он выдвинул огромные галоши, – тапочек, извини, нету.

– Нормально, – Кирилл сунул босые ноги в мягкое розовое нутро, и мужчины вышли на крыльцо.

– Вот, скажи, ты такую рыбалку видел? – Василий взял припрятанную в углу удочку, что-то насадил на крючок и забросил прямо с крыльца.

Поплавок продержался на поверхности всего пару минут, а потом лёг на бок, и медленно пополз в сторону.

– Подлещик, – констатировал Василий ещё до того, как подсёк, и над водой, сверкая серебром, взлетела широкая плоская рыбка, – вот, напиши в своей газете – выходишь утречком и забрасываешь, не спускаясь с порога... – Василий опустил рыбу в приготовленную кастрюлю без ручки и протянул удочку гостю, – хочешь? Тут клёв!.. Она ж голодная после зимы.

– Да я как-то не умею, – Кирилл улыбнулся, – не рыбак. Но места здесь фантастические!

– И эту красоту хотят уничтожить, – Василий вздохнул, – понастроят коттеджей, как на месте «Росинки»...

– Погоди, – перебил Кирилл, – кто хочет уничтожить? Расскажи – сейчас пресса круче любой прокуратуры; одна статья, и вся страна на ушах.

...Ах, ты, сучонок! – возмутился Ян, – ты-то здесь при чём? Хочешь на чужих заслугах въехать в рай? Хрен тебе!..

– Я ж никому ничего не обещаю – я просто спросил...

– Ну, давай-давай... спрашивай...

– История обычная, – закурив, Василий уставился на солнечные блики, игравшие в мутной воде, – при социализме тут, кроме нашего Товарищества рыбаков-любителей, заводские турбазы были. В перестройку заводы закрылись – как говорится, перековали мечи на орало; естественно, от турбаз тоже ничего не осталось, кроме числившихся за ними территорий по несколько гектар каждая. Пришли распальцованные мальчишки и тихонько все приватизировали – мы даже не знали. Лет десять тут конь не валялся, а год назад вдруг начали валить лес, рыть котлованы, стройматериалы завезли. Мы к главе района, а он – будут тут, ребята, коттеджи для московской элиты, а то она, бедная, задыхается в смоге, и руками разводит – сделать, мол, ничего не могу, так как изначальные мальчишки, оказывается, землю уже три раза перепродали, и нынешние хозяева владеют ею законно...

– Для москвичей – это стандартная практика.

– Так, ладно б только так – что сделано, то сделано, но они ж собираются и Радчино забрать! Уже не прозрачно намекали.

– Что значит забрать? – удивился Кирилл, – есть же право на собственность или как там это называется...

– Кирилл, ты, вообще, в этой стране живёшь или где? Какие права, если денег сунул и в момент всё решил.

– Беспредел полный... – пробормотал Кирилл.

– ...А ты как думал? Вася абсолютно прав; только ты один всё витаешь в облаках, – подал голос Ян, сразу сбросивший маску безразличия, едва уловил суть вопроса, – тема, кстати, интересная, но заниматься ею не буду принципиально!..

В дверях появилась Алёна, и разговор прервался.

– Вы идёте? А то рыбу греть придётся.

– Вот ещё, удумала, – Василий пожал плечами, – рыба, Алён, в любом виде съедобная, даже в сыром. Идём, Кирилл, – он поставил удочку на прежнее место.

Стол был накрыт, и водка налита в рюмки.

– Умница, дочка, – Василий уселся за стол, – давай, Кирилл, за знакомство.

Алёна чокнулась чашкой сока, и все выпили. Водку Кирилл не любил, но то ли играл роль свежий воздух, то ли сама обстановка – обычного противного вкуса он не ощутил; наоборот, в голове появилась лёгкость, требующая общения, как бывает после виски. Конечно, общаться хотелось с Алёной, но девушка, поймав его взгляд, смущённо отвернулась, и чтоб не молчать, Кирилл вернулся к прерванной теме.

– А товарищество ваше землю-то чего ж не приватизирует? Сейчас ведь всякие там «дачные амнистии» и прочее.

– Так не дают, – Василий невесело усмехнулся, – мы ж люди еще социалистические, поэтому в 90-е, когда все всё рвали на куски, об этом не подумали, а теперь вдруг оказалось, что у нас здесь, то ли заповедник, то ли заказник – короче, возможна только аренда, которую, сам понимаешь, можно запросто расторгнуть; было б желание...

– Стоп! – Кирилл мотнул головой, – а тем москвичам кто разрешил в заповеднике строить?

– В том-то и фокус – для нас это заповедник, а для них – земли городского поселения. Ты видишь тут где-нибудь поселение? И я не вижу, но наши ж законы, что дышло – как повернул, так и вышло. Тут, знаешь, кто строит? Жена вашего мэра; понятно дело, не лично и не себе, но застройщик – её контора. И что, судиться с ней? Угадай с трёх раз, кто победит.

Правильный ответ напрашивался с первого раза, поэтому Кирилл промолчал, и Василий, не дождавшись реакции, наполнил рюмки так резко, что Алёна накрыла ладонью его руку.

– Пап, ты, главное, не волнуйся. Сам ведь говорил, что договор аренды ещё действует – может, что-нибудь изменится...

– Да не может ничего измениться в этой стране! – Василий поднял рюмку, – давай, Кирилл, – и выпив, повернулся к дочери, – я вуз закончил хоть и технический, но философию учил получше всяких юристов, которые сейчас у власти!

...Да ты, оказывается, адекватный человек! – удивился Ян, – а с виду и не скажешь! Если ты ещё, сидя в своём «медвежьем углу», понимаешь, куда эти «юристы» ведут страну...

– Слушай, – вмешался Кирилл, обрадованный реакцией «соседа», – так помоги ему! С захватом земли – это ж реально твоя тема! Ну, что ты встал в позу?

– В нашем бардаке, куда ни плюнь, все темы мои...

– Нет, ведь смотри, как всё складно – тут тебе и борьба за экологию, и продажность местных властей, и про семью мэра, прям, в ключе высказываний Президента...

– Блин, ты, оказываешься, разбираешься в политической конъюнктуре? – делано изумился Ян.

– Не надо из меня совсем дурака делать. Я серьёзно говорю – материал «на ура» пойдёт.

– Да кто ж против? Материал можно сделать убойный – тут сейчас и прокуратура нагрянет, и депутатские запросы косяками полетят; коттеджи конфискуют, передадут под какие-нибудь детские санатории...

– И в чём же дело?! – воодушевился Кирилл.

– Дело в том, я не хочу, чтоб тебе досталась вся слава.

– О, как! – Кирилл был сражён, – то есть ты не воспринимаешь нас как части одного целого?..

– Всё я воспринимаю! Но в данном случае есть нюанс – Алёна на говно изойдёт, являя тебе свою благодарность. Тут такая любовь-морковь начнётся!..

– Ну, допустим... – смутился Кирилл, потому что и надеялся именно на такой исход, – а что в этом плохого?

– Да всё плохое, – Ян пожал плечами, – не хочу, чтоб ты отвлекал меня от работы сопливыми переживаниями и воспоминаниями о страстных поцелуях; чтоб тратил мое время на поиски подарков к 8-му марта, тащил меня в этот гнусный городишко... или ещё лучше, решишь забрать её в Москву! Тогда вообще будет полная жопа! Она будет названивать тебе каждые полчаса, а мне придётся выслушивать её рыдания и объяснять, что интервью берут тогда, когда их назначают, даже ночью, а не когда ей хочется; начнутся сцены ревности – ты будешь краснеть и бледнеть, а я жертвовать работой, чтоб не волновать её, да? Или я должен таскать её с собой по всем мероприятиям и следить, чтоб она не нырнула в чью-нибудь койку? Знаешь, у меня голова занята тем, что даёт нам обоим нормально жить, а ты собираешься загрузить её хернёй!..

Быстро сориентироваться в потоке аргументов, Кирилл не успел, и Ян неожиданно предложил свой вариант.

– Хотя тема, действительно, «живая», – он вздохнул, – давай так – я влезу в это дело, причём, на сто процентов раскручу его, но обещаю, что ваши с Алёной отношения закончатся навсегда, как только мы сядем в поезд.

– А... – Кирилл открыл рот, и снова закрыл его.

– Что «а»? – Ян хитро прищурился, – ты ж любишь её? А любовь жертвенна, так что, давай, как в кино: – Любимая, я спасу твой райский уголок, но мы должны будем расстаться, и я готов на это, лишь бы вы с папочкой были счастливы!.. Что, слабо? Не будь таким эгоистом, как я; влюблённые так не поступают – почитай классику...

Кирилл чувствовал себя загнанным в угол; загнанным так искусно, что любой из возможных вариантов, оказывался плох, но он всегда верил в чудо – в то, что кто-то свыше найдёт неожиданный ход, способный всё расставить по местам наилучшим образом. Поэтому тяжело вздохнув, сказал:

– Я согласен...

– Точно? – обрадовался Ян, – и не будешь канючить, что не можешь без неё жить? Не будешь мешать мне спокойно спать по ночам? Не будешь портить аппетит? Не будешь на улице вырубать мои мысли – типа, а вдруг это она села в такси, и надо её срочно догнать? Не будешь...

– Ничего я не буду, – Кирилл не стал дослушивать полный комплект классических симптомов влюблённости.

– Хорошо. Но только попробуй не сдержи слово!..

– Слушай, Вась, – Ян бестактно прервал его беседу с дочерью, – если хочешь, я готов подключиться к твоей проблеме. Для этого мне, во-первых, нужны копии всех документов вашего товарищества со дня основания и до ответов из администрации, прокуратуры – куда вы там ещё писали.

Отец с дочерью удивленно уставились на будто проснувшегося вдруг журналиста.

– Кирилл, – Василий покачал головой, – есть силы, с которыми бесполезно тягаться. Понятно, Алёнка тебе нравится...

– При чём тут Алёнка? Просто тема актуальная! А, насчёт «бесполезно», я, Вась, губернаторам хребты ломал, а тут... тем более, сам знаешь, мэр наш уже не в фаворе.

Алёна смотрела во все глаза, пытаясь понять, как это так внезапно на месте славного Кирилла, за какую-то минуту оказался вчерашний мужчина, по одному слову которого, она безропотно пошла в гостиницу и... ну, и всё остальное. Нет, она не боялась его – он умный, целеустремлённый, а потому очень притягательный, но Кирилл казался... как-то роднее, что ли.

...Его зовут Ян, – вспомнила она, – я уж и выбросила его из головы... да похоже, и он меня...

– Так, что с бумагами? – Ян смотрел только на Василия.

– Бумаги в порядке, но они у председателя товарищества, а Сан Саныч пока ещё в городе. Ты когда уезжаешь?

– Завтра вечером.

– Тогда я позвоню ему, чтоб сделал копии. Алёна знает, где Сан Саныч живёт. Съездите вместе, заберёте.

– Отлично, – Ян хлопнул ладонью по столу, – а, во-вторых, надо сделать снимки шикарной нетронутой природы, процесс варварского строительства и сами коттеджи, в которых будут жить воры и взяточники. Можно организовать фотосессию?

– Можно, – Василий кивнул, – но только с реки – по берегу там всё загорожено наглухо.

– Так поплыли, пока не стемнело, – Ян встал, и Василий, удивлённый внезапным напором, поднялся следом. Алёна подумала, что даже отец попал под влияние... нет, назвать этого человека Кириллом язык не поворачивался – под влияние Яна.

– Алён, прокатись с нами? – отец уже стоял в дверях, но кататься с Яном ей не хотелось.

– Зачем? – она пожалала плечами, – я лучше в комнате уберу.

Василий вышел на крыльцо, где его ждал Ян, наблюдая, как у самых ног тихо плескала вода, покачивая лодку.

– Пойдём на веслах, – предупредил Василий, – пока особо никто не плавает, так что на шум движка охрана может выскочить; увидит, что фотографируют...

– Мне всё равно – главное, до темноты пощёлкать, – не снимая галош, Ян спустился в лодку.

– Сейчас пощёлкаешь, – Василий настроил вёсла и погрёб неслышно, как индеец в ГДРовских фильмах, которые он, в отличие от Яна, ещё прекрасно помнил.

Лодка медленно двигалась мимо стоявших в воде деревьев. Ян с интересом смотрел по сторонам – теперь ведь ему предстояло писать об этом, да так, чтоб читатели прониклись духом мира, который может быть стёрт с лица земли, и вдруг он поймал себя на том, что ему не хватает слов для описания грандиозного зрелища. На ум приходило «буйство стихии», «пробудившаяся природа» и прочие безликие штампы, не способные никого тронуть. *...С другой стороны, читал я в детстве Паустовского – тягомотина!* – вспомнил он, – *любому современному человеку это на фиг не нужно – ему важно, сколько миллионов украли из бюджета на эти коттеджи...*

Радчинские домики скрылись из вида и начались бледно зелёные заросли, будто покрытые серебристым налётом.

– Вербка зацвела, – сообщил Василий в паузе между гребками, – природа Бога чувствует – Вербное ж скоро.

– Неужто чувствует? – Ян усмехнулся, – хотя вам, диким племенам, виднее.

Обиделся Василий на «чёрный» юмор или нет, неизвестно, но дальше они плыли молча, пока водное пространство не сузилось, а радостные вербные заросли не сменились уродливым бетонным забором, за которым виднелись башенки недостроенного коттеджа; чуть в стороне поднимался ещё один.

– Здесь берег высокий – паводок никогда сюда не доходит, – пояснил Василий, предвидя логичный вопрос.

– Неплохие домики, – Ян пару раз щёлкнул камерой, – а чтоб стройплощадку было видно, можно? Вырубки, заборы, перекрывающие доступ к реке... ну, сам понимаешь.

– Сейчас всё будет. Только, если честно, не верю я в силу прессы. Скандал, конечно, можно затеять, но его тихо погасят, и ничего не изменится... – сделав ещё несколько гребков, Василий опустил вёсла, – вон, смотри, – и Ян увидел варварски выкорчеванные деревья, лежащие могучими корнями вверх; бульдозер, наполовину сползший в котлован, аккуратные пакеты кирпичей, горы земли и мусора.

– О! То, что доктор прописал! – он снова навёл камеру на берег, – а поближе можно подплыть?

– Можно, – Василий повернул лодку.

До берега оставалось метров двадцать, когда Ян принялся щёлкать камерой; при этом автоматически срабатывала вспышка, и с берега раздался грозный голос:

– Кто, сука, позволил снимать? Это частное владение! Валите отсюда! Пристрелю! – из-за кирпичей появился мужчина в камуфляже, с карабином в руке.

– Он чего, псих? – удивился Ян, – да если он только поднимет свою «дуру», я сгною его! – поймал в видоискатель красномордого охранника, который всё-таки вскинул оружие. Звук выстрела вспугнул стайку мелких птиц, заматававшихся над водой, и эхом покатился дальше, подняв с дуба десяток отдыхающих там ворон.

– Ты, дебил! – заорал Ян, – я тебя засажу лет на восемь!

– Покойники не кусаются! – расхохотался стрелок, – валите или убью! – и для убедительности выстрелил ещё раз.

Станным образом, пули не просвистели рядом и не плюхнулись в воду, оставив круги на зеркальной поверхности, хотя целился безумный стрелок однозначно в лодку.

Бесстрашно щёлкнув ещё несколько раз, Ян убрал камеру.

– Всё, Вась, валим отсюда.

– Как скажешь, – затушив «бычок», Василий взялся за вёсла, и стрелок сразу опустил карабин.

– И больше чтоб тут не шастали! – крикнул он на прощанье.

– Нет, блин, я это так не оставляю, – было видно, что Ян поражён наглостью и чувством безнаказанности охранника, – не знаете, идиоты, с кем связались!..

Поскольку Василий молчал, а требовалось выплеснуть эмоции, он обратился к ещё не пришедшему в себя «соседу»:

– ...О, втянул ты в историю!.. Тут пока до больницы доvezут, кровью истечешь!..

– Да уж... хорошо, что стрелок попался косою – ни разу не попасть в здоровенную лодку с двадцати метров!..

Фраза вернула Яна к явной нестыковке в произошедшем.

– Вась, – он устроился поудобнее, – мне кажется, тот козёл стрелял холостыми. Я ж бывал в «горячих точках», знаю...

– Если б «козёл» холостыми палил, – перебил Василий, – наши мужики давно б разнесли всю стройку на куски. Нет, Кирилл, у них всё по-взрослому.

– Тогда ничего не понимаю. Я ж видел – он целил в нас!

– А оно тебе надо, понимать? – Василий перевел взгляд с потемневшей воды на журналиста, – пронесло, и слава Богу.

Скорее всего, Яна бы удовлетворил такой ответ, ведь даже самый блестящий репортаж – это всё равно не роман, требующий экскурсов с глубоким анализом причинно-следственных связей, но Кирилл не дал ему просто кивнуть и отвернуться.

– ...Слушай! – он встрепенулся, – неужто тебе самому не интересно? Что ж ты такой примитивный! Упёрся в одну тему и больше ничего не хочешь знать! А вдруг Вася обладает сверхъестественной силой и умеет, к примеру, отклонять пули?..

– Я не примитивный, – Ян погрозил «соседу» и в подтверждение сказал:

– Не, Вась, колись. Если знаешь хоть какое-то объяснение...

– Ты всё равно не поверишь.

– Это моё дело, верить или нет! Ты расскажи.

– Ладно, – Василий перестал грести, – меня хранит Водяной, а раз ты со мной, значит, и тебя тоже. Не знаю, что он сделал конкретно – то ли туманом глаза Егорке застлал (этого охранника Егором зовут), то ли ствол в небо завернул, то ли проглотил те пули, но одно знаю точно – на этой реке я в безопасности.

– Водяной?!.. – воскликнули Ян и Кирилл хором, правда, услышал Василий лишь насмешливый голос Яна, – ты, значит, веришь в сказки про водяных? Ты что, язычник?

– Не люблю ярлыки – без них проще жить. А, касаясь «сказок», верю я в них или нет, так скажу – каждый Бог открыт лишь для тех, кто в него верит – им он помогает, а для всех остальных он закрыт, то есть фактически не существует.

– Эти байки мы тоже знаем, – Ян махнул рукой, – а более реалистического объяснения у тебя нет?

– Я ж говорил, не поверишь, – Василий совсем не обиделся, и это смутило Яна, привыкшего биться за свои убеждения.

– Ладно, – вздохнул он, – допустим, некая таинственная сила, привязанная к реке, существует; природы её мы не знаем, поэтому можем называть, хоть Водяным, хоть каким-нибудь энергетическим полем – не важно. Но тогда объясни, почему твой Водяной сам не разберется с коттеджами? Поднял бы уровень воды ещё на метр. Что ему стоит, если он, местный царь и бог?

– ...Хороший вопрос! – похвалил Кирилл, и Ян, в кои-то веки, подмигнул ему, как сообщнику.

– У него ж не спросишь, а версий несколько, – Василий закурил. Коттеджи давно скрылись из вида, и лодка, вернувшись на простор, ограниченный далёким тёмным лесом, спокойно дрейфовала в предвечерней тишине, – например, он хочет проверить, на что способны люди в борьбе за свою среду обитания – не всё ж высшим силам оберегать их; или, возможно, он не хочет приносить зло нам, уважающим его, ведь если ещё поднять уровень, наши дома тоже затопит, а народ там, в основном, не богатый – восстанавливать будет не на что, и Радчино погибнет само собой...

– То есть, всё-таки получается, Водяной – это реальный божок, которому вы тут поклоняетесь, – резюмировал Ян, – а как и где вы это делаете? У него есть алтарь или... как это по язычески, капище, да?..

– Его алтарь – река; зачем ему ещё что-то? – Василий затушил сигарету и снова взялся за вёсла, – темнеет уже. Может, завтра утром поедете? А то сейчас и Вовку можете не найти, чтоб машину забрать – бухает, небось, с рыбаками, да и ты ж хотел ещё природу поснимать.

– Поезд у меня вечером, так что... – Ян пожал плечами.

Лодка пошла быстрее, еле слышно всплескивая веслами. Сумерки сгустились, постепенно стирая далёкий лес и превращая простор в серую бесконечность. Ян почувствовал себя неуютно – наверное, веру в сверхъестественное отменяет исключительно сознание, а то, что находится глубже, потаённое; то, что досталось нам от предков, готово принять любую ересь.

– ...Ты чего там затаился? – обратился он к «соседу».

– Наслаждаюсь природой. Где ещё такое увидишь?

– Согласен. Красиво, – Ян вздохнул полной грудью, – скажи, а ты что думаешь о Водяном?

– Вопрос поставлен некорректно. Водяного ведь нельзя воспринимать отдельно – он часть остального пантеона; тогда надо ставить вопрос о Боге...

– Давай поставим, – перебил Ян, – я считаю, Бог нужен тем, кто сам ничего не может. Например, я живу без Него и прекрасно себя чувствую; и дальше проживу. А вот местные аборигены не могут ничего сделать с московскими рейдерами и потому придумали себе заступника. Разве нет?

– Да кто ж знает, как оно на самом деле? – философски ответил Кирилл, и Яна это вполне устроило.

– Знаешь, – он зло прищурился, – я теперь такой репортаж про это Радчино сделаю!.. Ещё всякие уроды будут стрелять в меня!.. Когда в Дагестане со спецназом работал, понятно, но, чтоб тут, в российской глубинке?..

Вдали появились тёмные домики Радчино, словно поднявшийся из воды призрачный город. Выглядел он сказочно и в то же время пугающе реально;

даже Ян заметил это, хоть ничего и не сказал, но Кирилл тоже без труда читал его мысли.

– А если Водяной – не сказка?.. – прошептал он зловеще.

– Слушай, – Ян взглянул недовольно, – давай не будем ломать нашу жизнь глупостями! Зачем ты хочешь перевернуть всё с ног на голову? Это тебе кажется, что с Богом, как, кстати, и с любовью, живётся легко и просто, а на самом деле...

– Ты просто боишься и того, и другого! Вот в чём дело!..

– Ничего я не боюсь, но я привык решать конкретные задачи, получать за это конкретные бабки и заранее планировать на исполнение каких-то конкретных желаний их потратить. Разве это плохо или не правильно?

– Не плохо, – согласился Кирилл, – но если всё будет происходить только по законам логики, то Егорка-стрелок не мог промахнуться с такого расстояния; а он ведь промахнулся.

– Наконец-то я тебя понял, – Ян улыбнулся, – мы ж говорим об одном и том же, только терминология разная – я предпочитаю слово «случайность», а ты – «чудо».

– Ну да, случайность проще...

– Так и я о том же! – обрадовался Ян, – зачем самому усложнять и без того сложную жизнь?..

– Смотри, – раздался взволнованный голос Василия, и Ян вздрогнул, прервав дискуссию с «соседом».

Он не понял, что надо увидеть, потому что воду заволочло дымкой. Зрелище, без сомнения, выглядело завораживающе, но Ян видывал и не такие туманы – однажды, во время учений тихоокеанского флота, он чуть не «потерял» Большой Противолодочный Корабль, стоявший на рейде.

– ...Да куда ты смотришь? – воскликнул Кирилл, – вон же!

Ян повернулся в другую сторону – дымка там двигалась как-то странно, словно в ней возник крохотный локальный смерч. Она принимала неопишываемые ни математикой, ни системой сравнительных образов, фигуры, уверенно приближаясь к лодке.

– Водяной, – тихо объявил Василий, – он часто так бродит. Если на пути встретит сетку или перемёт – утром будут полные рыбы; тысячу раз проверял. И ещё, даже если потом пройдёт ливень, вода будет чистая-чистая, но очень холодная.

Водяной прошёл рядом, качнув лодку, и проследовал дальше, унося дымку с собой. Через несколько минут пространство очистилось полностью, и Ян увидел, что находятся они всего в десятке метров от дома, а на кухне горит свет.

– Другие объяснения есть? – спросил Василий.

– Если честно, не знаю, – Ян пожал плечами, – но, на мой взгляд, это какое-то физическое явление. Просто, я ж не физик.

– Ну, считай, как хочешь, – Василий сделал последний гребок, и лодка ткнулась в лестницу. Быстро перебравшись на верхнюю сухую ступеньку, он привязал конец, чтоб гость мог сойти с полным комфортом, и поднял голову, – вёсла уложи, пожалуйста, вдоль бортов.

Ян ещё пытался придумать объяснение увиденному явлению, поэтому Кирилл, вынув вёсла из уключин, наклонился и вдруг увидел на расчерченном заклёпками днище маленький цилиндрок, который перекатывался в такт покачиванию лодки.

... – Блин! Это ж пуля!

Бросив «научные изыскания», Ян приподнял деревянную решётку под сиденьем.

– А вот и вторая, – он поднял точно такой же цилиндрок, – похоже, от «Сайгака», как был у Егорки. Но как они попали сюда, не пробив борт?

– Если только их не подбросил Водяной, проходя мимо...

– Да знаю я, какой «водяной» их подбросил! Я, когда писал о сверхспособностях, и не таких фокусов насмотрелся – это так, фуфло, рассчитанное на дураков, вроде тебя, – Ян выпрямился.

– Вась! Твои штучки? – он протянул пули, но тут, услышав голоса, появилась Алёна.

– Где вы есть, ночь на дворе! Я уж волнуюсь! Тем более, пап, телефон ты оставил, номер Кирилла я не знаю. Нам же ещё ехать, между прочим!..

– Утром поедете. Вовка, небось, пьяный давно спит, – Василий при этом разглядывал пули, – знаешь, Кирилл, я не собираюсь ничего доказывать, но объясни, зачем мне это нужно?

– А что случилось? – встревожилась Алёна.

– Ой, дочь, – Василий махнул рукой, – ну, не может человек поверить, что Радчино – это место особенное.

И тут Яна осенило. Самостоятельно выбравшись из лодки, он покровительственно положил руку Василию на плечо.

– Сейчас объясню, для чего это нужно.

– Идёмте ужинать – вы ж целый день голодные; потом объяснишь, – Алёна вернулась в дом, и мужчины вошли следом.

На столе появились остатки обеда, и в кои-то веки Ян выпил рюмку водки с удовольствием.

– Значит, объясняю, Вась, твой план.

– Давай, – Василий улыбнулся.

– А план простой – доказать, как ты сам сказал, что Радчино – место особенное, и, соответственно, объявить тут аномальную зону. Сейчас это модно – где-то являются призраки времён войны, где-то находят следы йети, у кого-то вампиры режут коров, но Водяного ещё нигде не было. Понаедут уфологи, а ещё лучше – молодцы из группы «Днестр»; эти завсегда что-нибудь находят...

– Я понял мысль, – Василий вновь наполнил рюмки, – только этого-то я и боюсь больше всего, поэтому давай решим сразу – если всё-таки соберёшься писать статью, пиши только о незаконном строительстве, и никаких Водяных. Иначе вообще ничего не надо. Договорились?

– О, как! – Ян замер с поднятой рюмкой.

– Именно, так. Я как раз не хочу, чтоб сюда наехали разные экспедиции, а пуще того, толпы любопытных, которые засрут все окрестности. Верить ты в Водяного или нет, но мы-то с ним дружим – это мой сосед по коммуналке. Тебе приятно, если б в твоей квартире шлялись толпы экскурсантов?

– Нет, – Ян выпил.

– Поэтому повторяю – не надо никаких сенсаций. Мы здесь живём, нас это устраивает и больше никого не касается.

– Тогда не понимаю, зачем ты подкинул пули, – признался Ян – придумывать новую версию мешала вторая выпитая рюмка и слишком быстро наполнившийся желудок.

– Пап, какие пули? – Алёна уставилась на отца, – немедленно говори, что стряслось!

– Да ничего не стряслось – Егорка чудит, как всегда... – Василий принялся вкратце пересказывать «партизанский рейд» к коттеджам.

...Что-то меня все это утомило... да и водку уже сто лет не пил... хорошо хоть не самогон... – Ян зевнул.

Кирилла же, бездействовавшего весь день, водка, наоборот, взбудрила – он смотрел на Алёну, и мечты рождались самые замечательные. Правда, Ян без труда проник в них.

– ...Давай-давай – времени у тебя не много, а я отдохну; не буду мешать трогательному прощанию. Так что до отъезда твори всё, что хочешь, но потом...

Что должно быть потом, Кирилл прекрасно помнил, но водка великая вещь – она способна изменить самое категоричное «нет!» на вполне приемлемое «а вдруг всё-таки?..»

Незаметно, под столом, он нащупал Алёнину руку. Наверное, взгляд Кирилла сильно отличался от Яна, потому что девушка, стрельнув глазами в его сторону, неожиданно улыбнулась. Василий сразу замолчал – недосказанная история никуда ведь не денется, ни завтра, ни даже через месяц.

– Ладно, – он поднялся из-за стола, – пойду «Новости» посмотрю, а то, может, уже третья мировая война началась.

– Мудрый у меня папка, да? – прошептала Алёна, когда дверь в жилую часть дома закрылась, – пойдём на улицу, а то он вечно накаurit – это единственный его недостаток.

Они вышли на лестницу. В небе висела дынная долька луны, переливались бесчисленные россыпи звёзд, завораживающе пахло рекой, которая тихонько плескала под полом, а вокруг стояла волшебная тишина, готовая произвести на свет любые чудеса. Обнять Алёну было очень просто, потому что вся принадлежавшая людям суша занимала лишь пару квадратных метров рифлёного железа; девушка прижалась к Кириллу, но вдруг подняла голову.

– Ты не обижайся, но сегодня я трахаться не буду. При отце как-то, знаешь... короче, я стесняюсь.

– А там одна комната?

– Комнат две, но между ними фанерка. Не, он ничего не скажет, но я сама не так себя буду чувствовать, понимаешь?

– Понимаю, – Кирилл поцеловал её сначала в нос, потом в лоб, в обе щеки, – это не главное...

– Правда? – обрадовалась Алёна, – а что, главное?

– Главное, что ты мне нравишься.

– Только и всего? – Алёна вздохнула, – ты ж взрослый, умный мужчина и понимаешь, что завтра каждый из нас вернётся к своей обычной жизни, а потому нравимся мы друг другу или нет, как раз совсем не главное... а что главное, я не знаю, – улыбаясь, она очертила рукой выползшую на свободу, огромную ночь, – может, всё это?..

– Слушай, почему ты торчишь в администрации? Ты совсем не подходишь для такой конторы.

– Там платят, – Алёна пожалала плечами, – да и потом я ещё не в том возрасте, чтоб, как отец, уйти от людей и общаться только с Водяными; я и клубы люблю, и мужчин; машину вот купила... но без этого, – она снова показала в ночь, – я тоже не могу. Оно должно быть, чтоб в него можно было спрятаться, когда грустно. Ты меня понимаешь?

Кирилл понял так ярко и так близко к сердцу, что, наплевав на договор, поднял лицо девушки и, глядя в глаза, тихо сказал:

– Я люблю тебя. Хочешь, поедем со мной в Москву?

– ...Э-эй! – взвился мгновенно очнувшийся Ян, – *ты чего, придурок? Ты ж дал слово!..*

– *Как дал, так и возьму обратно!..*

– В Москву?! Да боже упаси! – Алёна расхохоталась, – на фиг, она мне нужна? Хотя за предложение, спасибо. И не смотри, как на идиотку. Была я в Москве, и не раз – мне там душно... там всё какое-то не моё, понимаешь?

– В смысле, там нет Радчино?

– Не только. Радчино – это материальное воплощение того, что мне хочется видеть рядом.

...*Блин, как чётко она формулирует мысли!* – восхитился Ян, уже боявшийся оставить «соседа» без присмотра, и пока Кирилл растерянно молчал, спросил:

– Если Москва тебе не нужна; если ты знаешь, что будущего у нас нет, то почему осталась вчера? Ты ж вроде не проститутка.

– Я точно не проститутка! А почему осталась?.. Честно?.. Не знаю. Наверное, так было надо...

– Кому?

– ...*Да заткнись ты со своей логикой!* – спохватился Кирилл, чувствуя, что упускает инициативу.

– Откуда ты знаешь, что будущего у нас нет? – спросил он.

– Хочешь сказать, пути Господни неисповедимы? – она засмеялась, – может, оно и так, но, понимаешь, я не люблю чем-то жертвовать сама и не признаю глупых жертв у других. Не въехал? Я к тому – если ты сейчас скажешь, что ради меня готов уехать из Москвы и писать в наши газетенки статьи про битву за урожай, я тебе отвечу – не сходи с ума. Я не стою того, чтоб ломать карьеру, и когда ты поймёшь это сам, будет поздно – в Москве тебя уже забудут. В итоге ты возненавидишь меня, себя и весь мир. Так что этот дурацкий разговор можешь даже не начинать. Я в Москву тоже не поеду. И что у нас получается?..

– ...*Ну, девка даёт!* – в очередной раз восхитился Ян, – *таких я ещё не встречал! Слышь, «сосед», я буду гордиться, что спал с ней! Ей-богу!..*

Но Кирилл молчал, ощущая, как одна за другой отошли страховочные мачты, и «ракета», устройство которой казалось хорошо известным, уносится ввысь, превращаясь в прекрасную недосягаемую звезду. Это было ужасное ощущение, но как остановить запустившиеся двигатели, он не знал.

...*Что-то меня на космос потянуло,* – подумал он, анализируя возникший образ, – *ну да, наверное, потому что оттуда нельзя вернуть того, кто сам не захочет вернуться...*

– Чего ты замолчал? Расстроился? – Алёна взяла Кирилла за руку, – не надо. Я же сказала правду. Зачем играть в глупые игры?

...*Она, действительно, необыкновенная!* – от пассивности Яна не осталось и следа, – *она такая же, как я!.. Сейчас ей надоест смотреть, как этот недотёпа размазывает сопли – размазывают либо кровь, либо говно, а сопли никто не любит...*

Кирилл ещё громоздил конструкцию из бессмысленных космических образов, когда Ян прижал Алёну к себе.

– В Москву я тебя и не зову.

– Правда? – заинтересовалась Алёна, уловив какие-то новые, отличные от прежних, интонации, – передумал?

– Просто это особый город. Туда стоит приезжать, если настроен биться и покорить его. Там нет смысла просто жить – он не приспособлен для этого; там всё дорого, всё расположено далеко... и вообще, там сложно.

– Ты на сто процентов прав, – Алёна кивнула, – москвичи – это состояние души, а я не ощущаю настроя на борьбу.

– ...*Спасибо, выручил,* – обрадовался Кирилл, полностью потерявший нить общения, но Ян отмахнулся.

– *Да пошёл ты!..*

Он крепче сжал Алёнины плечи.

– К вам я конечно не перееду даже ради тебя – тут ты сама все правильно сформулировала, но ты ж не можешь не согласиться, что нас тянет друг к другу?

– Не согласиться не могу, – Алёна вздохнула.

Кирилл от удивления потерял дар речи. То, что происходящее не соответствовало привычной логике «соседа», было полбеды; беда заключалась в том, что после ответа Алёны он окончательно почувствовал себя лишним, словно растворявшимся в «соседе». Действительно, зачем он нужен, если тот исполняет его функции и его желания?

– Значит, – продолжал Ян, – надо искать компромиссный вариант. Это ж не умно – осмысленно мучить друг друга.

– Экое слово-то подобрал – «не умно», – Алёна покачала головой, а потом кивнула, – я б хотела найти такой вариант. Давай встречаться где-нибудь в Рязани или в Липецке... О! Лучше – вычислим деревню, чтоб точно посередине между нами и Москвой, купим там хату...

– Плохой вариант. Это ж рутина – созвонились, съехали, бросив дела, которые всё равно не выходят из головы; переспали и с радостью помчались обратно – дела-то ждут, время потеряно.

– Слушай, что ж ты такой умный?

– И ты не дура – с дурами я так не разговариваю.

– Спасибо. Да, насчёт поездок, я, конечно, загнула; тогда уж проще пожениться, чем тратить деньги на дорогу – эффект-то получается тот же, да?

...*Какая ж она умница!.. А ты – debil,* – Ян повернулся к Кириллу, заворожённо слушавшему этот фантастический диалог влюблённых мужчины и женщины.

– Ну, а твои предложения? – Алёна вывернулась из объятий, чтоб лучше видеть лицо собеседника.

Момент был кульминационным, но Бог (или Случай) – великий драматург, потому что всегда умеет растянуть его, держа в напряжении нервы и чувства «актёров».

– Слушайте, голубки, – из дома появился Василий, – вы завтра когда едете?

– Ой, пап... – Алёна задумчиво почесала нос, – лучше пораньше. Мне ж на работе хотя б с обеда надо появиться – с утра-то, если что, девчонки прикроют... а до этого съездить с Кириллом к Сан Саньчу...

...*На фиг, Сан Саньч этому придурку?* – Ян раздражённо обернулся, но Кирилл лишь беспомощно развёл руками, – *блин, послал Бог «соседа»!..*

– Короче, – Василий прервал Алёнины рассуждения, – Вовка бухает, но я позвонил ему, поэтому знаю, где ключ от стоянки, так что решайте – когда скажете, тогда и отвезу.

– Пап, давай часов в шесть.
 – В шесть, так в шесть, – Василий посмотрел на часы, – сейчас полпервого. Вы спать совсем не собираетесь?
 – Ты что, пап! – глаза Алёны округлились, – мне ж на работе надо быть цветущей. Идём? – она повернулась к Яну.
 – Вопрос, конечно, бестактный, – Василий смешно потер небритую щеку, – белья сколько доставать? На одну постель?
 – Пап, – укоризненно перебила Алёна, – сегодня вот на две.
 – Зря, – пожав плечами, Василий ушёл обратно в дом.
 – Я ж тебе говорила, – Алёна засмеялась, – и всё равно стесняюсь. Ну, такая вот я странная девочка.
 – Ты, классная девочка, а остальное, мелочи, – Ян притянул её к себе.
 Так они не целовались даже вчера ночью, и когда их губы разомкнулись, Алёна глубоко вздохнула.
 – Уф!.. Если ты и дальше будешь таким, я, правда, влюблюсь. Тебе оно надо?
 Кирилл уставился на «соседа», ожидая яростного протеста против «всяких глупостей», но тот предательски промолчал, лишь крепче сжав плечи девушки.

Василий остался в маленькой комнате, где стоял телевизор, а гостям постелил в большой, со старым платяным шкафом, запасными вёслами и всякими рыболовными снастями, разложенными на столе и подоконниках. Больше они не обнимались и не целовались; правда, когда Алёна, потушив свет, стала раздеваться, Ян, на всякий случай, спросил:

– Ну, что?
 Вопрос мог относиться к чему угодно, вплоть до мирового экономического кризиса, и Алёна ответила соответственно:
 – А всё нормально.
 Старенькие диваны закрипели. Ян закрыл глаза, и тут же к нему подскочил Кирилл.
 – Что ты делаешь? Это моя девушка!
 – Послушай, – голос Яна казался усталым, – это наша девушка. Не забывай, мы ведь единое целое...
 – Эх, ты запел!
 – А я сегодня добрый, и не зли меня, пожалуйста.

Как вести себя с «добрым Яном» Кирилл не знал, потому что никогда его не видел. Пауза возникла длинная; еёхватило как раз, чтоб Ян отключил сознание, уплывая в фантазмагорию снов, и потянул Кирилла за собой.

* * *

Третья рота, подъём!
 И Алёна, и Ян одновременно вскинули головы, в которых ещё витал туман не отложившихся в памяти сновидений.
 – Пап, да ну тебя, – Алёна сонно зевнула.
 – Время полшестого, – объявил Василий, – вам ещё надо умыться, поесть, а я пойду движок на лодку поставлю.
 – Есть я не буду, – Алёна потянулась, – я лучше искупаюсь.

– ...Она с ума сошла! – воскликнул Кирилл, но Ян, за ночь, видимо, переставший быть добрым, усмехнулся.
 – Заткнись, размазня! Эта девочка не для тебя, понял?..
 – Пап, выйди; а ты, Кирилл, отвернись, пожалуйста, – попросила Алёна. Василий вышел, и Ян толкнул «соседа».
 – ...Отвернись, слышишь! Тебе ж сказали! – но сам лишь прищурил глаза, наблюдая, как Алёна сменила трусики на ярко-жёлтые плавки и ловко надела верхнюю часть купальника.
 – Можешь смотреть, – сказала она, – ты со мной пойдёшь?
 Кирилл чуть не крикнул «Да!», стараясь хоть в чём-то опередить конкурента, но Ян одним движением закрыл ему рот.
 – Молчи, идиот! Ты-то куда собрался? Лёд неделю назад сошёл! Она всю жизнь плавает, а ты утонешь, как утюг.
 – Это да... – мигом остыл Кирилл.
 – Так что? – Алёна стояла посреди комнаты и улыбалась.
 – И буду ходить по городу с мокрой жопой, да? Неудобняк, – Ян откинул одеяло, – я уж так – рожу протру и хватит.
 – Как хочешь. Наше дело предложить, – Алёна вышла и через минуту за тонкой стеной послышался громкий всплеск.
 Ян похлопал «соседа» по плечу.
 – ...И что ты собирался делать с такой девкой? Ты ж по жизни будешь у нее подкаблучником!.. Но в чём-то я тебе очень обязан: как говорят грёбаные поэты – ты растопил её сердце. Так что не расстраивайся.
 – А как мы будем... – Кирилл пытался подобрать достойную формулировку, но Ян рубанул с плеча:
 – Как мы будем ее делить, да? А зачем? Член-то у нас один на двоих, так что чего делить? Ещё вопросы есть?
 – Нет. Хотя есть! Вчера ж ты так и не сказал, что можешь ей предложить – ну, чтоб как-то быть вместе.
 – Не волнуйся, предложу – есть у меня в рукаве шикарный козырь, – увидев неподдельный испуг «соседа», Ян рассмеялся, – да не бойся – куда ж без тебя? Как ни крути, она всё-таки не железная – когда-нибудь и ей нужно поплакаться в жилетку, а я на эту роль не гожусь.
 – Правда? Ты так думаешь? – от радости Кирилл чуть сам не расплакался, – это получается, теперь мы не просто соседи, а, можно сказать, братья?
 – Ага, молочные. Пошли, братец...
 Натянув джинсы и рубашку, Ян прошёл через кухню, где на столе снова стояла тарелка с рыбой, и вышел на крыльцо. Василий был уже там, наблюдая за дочерью, уплывшей от дома метров на пятьдесят. На звук шагов он обернулся, и когда Ян встал рядом, тихо спросил:
 – Не, то не мои проблемы, но у вас это серьезно или так?
 – Вась, а ты, значит, считаешь, что она могла привезти с собой первого встречного? Или что, она много мужиков уже сюда перетаскала?
 – Да ни одного! – Василий усмехнулся, – что и пугает.
 – Вот пусть ничего тебя не пугает. Мы сами во всем разберёмся, договорились? А ты тут с Водяным пока разберись – чего это он решил нам пульки-то подкинуть?
 – Разберусь, – вздохнул Василий, – лучше скажи – думаешь, от твоей статьи будет эффект?

– Да что статья! Я ж снимки сделал, как этот урод стреляет в нас – я сейчас прокуратуру подключу... ох, Вася, тут такие разборки начнутся! Главное, чтоб у вас бумаги были в порядке, а то загремите со своим товариществом в общей куче, – мысли Яна мгновенно вернулись к работе, поэтому когда Алёна поднималась по лестнице, Кирилл успел подскочить первым и подал ей руку.

– Вот, зачем ты оделся? – она засмеялась, – сейчас бы как прижалась к тебе!

Кириллу хотелось этого, но помня о «брате», он сказал:

– Не, не надо, – и коснувшись губами мокрого, холодного плеча девушки, опасно оглянувшись – Ян смотрел на него как-то подозрительно задумчиво, и Кирилл испуганно спросил:

– ...Ты чего?

Но Ян лишь покачал головой и ничего не ответил. Кирилл не стал лезть в его мысли, поверив, что действительно не произошло ничего особенного.

Приключение под названием «Радчино» окончательно закончилось, когда Алёна села за руль.

– Сейчас посмотрим – какой ты водитель, – Ян устроился на пассажирском месте, – годишься ли для сумасшедшей Москвы?

– Не гожусь, по определению, – поднимая рябь на воде, Алёна развернулась, – я вчера тебе уже говорила.

– Ну, ситуации меняются; отсюда меняются и желания...

– Да не поеду я в Москву!

– Успокойся, никто тебя туда не тащит. Это я шутил, а, если хочешь, поговорим серьёзно.

В принципе, Алёна была готова к подобной развязке, но всё равно стало очень обидно; в сердцах она втопила газ, подняв на лугу волну.

– Ты не поняла...

– Всё я поняла! – девушка дёрнула локтем, хотя Ян и не пытался коснуться его.

– ...Мы теряем её! – Кирилл в отчаянии схватился за голову.

– Что, фильмов про врачей насмотрелся? – усмехнулся Ян, – смотри и учись...

– Перестань, глупенькая, – произнес он ласково, – лучше послушай меня. То, что всем вам сливают через СМИ о положении в нашей экономике и политике, сплошная ложь.

– Очень актуальная информация, – Алёна усмехнулась.

– Да ты дослушай!

– Ладно, слушаю, – равнодушно согласилась Алёна – это была возможность углубиться в собственные мысли.

– Я вхож в так называемый «ближний круг», поэтому имею возможность анализировать реальные факты. Понимаешь?

– Нет, – Алёна пожала плечами, – не понимаю, при чём тут я.

– К тому, что ты сама хотела серьёзного разговора!

– Но не до такой же степени...

– Ты можешь без комментариев? – Ян начал злиться.

Кирилл, естественно, ощущал это; точно так же как мгновенно узнал, что именно «брат» собрался предложить Алёне, и не мог поверить своему знанию. Конечно, то был сильнейший ход, но обнародовать главный козырь после

двухдневного знакомства?.. Сам бы он, точно, не отважился, а, вот, Ян соби-рался это сделать.

...Что-то, похоже, перевернулось в мире, – решил Кирилл.

– Слушай, – он схватил Яна за руку, – ты – гений! Я даже не ожидал! Знаешь, как ты поднялся в моих глазах!..

– Неужто? А она, вот, даже не хочет меня выслушать!

– Но она ж рассказывала, как её обманывали! Потому и относится к тебе, как к другим!

– А ко мне не надо относиться, как к другим! Иначе и я буду относиться к ней, как к другим!

– Господи, какие ж вы оба...

Фраза являлась законченной и её не требовалось опешлять конкретным определением. Возникла пауза, которую нарушила Алёна.

– Так что там интересного в твоём «ближнем круге»? – она успокоилась, поставив предсказуемый крест на их отношениях, и теперь ей хотелось хотя бы послушать из «первых рук» свежие московские сплетни.

Под жалобным взглядом Кирилла Ян вздохнул.

– Если коротко и не вдаваясь в детали – эта страна катится к закату; и идеологическому, и экономическому. Предотвратить его уже невозможно, и дело лишь в сроках. Здравомыслящие аналитики отводят ей жизни, от силы, года три...

– Я не верю, – Алёна выбралась на асфальт. Впереди больше не было скрытых водой ловушек, и она повернулась к собеседнику, – с чего ты взял? По-моему, наоборот, наконец-то наступила стабильность.

– У нас, знаешь, что является мерилем стабильности? Наличие в магазинах хлеба, водки и колбасы. Всё – жизнь прекрасна, а остальное как-нибудь переживём, так ведь?

...Ну, не пугай ты её! – взмолился Кирилл, – зачем? Ты просто предложи...

– Заткнись!..

– Алён, – продолжал Ян, – могу разложить тебе по полочкам всю историю нашей Перестройки, от её пафосного начала до трагического завершения. Запросто.

И тут Алёна испугалась; испугалась уверенности, звучавшей в голосе, а сам Ян вдруг предстал мрачным пророком, спустившимся с заоблачных столичных небес. Правда, состояние растерянности длилось не больше минуты – потом Алёна мысленно оглянулась на окружавший её мир, обустроенный супермаркетами, весёлыми ночными клубами, автомобилями, число которых зримо росло с каждым днём, а главным были люди, спокойно и уверенно строившие планы на ближайшее десятилетие. И Алёна улыбнулась.

– Не надо ничего раскладывать. Просто скажи – и что же, по твоему мнению, будет дальше?

– А дальше будет русский бунт, бессмысленный и беспощадный; такой, что семнадцатый год покажется сказкой про Белоснежку. Убивать будут не только тех, кто служил власти, но и их детей, внуков, чтоб следа не осталось! Сперму будут отстирывать с простыней!..

– Прекрати! – последний образ почему-то особенно впечатлил Алёну, – я согласна, не всё у нас гладко, но сейчас вроде и с коррупцией стали бороться...

– Да не может эта власть бороться с коррупцией! Коррупция – наш общественный строй! А смена общественного строя происходит только

революционным путём. Ну да, кого-то сажают, но это не борьба; это Система отторгает нарушивших главное правило игры. Знаешь, какое? Нельзя убивать дойную корову – её надо только доить, пока сама не сдохнет.

– Страшно тогда... – Алёна задумалась.

– Страшно, – кивнул Ян, – вот, я и не хочу, чтоб ты бегала тут под пулями, а бегать придётся – как ни крути, ты к этой власти тоже имеешь отношение, и в эйфории новой свободы никто не станет разбираться, что ты – девочка на побегушках и всего лишь селила в гостиницы московских «пупков»... за дорогой следи!

Испуганно вывернув руль, Алёна метнулась к обочине, заканчивавшейся глубоким кюветом, и чудом не угодив в него, вернулась к белой прерывистой линии. Фура, возникшая словно ниоткуда, пронеслась мимо, и дорога вновь опустела.

Пока Алёна приходила в себя после маневра, изучавшегося в автошколе лишь теоретически, Кирилл подскочил к Яну.

– ...Ну, зачем ей все эти ужасы? Может, и вообще всё ещё обойдётся! Ты просто скажи, что любишь её! Скажи, ну!..

– И что там по поводу спермы? – успокоившись, Алёна повернула голову.

– Со спермой у нас полный порядок – сама знаешь.

Кирилл вмиг съезжился, и эта очередная победа над глупым сентиментальным «братом» подняла Яну настроение.

– Короче, – он хитро прищурился, ожидая реакции, – когда полетят кровь, я могу увезти тебя из этого дурдома. В замечательной стране Австрии, где в ближайшие двести лет не намечается никаких революций, стоит городок Зальцбург, родина Моцарта, между прочим; а под тем Зальцбургом есть у меня славный домик и клочок земли.

– Правда?.. – глаза Алёны округлились, – ни фига себе!

Не раз виденные по телевизору остроконечные крыши, узкие мощные улочки и танцующие люди в тирольских шляпах поглотили рисовавшийся минуту назад кошмар; да и на лице Яна появилась улыбка, сразу превратив мрачного пророка в ловкого фокусника.

– Уф!.. А я, дура, уж вся испереживалась за судьбы Родины, – Алёна засмеялась, – то есть, ты так нестандартно приглашаешь меня в гости?

– Просто я хочу спасти тебя.

– Знаешь, а мне нравится, – Алёна окончательно развеселилась, – роль любовницы... она всё-таки какая-то унижительная; стать женой я пока не готова, да мы и почти не знакомы, так что спасай!.. – великодушно разрешила она, – слушай, а без грядущего катаклизма мы не можем съездить туда? Не насовсем, а так, на пару неделек.

– Запросто. Репортаж только сдать...

– Не, Кирилл, я серьёзно.

– Да не Кирилл я! Кирилл – это моё, так сказать, прошлое. Ну, вспомнил о нём, раз уж твой отец так не любит поляков, а реально никакого Кирилла давно нет, – Ян победно взглянул на окончательно потерявшегося в ситуации «брата».

– Так не бывает, – покачала головой Алёна, – прошлое никогда не исчезает без следа. Вы с Кириллом должны как-то уживаться; причём, вы оба мне симпатичны, каждый по-своему...

– ...Нет, ты слышал! – от счастья Кирилл даже захлопал в ладоши, – мы оба!

– Да погоди ты! – отмахнулся Ян, – думаешь, я не догадывался? – но вслух сказал:

– Это называется раздвоение личности, а человек должен быть цельным, чтоб чего-то добиться.

– Мне кажется ужасно скучным только и делать, что чего-то добиваться...

– Тебе, вот, кажется. В этом, кстати, одна из главных проблем – мы оцениваем чужое счастье теми мерками, которые заготовили для себя, а оно у каждого своё. Не согласна?

Несколько минут Алёна молчала; потом вздохнула.

– Здесь, возможно, ты и прав.

– А в чём я не прав?

– В отношении будущего России. И не потому, что наш крутой президент все разрулит – в плане власти я согласна с тобой, но тут ещё остались лешие, водяные и ещё много кого, кто не позволят испоганить свою территорию.

– Короче, да поможет нам Бог?

– Типа того. Но ты, конечно, в Бога не веришь?

– Ну...

Это был редкий случай, когда Ян не смог быстро сформулировать ответ – с одной стороны, ему не хотелось огорчать Алёну, но, с другой, на подобные вопросы лучше сразу говорить правду, чтоб не юлить потом всю оставшуюся жизнь.

– Конечно, не верю.

– А Кирилл?

– ...Я верю! – воскликнул тот, – это ведь он спровадил в командировку Костю Орехова, отменил автобус, чтоб на такси мы успели вернуться; он забрал к себе бабку с козой!..

Ян скептически взглянул на восторженного «брата».

– Чёрт его знает, того Кирилла. Мутный он какой-то.

Нагромождение разнокалиберных высоток становилось все ближе, и Алёна сменила тему:

– Давай заедем к Сан Санычу – тут по дороге, а потом кину тебя, куда скажешь. Извини уж, но мне надо хоть марафет навести, а то сегодня шеф возвращается; наверняка будет собирать всех.

– Чуть не забыл! – Ян с радостью вернулся к знакомой реальности, – координаты-то оставь, а то куда я статью сброшу?

– Легко, – Алёна протянула визитку, – а ты свои?

– А надо? Всё равно ж звонить не будешь.

– Кто знает?.. Хотя не хочешь – как хочешь, – Алёна свернула во двор и остановилась, – тут у нас живёт Сан Саныч.

– Пошли вместе, а то сейчас объяснять ему, кто я, да откуда, – выйдя из машины, Ян оглядел уродливо опиленные деревья, ржавые качели и мусорные контейнеры, от которых тянуло гнилью. ...Явно не Радчино. Лучше б, правда, жил там какой-нибудь Водяной, чтоб охранять такое место... а, может, он там и живёт, иначе откуда б Вася взял пули?.. А, может, тогда и Бог есть? Кто-то ж веками вытаскивает эту страну из крови и безумия. Одни люди вряд ли способны на такое... Блин, что-то совсем эта Алёна задурила мне голову – так не долго скатиться на один уровень с моим отморозенным «братцем». Колодин, твою мать!.. Хотя, похоже, все они тут Колодины – всем нужен какой-то Бог... блин, а ведь в этом «колодизме» и

есть загадка грёбаной русской души! А надо просто тупо работать – тогда все неразрешимые загадки как рукой снимет!..

Они уже поднялись на третий этаж, и Алёна позвонила.

Открыл Сан Саныч быстро, но в квартиру не пригласил. Ян, правда, успел увидеть трёх пацанов с визгами бесившихся на диване; растрепанную женщину, безуспешно звавшую их к столу с дымящимися тарелками; из другой комнаты слышался мужской голос, возмущавшийся не выглаженной рубашкой. Это походило на сцену из плохой комедии, и сам маленький лысый хозяин в линиялой футболке прекрасно вписывался в неё.

Яну он молча пожал руку, а у Алёны поинтересовался, как поживает отец, и протянул раритетную папку с завязками. На том аудиенция закончилась, так как из комнаты заорали, что «его бешеные внуки ничего не жрут», и дед поспешил на помощь, по ходу цепляя на круглое добродушное лицо маску строгости.

– Хочешь такую жизнь? – спросил Ян, спускаясь вниз.

– Пока нет, – Алёна уверенно покачала головой, – но когда-нибудь придется. Не троих, конечно... или ты другого мнения?

Ян обернулся к «брату», но тот растерянно молчал.

– ...Ссышь, когда страшно? – Ян усмехнулся и ответил сам:

– А чего, многовато? Тебе ж не придется кувыркаться с кашами – на то имеются специально обученные люди; и рубашки гладить не придётся...

– Лучше б ты так не говорил, – Алёна уселась за руль.

– Почему?

– А я теперь буду долго думать и неизвестно, к чему приду.

– Ну, думай, – Ян захлопнул дверцу, и машина аккуратно выехала из двора.

Наверное, Алёна восприняла совет буквально, потому что до самой гостиницы они ехали молча; да и там она не стала выходить, а дождавшись, пока Ян сам подойдёт к водительской двери, опустила стекло.

– Поезд у тебя во сколько?

– Не заморачивайся, – Ян махнул рукой, – как в народе говорят? Долгие проводы – лишние слезы, да?

– Типа того. Ну, тогда пока. Пиши, звони.

Стекло поднялось, а еще через минуту машина аккуратно втиснулась в поток и затерялась среди таких же безликих железных коробок. Ян оглянулся на «брата» и усмехнулся.

– ...И чего ты вылупился? Говори!

– Ты – идиот! Что ты собираешься делать дальше?

– Я собираюсь заняться Радчино – надо глянуть бумаги, пока не уехал, а то потом этого Сан Саныча с собаками не найдёшь; дальше начну лепить репортаж – основную работу ж тоже никто не отменял...

– Ты о чём?! – вспыхнул Кирилл, – какое Радчино? Какой репортаж? Ты понимаешь, что так не расстанутся с самой прекрасной девушкой на свете! Звони ей сейчас же!

– Да пошёл ты! – огрызнулся Ян, – у меня работы выше крыши! Хочешь, сам звони.

– Я? Ты мне доверяешь?..

– Доверяю – не доверяю... Тебе всё равно делать нечего! Чем вот ты занимаешься, пока я деньги зарабатываю?

– Ну...

– Хрен гну! Только жрёшь, спишь и портишь мне нервы! Хоть раз сделай сам что-то реальное, а меня не доставай!

– Ладно, – Кирилл неуверенно достал мобильник, – а можно я скажу, что люблю её?

– Да говори, что хочешь! Чёрт с тобой!

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШУВАЛОВА
(ПЕТРОВСКАЯ)

Татьяна Григорьевна Шувалова (Петровская) – родилась 7 декабря 1961 г. на Украине в с. Миляноичи Турийского района Волынской области. До 7 класса обучалась в украинской национальной средней школе. Мать – русская, отец – украинец. Замужем, имеет двоих взрослых сыновей. Автор трёх поэтических сборников. Есть публикации в поэтических альманахах «Звезда полей» и «Золотая строфа» (Москва). Лауреат и неоднократный победитель областных и международных поэтических конкурсов.

Живёт во Владимире.

Песня багряная нашей любви

Багряный закат

Осени поздней багряный закат –
«Это к морозцу», – всегда говорят.
Кисть для узорного взявши письма,
В гости тихонько крадётся зима.
Будто оранжево-красный коралл
Листик последний под ноги упал,
Тщетно искал он приюта, тепла
В тех теремах, что сгорели дотла,
Нам же казалось дней вешних милей
Это безмолвье ноябрьских аллей.
Огненный будто сияя агат,
Счастье сулил нам багряный закат.
О, мудрая осень, благодарю
За ту вечернюю чудо-зарю,
Что сотворила, как Спас на Крови,
Песню багряную нашей любви.

В лоне благодати

Поспешу к заутренней
К Богу на поклон,
Шепчет голос внутренний:
«Милостивый Он».
В лоне благодати
Кроток Божий люд,
И светло, и свято
Певчие поют.

К Божьему чертогу
Прост и сложен путь,
В нём живого Бога
Естество и суть.
Кротость и смиренность –
Вышнего Покров,
Это искупление
Всех земных грехов.
Всё Господь дарует,
Верь лишь и молись,
Лишь к нему не всуе
Сердцем вознесись.
Господи, помилуй!
Только возопи:
Он наполнит силой –
Силою Любви!
И вновь воссияет,
Воспоёт душа,
Сердце вновь познает,
Жизнь как хороша!

Вдохновение

Вдохновенье моё, вдохновение,
Ты, как ветерка дуновение,
Кружа перышком лёгким около,
Будишь чувства души высокие.

Встреч с тобою, моё вдохновение,
Я жду, будто пору весеннюю,
Словно пахоты и сева – поле,
Мысли-узники рвутся на волю.

Прилетай же ко мне, вдохновение,
Милым ангелом, добрым гением,
Без тебя – моя жизнь убогая,
А с тобою – будто у Бога я.

Владимирская Русь

Моя Владимирская Русь!
Моя земля, земля святая,
Тебе в любви я признаюсь,
О, неразгаданная тайна!

Твои просторы песней вольной
Волнуют, за сердце берут,
Душою щедрой, хлебосольной
Слывёшь, Владимирская Русь!

И белоснежных храмов вязь,
И куполов золотых сиянье –
Родник живой, живая связь
Твоей души и мирозданья.

Святою Верою светла ты,
Свой крест ты с ней несёшь, о да!
Она тебе сквозь все преграды –
Как путеводная звезда.

Твоей красотой не налюбуюсь,
Твоею благостью горжусь,
Душою всей тебя люблю я,
Моя Владимирская Русь!

Жизнь удивительно прекрасна

Жизнь удивительно прекрасна,
Когда ты сам в ней молодец,
Ведь, говорят же не напрасно,
Своей ты жизни сам кузнец.

Прекрасна жизнь, когда ты любишь,
Когда есть в сердце доброта,
А закрадётся в сердце грубость,
Не жизнь тогда – а маета.

Коль ты в душе своей ребёнок,
То в небесах её нет туч,
И, как ручей твой голос звонок,
И взор твой ясен, будто луч.

Порой достаточно для счастья,
Чтоб вдруг повеяло весной,
Лишь только доброго участия,
Улыбки дружеской простой.

Жизнь удивительно прекрасна,
Когда ты любишь и поёшь,
И даже в серый день ненастный
Зонта не надо и калош.

Ведь высыхают сразу лужи
Под взором солнечным твоим,
Весь мир тогда с тобою дружит,
Когда ты счастлив и любим.

Нежный любви первоцвет

Пела синичка на веточке вербы
Песню весенним лучам,
И улыбались проталинки первые,
Звонко ручьями журча.
И нарядиться спешили подснежники
К первому балу цветов,
А твои взоры лучистые, нежные,
В сердце будили Любовь.
И все сомнения таяли ложные
В пламени жарком крови,
И восклицало сердце: «О, Боже мой!
Боже мой, благослови!»
Благослови и синичку, и вербу,
Этот чарующий свет,
Благослови на проталинке сердца
Нежный любви первоцвет.

России солнечный цветок

Влечёт нас русское раздолье
Красой простою без затей,
Невесты – как ромашки в поле,
Пьянят невинностью своей.

Припев:

Ах, краса ромашка – глаз очарованье,
Нежности живительный глоток,
Ты – небес высоких дивное сиянье,
Ты – России солнечный цветок.

Боготворим душой невольно
Мы эти скромные цветы,
В цветущем ромашковом поле –
Родник небесной чистоты.

Ромашка – ангел белокрылый,
Любви неся нетленный свет,
Улыбкою своею милой
Сердца пленяет с детских лет.

И потому семейный праздник
Её теплом навек согрет,
Ромашки лик таит прекрасный
Любви и верности секрет.

Евгения Шарова – родилась 23 марта 1973 г. в Москве. Долгое время писала «в стол», а с 2006 г. начала публиковать свои стихотворения в интернете под псевдонимом «Евгения Ренар» (с апреля 2013 г. – под собственной фамилией). С октября 2012 г. состоит в лобненском литературном объединении «Ладога», а с марта 2013 г. – в литературной студии «Глагол». Публиковалась в коллективных поэтических сборниках и альманахах. В марте 2013 г. вышел в свет собственный сборник стихов «Воздух поэзии». На несколько стихотворений написаны песни.

Живёт в Лобне

«Хочу принадлежать к понявшим жизнь...»

Воздух поэзии

В ночной прохладе, в шорохе листвы,
Боясь спугнуть нечаянным движеньем,
На площадях Есенинской Москвы
Ищу надежду, счастье, вдохновенье.

Москва щедра на россыпь новых рифм.
Они, как искры, обжигая, светят.
Я – странник, я – искатель, пилигрим!
Я кровь Квассира пью, вдыхаю ветер.

Мелькают тени в лунном дефиле,
И россыпь звёзд дождём на мир прольётся,
А на вопрос: «Зачем мы на земле?»
Лишь только эхо гулко отзовется.

Застынет воздух в ожиданье дня,
Ещё секунда, и развеет ветром
Всё, что к утру осталось от меня,
Но я вернусь, возможно, за ответом...

Хочу принадлежать к понявшим...

Хочу принадлежать к понявшим жизнь.
Зачем мы здесь? Куда душе стремиться?
О чём мечтать? Чему ещё учиться?
Хочу принадлежать к понявшим жизнь!

Хочу принадлежать к понявшим смерть.
 Что ждёт нас за порогом, за чертою?
 Как встретят там: сияньем или тьмою?
 Хочу принадлежать к понявшим смерть!

Хочу принадлежать к понявшим мир.
 Откуда мы, и чьей подвластны воле?
 И кем для нас расписаны все роли?
 Хочу принадлежать к понявшим мир!

Не бойтесь говорить: «Люблю!»

Не бойтесь говорить: «Люблю!»,
 Тем, кто вам дорог бесконечно!
 Ведь в этом мире мы не вечны –
 Всегда на грани, на краю...

Себя не бойтесь потерять,
 Даря восторженность улыбок!
 И незначительность ошибок
 Учитесь искренне прощать!

И пусть в душе не гаснет свет,
 И пусть в любви мы безоружны,
 Но счастья быть кому-то нужным –
 Важнее в нашей жизни нет!

В вихре осени золотой...

В вихре осени золотой
 Догорает закат свечой.
 Я кленовою пятернёй
 Тихо трону твоё плечо...

Я снежинкой в ладонь твою
 Опускаюсь, не боясь огня,
 Лишь бы в облаке белых выюг
 Ты увидел, узнал меня...

Я с небес упаду звездой,
 И покинув свой дивный край
 Стану сбывшеюся мечтой,
 Лишь желание загадай...

Почувствуй!

В небытие уходит день вчерашний,
 И новый день начнёт отсчёт с нуля.
 Усталой птицей вновь летит Земля
 Сквозь прах минувших лет в миг настоящий.

Ты насладись величием Вселенной,
 Почувствуй пульс, биение времён,
 Придумай счастьем множество имён,
 И с трепетом замри над звёздной бездной!

Эхо чужих шагов

Гулкое эхо чужих шагов... правила странной чужой игры...
 На перекрёстках других миров, как наважденье горят костры...
 Но не согреешь озябших рук призрачным светом забытых снов.
 Отблески пламени – ведьмин круг – не ускользнуть из его оков...

Не торопись загасить огонь... слышишь – в долине звенят мечи...
 Твёрдо легла рукоять в ладонь... предназначенье своё ищи...
 Бейся за вечное право – жить, ярко гореть, а не тлеть свечой.
 Бейся, не бойся – тебя хранит ангел за правым твоим плечом.

Цветом багряным горит восток... мороки ночи навек забудь...
 Видишь сплетение ста дорог – выбери свой, самый верный путь!

Простит ли нас Земля...

В нас нет уже давно ни совести, ни страха,
 Мы в алчности своей страшнее всех зверей!
 Мне кажется Земля, встряхнувшись, как собака,
 Смахнёт однажды нас с поверхности своей...

И разлетимся мы, как капли, по Вселенной.
 Возможно, кто-нибудь другой приют найдёт...
 Сомнения гнетут, что все попытки тщетны:
 Таких, как мы сейчас – никто нигде не ждёт.

Ведь кто, по сути, мы – молекулярный хаос,
 Но разума зерно в нас вложено Творцом.
 Попробуем сберечь хоть то, что нам досталось
 От тех, кто жил до нас – от дедов и отцов.

Зачем сидеть и ждать каких-то катаклизмов –
 Помочь самим себе и что-то изменить
 Мы сможем лишь тогда, когда свою жизнью
 Прощение Земли сумеем заслужить!

Не волшебница, но...

Я сбываю мечты по довольно умеренным ценам –
За душевность улыбок и радостный блеск ваших глаз.
И всем сердцем за то, чтобы люди не строили стены
Из отточено колких в своём равнодушии фраз.

Я стираю как пыль безразличие, злобу и зависть,
Счастья хрупкий росток защищаю от яростных гроз...
В моих силах не всё, но, поверьте, я честно стараюсь,
Чтобы в мире большом стало меньше прощаний и слёз.

Я совсем не волшебница... просто душою поэта
Я пишу о любви и о том, что волнует меня...
Может быть, мне удастся добавить немножечко цвета
В монотонность палитры обычного серого дня.

Тень...

Тень от крыльев легла на притихший от ужаса город
Где-то там, за невидимой гранью, архангел трубит.
Суетимся, пытаюсь найти хоть какой-нибудь повод
Избежать общей участи, тщетно взываем к любви...

Мы уже на краю бесконечной разверзшейся бездны –
От падения вниз отделяет лишь пара шагов...
В этот миг бесполезны регалии, слава, известность,
И поддержка друзей, и бессильная злоба врагов.

Мир сгорает дотла, чтоб из пепла опять возродиться.
Наносное, пустое волною огня отсечёт...
Остаётся надежда, что нам суждено повториться...
Может быть... А пока – начинается новый отсчёт.

А всего-то и надо...

А всего-то и надо –
смотреть на любимый профиль,
И богам молиться,
чтобы так продолжалось вечно...
Растворяется время
сахаром в чёрном кофе...
Умножается счастье
в степени – бесконечность...

А всего-то и надо –
считать до рассвета звёзды,
И созвездий новых
очерчивая границы,
Вдруг понять, что счастье
и близко, и очень просто –
Нужно только сказке
позволить однажды сбыться!

Детство

Этот маршрут не отмечен на контурной карте,
Нет ни подсказок, ни самых счастливых примет.
И не доехать никак – ни в купе, ни в плацкарте...
Впрочем, туда и не купишь обратный билет!

Детство... «Секретик», зарытый под старой берёзой –
Бусина, фантик, цветочек, осколок стекла...
Смех и веселье... А самые горькие слёзы
Лишь оттого, что бабуля домой позвала –

«Женя! Обедать!» – весомее нет аргумента!
А во дворе без меня продолжают играть...
Самое яркое и бесшабашное лето
Мне не забыть, но, увы, не вернуть, не догнать...

Детство... Нотации мамы про тёплую шапку,
Ту, что у школы снимаешь и прячешь в портфель...
Фотоальбом, и с рисунками старая папка –
Словно в минувшее приоткрывается дверь...

Мы то грустим, то, порой, беззаботно смеёмся,
То ускоряемся, то никуда не спешим...
Детство... оно не уходит, оно – остаётся
Где-то на самой окраине нашей души.

Жара

Снова лето. Снова отпуск. Снова жара, от которой мозги плавятся. Снова я сижу в своём углу – за столом между холодильником и окном – читаю. Это единственное развлечение, которое я могу себе позволить с тех пор, как стала невыездной. Да, невыездная я, невыездная по независящим от меня причинам, вернее сказать, семейным обстоятельствам. Зимой-то осознание этого не причиняет боли, а вот весной и летом – жуть. А в жару-то вообще – так жить невыносимо. Единственное спасение для меня мой угол. Кстати, ни для кого не секрет, что у каждого человека должен быть этот самый угол, где бы человек мог отсидеться, прийти в себя от жизненных перипетий, зализать раны или, как в моем случае, наоборот. Вероятно, жара действует. Плюс тридцать два градуса для нашей полосы – это слишком – организм не справляется даже в тени, даже около открытого окошка, даже в моём углу. Нормальному ходу мыслей не помогает ни кофе, ни чай, ни книга. Жаль, невероятно жаль себя... Почему так всё у меня, за что мне это? Другие вон с ранней весны до поздней осени общаются с природой, дышат свежим воздухом, любят цветы, деревьями – живут, одним словом. А я? Хоть пропади – четыре стены, и всё тут. Остаётся только сидеть в моём углу и представлять, как хорошо на даче, особенно по вечерам – тихо, тихо, ни одна травинка не колыхнется, воздух густой, пряный, настоящий на запахе флоксов, ночной фиалки и душистого табака. Так и сидеть бы всю ночь напролёт под окном, в дом заходить не хочется. Или же – дикий берег моря. Раннее утро. Солнце ещё еле-еле, как-то нехотя, выползает из-за горизонта. Бледно-розовая дорожка, его посланница, широкой искрящейся лентой расстилаясь на водной глади, быстро достигает берега – так бы и пробежаться по ней навстречу солнышку. Свежо. Запах моря, улавливаясь обонятельными рецепторами, попадает в нос, а через него уже распространяется по всему организму, наполняя каждую его клеточку невероятной лёгкостью – ещё

Алла Александровна Синьковская – живёт в Подмосковье.

минута, и ведь взлетишь как чайка и, паря над морем в свободном полёте, от избытка чувств захочешь пропеть гимн жизни: «...Кар! Кар! Кар!..» здравствуйте!.. прилетели. С приземлением!

– Ну, почему, почему именно у меня так? Почему кто-то может себе позволить Мальдивы, Канары, Кипр и всякое-всякое прочее? А я? Да что говорить-то!?

За стеной спит, мирно посапывая, иногда похрапывая и старчески побряхтывая, мой жизненный ограничитель. Я представляю его закрытые глаза, открытый провалившийся рот (вставная челюсть в коробке), и мне становится невероятно жаль себя, до слёз. Ну почему, ну почему мама там, муж там, а я здесь с этим открытым беззубым ртом, невыездная? Я плачу тихо, чтоб не разбудить его, и вдруг... похрапывание и постанывание прекращаются – тишина... мёртвая тишина... надо вскочить, бежать туда, в комнату, может быть, ему нужна помощь, а я словно одереveneваю – а, вдруг, уже ничем нельзя помочь? Меня начинает бить озноб. Теперь я не войду туда даже под дулом пистолета – страшно, страшно. Как дотронуться до него? Вдруг он уже не проснётся – шевели не шевели, трясина не трясина – жуткий, не укладывающийся в голове переход от жизни к смерти... и что мне тогда делать? Куда звонить, кого звать? Похороны, поминки, вся жизнь опять вверх тормашками. И я останусь совсем одна – просто жутко и страшно. А в комнате тишина, мёртвая тишина... вот, догневилась Бога. Что же теперь делать? Сердце стучит как бешеное где-то в горле, руки трясутся. Я рыдаю в голос, уже не сомневаясь, что там, в той комнате произошло самое жуткое из того, что может произойти.

– Дочь! Ты что!? – в дверях кухни, как джин из бутылки, появляется заспанная, всклоченная, какая-то ошарашенная «причина» моей невыездности. Слёзы застывают у меня на щеках. Я готова кричать от радости, но, судорожно сглатывая нервный комок, тихо-тихо говорю: «Извини, пап, я тебя разбудила – книга очень... Иди ложись, досыпай».

У меня всё как-то обмякает внутри, я счастлива, невероятно счастлива!

Пусть всё идёт, как идёт, ну её, эту выездность. Главное, что родной человек жив, главное, что он рядом, и не надо впредь гневить Бога!

Мечта

Мне говорят, пиши о весёлом, радостном... радостно и весело пиши. Не огорчай читателя, береги его! Он же, бедный, и так жизнью загнан в угол. Ему, бедному, необходимо приободриться, наполниться оптимизмом, верой в себя и своё светлое будущее. Так что огорчаться из-за кого-то ему совсем ни к чему. Зачем ему чужие проблемы?! Со своими бы разобраться – жалеем мы себя, любимых, ох, как жалеем. И от этой самой жалости постепенно застываем душой – никакого тебе сочувствия другим, никакого сопереживания. Лишь только бы нам было хорошо и спокойно, лишь бы наша душа блаженно почивала.

Эх, если бы я была настоящим писателем, я бы ни в коем случае не допустила бы этого! Я бы не стала беречь читателя, я бы заставила его ум и душу работать. Сказано же поэтом: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день

и ночь...» Ведь цель литературы и искусства в чём? Я думаю, не только в развлечении и увеселении человека, но и в пробуждении его сознания. Согласна, хотелось бы, конечно, очень хотелось бы, чтобы радостных, так сказать, позитивных аспектов в жизни было побольше, но, если есть в жизни негатив и никуда от него не деться, так, что же, закрывать на него глаза или, как страус, прятать голову в песок? От этого же негатив не исчезнет, надо же с ним как-то бороться, хотя бы в своей душе...

Эх, если бы я была настоящим писателем, я бы вывернула всю душу читателя наизнанку: сначала всколыхнула бы, взбудоражила её, заставив захолодеть на грани всеобъемлющего мучительного восторга, а потом, а потом... ох, и дала бы я читателю «прикурить» – он у меня обрыдался бы весь, читатель. А пусть бы, пусть бы поплакал! и сквозь призму своих очищающих душу слёз посмотрел бы, может быть, на мир добрыми, во всю свою ширь открытыми глазами... в этом случае моя цель – одна из главных целей искусства и литературы – очищение души и её просветление – была бы достигнута.

Эх, если бы я была настоящим писателем... но, вероятно, очень хорошо, что я не стала и никогда не стану им, ибо читатель очень слаб, раним и беззащитен, а, главное, он не хочет, чтобы кто-то насиловал его душу, даже, если и с пользой для неё...

ЮБИЛЕИ

Анатолий УВАРОВ

Анатолий Васильевич Уваров – родился 3 апреля 1928 г. в селе Кезьмино Сурского района Ульяновской области. Полковник в отставке. Ветеран Великой Отечественной войны, Вооружённых сил СССР, Атомной энергетики и промышленности Российской Федерации. Член Союза писателей России. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями «За воинскую доблесть», «За трудовое отличие», Золотой Есенинской медалью и многими другими правительственными и ведомственными наградами. Автор книг стихов и прозы «Кезьминское поле» (2003), «С Отчизной сердце моё слилось» (2008), «Годы – вехи» (2011).

Живёт в Москве.

Осенние мотивы

Золотая осень

Какие краски расплескала осень,
Какой раскинула ковёр,
Какая удивительная просинь
Ласкает плечи милых гор!
Какими бликами просвечен
Весь подрумянившийся лес,
Его листочки словно свечи
Горят под куполом небес!

Каким багрянцем полыхает
Родная ширь из края в край!
Какое золото, сверкая,
На землю льётся через край!

Какою дорогой наградой
Округа вся награждена:
Она, как будто на параде, –
Стоит в медалях, орденах!

Какое радостное чувство
В тот миг испытываешь ты
От первозданного искусства
И первозданной красоты!

Как хорошо, что нам природой
Такие дни отведены:
Они, как праздники народа,
На радость людям рождены.

Чудная пора

У осени есть чудная пора –
Пора янтарно-золотого цвета,
Когда над миром с самого утра
Сиянье солнечного света.

У осени есть чудная пора –
Пора содружества её и лета,
Когда не зноем – нежностью тепла
Земля уставшая согрета.

У осени есть чудная пора –
Пора согласия, гармонии, совета,
Когда так много ласки и добра
Дарит всему планета.

У осени есть чудная пора –
Пора её прощального обета,
Когда она щедра, добра
И в праздничный наряд одета.

У осени есть чудная пора –
Пора своих художников, поэтов,
Когда природа – вечности сестра –
Сама собой воспета.

В подмосковном лесу

Кузнецову В.Ф.

В сентябре я ухожу
В подмосковный лес,
Там утешенье нахожу
И множество чудес:

Вот раздумянившийся клён
В одежде золотой,
Я восхищен им и пленён
Багряной красотой.

Вот вековечная сосна,
К которой устремлюсь:
Мне душу радует она,
Когда с ней обнимусь.

Вот изумрудная берёзка
Меняет цвет –
На золотой, в полоску, –
Красивей её нет.

Вот красногрудая калина
Маячит у ручья,
На взгорье – красная рябина,
Любуюсь ими я.

Вот, на поваленной берёзе
Семья опять,
Лисички в горделивой позе –
Все в кузовок хотят...

Там, под охраною небесной, –
Тишина, покой...
Подмосковный лес чудесный –
Мне родной!

Сентябрьский лес

Сентябрьский лес задумчив, молчалив
И не шумит листвой, как летом,
Но он по-прежнему могуч, красив,
Пронизан весь янтарным светом.

Он в праздничной одежде дорогой,
Но пуговицы её все расстегнуты:
Одно небрежное движение рукой –
Ковром спадёт за полминуты.

Сентябрьский лес в отливе золотом
И в солнечных багряных бликах...
Но от него уж веет холодком,
Он полон дум – таинственных, великих.

Он ждёт декабрьский первый снеговой,
Январские крещенские морозы
И озабочен, как укрыть теплей
Дубы и ели, сосны и берёзы.

Сентябрьский лес, тревогу затая,
Мне свой привет прощальный посылает,
Его красу лишь через год увижу я,
О чём грущу, скорблю, переживаю.

Прощальный танец

Жёлтых листьев хоровод
По земле игриво кружит:
То взовьётся, то замрёт,
То тропиночку утюжит...

Пляске – нервной, торопливой –
Вторят ветер и кусты:
Ветер – песней сиротливой,
Кусты – шлёмфами листвы.

Это свой прощальный танец
Осень поздняя свершает,
Нынче есть ещё румянец,
Через день – уже не станет.

Через день, в смиренной грусти,
Безразличная к всему,
Осень всё же к себе впустит
Нежеланную зиму...

Унылые поля

Жёсткою и колкою травой
Встретили унылые поля,
Нет уж жаворонка надо мною,
Да и сам не весел нынче я.

Не блестят июньским изумрудом
Тусклые, пожухлые луга,
Тонкая берёзонька над прудом,
Как девчонка юная, – нага.

Да и клён развесистый, небрежно
Сбросил наземь праздничный наряд
И стоит угрюмый и мятежный,
И визиту моему не рад.

Не сверкают золотым закатом
Небеса в родном краю,
Я пред ними, словно виноватый,
Опустил головушку свою...

Тревожные думы

Опустели рощи,
Пожелтели нивы,
Злой норд-ост полощет
Камыш сиротливый.

Сумрачные тучи
Опустились низко,
Дождь идёт колючий –
Далеко и близко.

Слякоть на дорогах –
Ни идти, ни ехать,
На полях и в логах
Ни песен, ни смеха.

Мокрота и сырость
Землю всю объяли –
Слёзы и унылость
Всюду расплескали.

Тревожные думы
Навевает ветер,
Серы и угрюмы
Каждый день и вечер.

Сердце не приемлет
Этот вид убогий,
Видимо на землю
Рассердились боги...

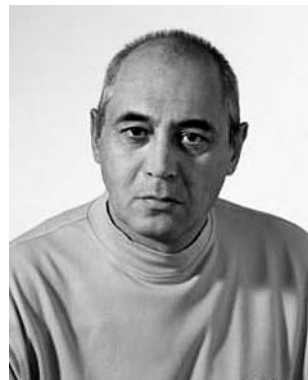

Не оглядывайся назад

1

За окном плотно загустевали вечерние сумерки. Ещё совсем немного, и все дома, деревья растворятся в чернильной темноте. Андрей стоял возле кухонного окна и с некоторым любопытством разглядывал одиноких прохожих, которые возникали, чтобы через несколько коротких минут исчезнуть из виду. Близкая осенняя ночная мгла поторапливала их поскорее добраться до своего дома. Мужчина в короткой брезентовой серой куртке шёл, быстро перебирая ногами. Ему видимо было холодно. Он втянул шею в поднятый воротник, пытаясь спрятать лицо от порывистого холодного ветра, дующего из-за угла соседнего дома. Свет из комнаты падал на асфальтовую дорожку. Под окном в большой тёмной луже плавали жёлтые листья тополя. Андрей увидел высокую, худощавую женщину, которая одной рукой в тёмной перчатке пыталась придержать широкополю шляпу, а в другой несла сетчатую авоську с продуктами. Северный ветер шально налетел, сдул несколько тополиных листьев, хлопнул входной подъездной дверью и сорвал с головы женщины шляпу. Подхваченная ветром, она взлетела немного вверх и исчезла в темноте. Женщина растерянно остановилась, ища глазами свою шляпу, и устало пошла в ту сторону, куда её унёс ветер. Вдоль асфальтовой дорожки росли старые тополя. Голые, с глубокими бороздами и обрезанными ветками стволы выглядели уродливо. Тёмные пятна с наростами выдавали деревья: они, как и люди, тоже болели. В душу Андрея смутно закралась сердечная печаль-тоска. Вчера после работы он сразу направился к своей подруге Светке. Преодолев в одно дыхание истёртые ногами и отбитые частыми переездами ступени, оказался возле её двери. На узковатой лестничной площадке возле каждого порога лежали, как отметина, небольшие, сотканые из разноцветного тряпья коврики. Уверенно ткнул пальцем в белую кнопку звонка.

Александр Шарифович Абдулаев – родился 6 октября 1955 г. в Душанбе. Учился в средней школе №4. Проходил службу в спецподразделении внутренних войск МВД СССР (г. Ленинград). Окончил: в 1983 г. Чайковский политехникум лёгкой промышленности, в 1991 г. Университет марксизма-ленинизма (факультет риторики) Пермского обкома партии. Добровольно в 1986 г. поехал на ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской атомной станции. Отработал в радиоактивной Зоне сентябрь-ноябрь. В 1991 г. стал бронзовым призёром на неофициальном чемпионате СССР по кюкушинкай – каратэ. Живёт в Чайковском.

За дверью, обитой серовой клеёнкой, послышались торопливые шаги, зашебаршили ключом в замке. Дверь распахнулась – в проёме стояла и выразительно смотрела его подруга. На просветлённом лице сияла нескрываемая улыбка. Света в своём душевном порыве прищурила глаза, так она всегда делала, когда у неё было мажорное настроение.

– Сейчас выйду, минутку подожди. И уже, перед тем как прикрыть дверь, заговорчески прошептала: – Сегодня у меня дома предки.

Она затворила за собой дверь, и вся площадка снова погрузилась в египетскую темноту. В подъезде пахло застоялой кошачьей мочой и чем-то острым, отчего хотелось чихать. Дом, построенный ещё при царе Горохе, состарился и покосился немного в сторону. С годами менялись жильцы, но дух постоянной затхлости и запустенья с примесью кошачьих испражнений не исчезал.

Андрея такая ситуация не очень устраивала: она нарушала их вечернюю встречу. Обычно, когда он к ней приходил, Света пропускала его сразу в квартиру. Сняв в прихожей одежду, он тихо прошмыгивал в её комнату. Родители у неё из простых ивановских крестьян. Отец, Ефрем Иванович с землёй-матушкой пуповиной не был связан, вот и поддался на уговоры вербовщиков, которые ездили по деревням и агитировали поехать в далёкий уральский край на прядильную фабрику. Деревенские сборы были недолгие. Покидал спешно в потёртый с помятыми углами фанерный чемоданчик свои пожитки и пошёл на ближайшую железнодорожную станцию, до которой было десять вёрст махать. Покружил по немереной в своих расстояниях стране, наконец-то добрался до небольшого городка, где на первое время снял с таким же бедолагой у полуглухой с выцветшими глазами старухи угол. И не имея пролетарского навыка, стоял переминаясь с ноги на ногу в кабинете у кадровички, пока она рассматривала его документы. На первое время пристроила его на полгода к слесарю пятого разряда в ученики. Так и обучился слесарному делу. Со своей будущей женой Зиной познакомился на работе. Долго присматривался к худенькой девушке с озорными глазами, которая работала ткачихой на фабрике. Набравшись смелости, Ефрем сделал ей предложение. Ожидая её на трескучем декабрьском морозе возле проходной, он в томительном напряжении от холода и нервной дрожи притоптывал ногами, обутыми в осенние ботинки. Народ выходил из здания проходной усталый и вереницей тянулся к автобусной остановке, поскрипывая недавно выпавшим снегом. Вечерние сумерки накрывали своим покрывалом всё вокруг, и очертания фабричных застроек стали растворяться в них. На небе слабо проклюнулись несколько блёклых звёздочек. Ещё немного – и станет совсем темно. Скучное фонарное освещение выхватывало лица людей. Ефрем всматривался старательно в лица, опасаясь пропустить Зину. Она появилась в коротком пальто, отороченным искусственным мехом. На голове синяя вязаная шапочка, натянутая до самых бровей. Увидев мёрзнувшего Ефрема, подошла к нему, сочувственно спросила:

– Наверное, совсем замёрз?

Вместо ответа он подхватил её под руку, и они дружно заторопились к остановке, где народ штурмовал двери автобуса. Подходя к общежитию, он обнял Зину за плечи и, притянув к себе, только прошептал мёрзлыми губами:

– Выходи за меня замуж!

Эти неожиданные слова обожгли Зинино сердце. Вспыхнув лицом, она крутанулась, освобождаясь от Ефремовых рук, быстро, не прощаясь, исчезла за дверью. Зина после этого потеряла покой, размышляла ровно неделю.

Ближе к вечеру Ефрем пришёл к ней в общежитие за ответом. Долго уговаривал вахтёршу пропустить на третий этаж, но она встала на его пути, расставив широко руки, словно хотела поймать его в невод.

– Не пущу... пропуск покажи.

Ефрем от досады только почесал затылок и отошёл от неё на безопасное расстояние. Хлопнув входной дверью, в просторный и гулкий общежитский вестибюль зашли две молодых женщины. Они о чём-то громко меж собой говорили, их весёлый говорок витал в пустом вестибюле. Вахтёрша, подболевшись, разговаривала по телефону, отвернувшись к большому, затянутому в морозные разводы окну. Она на короткое время потеряла бдительность, чем и воспользовался Ефрем. Шустро пристроился сбоку к женщинам и незаметно прошмыгнул дальше в узкий и длинный коридор, где слышались отдалённые голоса. Тяжело отдышавшись от быстрого бега по крутым ступеням, напряжённо стукнул кончиком указательного пальца в тонкую дверь. В тесноватой комнате молча сел за стол, стесняясь трёх Зининых соседок, которые с нескрываемым интересом посверлили его глазками и, накинув на плечи лёгкие плащички, разом брызнули в открытые двери, словно стайка мелких рыбёшек. Зина юлой крутилась по комнате, стараясь угодить своему гостю. Быстро поставила на стол чайник с помятым боком и чайные чашки. Из бумажного кулька сыпанула немного шоколадных конфет. Сидели молча друг против друга, и всматривалась пристально Зина в него, словно увидела в первый раз. Решала свою ситуацию по-бабьи: с кем ей придётся жить да детей наживать. Тогда она не подозревала, какой тяжёлый хомут на свою шею наденет. Порой не знаешь, что найдёшь, а что потеряешь в жизни. Неведомы наши пути...

2

Ближе к выходным Ефрем приходил домой с работы, как обычно, пьяным в дым. Пил с такими же работягами, как он сам. Употребляли, что придётся, не чурались порой тройного одеколона и аптекарского спиртового настоя из лечебных трав. В пятницу, когда часовая стрелка приближалась к трём часам, отправлялся ходок в ближайший магазин, а им как всегда оказывался субтильный паренёк Гриша. Он быстрой тенью проскальзывал сквозь проходную, где привычно восседала на стуле в дремотном состоянии вахтёр – тётенька в синей униформе, она только вздрагивала телом, разлепив сонные глаза, услышав его приближающиеся шаги. И устремлялся Гриша быстрым шагом в соседний, через дорогу, небольшой магазинчик, где шустрая на руку продавщица Валя могла продать в рабочее время и поллитровку «светленькой» из-под прилавка, а то если пребывала в хорошем расположении духа, и несколько пузырьков дефицитного тройного одеколона. Продавщица с порога оценивающе окинула взглядом возникшего в дверном проёме покупателя, из-за его спины виднелся небольшой синеватый клочок неба. В рабочей промаслённой спецовке и грубых ботинках из свиной кожи, сдёрнув с головы нелепое кепи, Гриша стоял в нерешительности, топчась на месте. На маленьком рябоватом личике промелькнуло подобие жалкой улыбки, было видно, что мнимое радушие даётся ему с большим трудом.

– Чего тебе? Опять, наверное, в долг будешь просить? – поводила Валя зеленоватыми кошачьими глазами из-под очков.

– Вот мужики попросили купить две бутылки водки.

– А не много будет? День только выстоялся, а вы уже готовы себе лужёные глотки залить, – незлобно отреагировала на его просьбу Валя. – Начальству вашему надо сказать, что за водкой бегаете вместо того, чтобы пятилетний план выполнять, – насмешливо перевела разговор в другое русло находчивая продавщица, она-то знала, что всегда останется с ежедневным наваром. Опытным взглядом безошибочно могла прикинуть, насколько обманет покупателя. Если старушка «божий одуванчик», с утра потоптавшись на грязноватом крыльце, заглянет за бутылкой молока и свежим батоном, то она её не обсчитает, знает, что та ещё с вечера отложила серебряную мелочь себе на пропитание. А когда мужики захаживали и теснились возле прилавка с красными лицами за очередной выпивкой, то они могли недосчитаться с бутылки рубль, а то и два. За годы стояния за магазинным прилавком она нажила себе варикозную болезнь ног и неплохо научилась распознавать человека по одежде, по выражению лица. А поначалу её жизнь крепко была за неимением. Пришла в торговлю ещё несмышлёнышем, а опытные товарки к очередной ревизии навешивали на неё всю магазинную неименитость. Однажды чуть дело до суда не дошло. Тогда спас её от пребывания в северных краях участковый Михаил Гаврилович Почкин. Валя его доброту запомнила на всю жизнь. А расплатилась с ним женской любовью. Когда акт ревизии передали в ОБХСС к следователю, то Валя, долго не думая, пригласила в гости к себе участкового в маленькую подслеповатую комнатку на первом этаже. Дом, в котором она снимала комнату, построили ещё в начале века. По длинным и сумеречным коридорам гуляли весь день детские голоса, и только к вечеру они стихали, а незванный шальной ветер забегал в полуоткрытую дверь и вольно гулял там. Перед приходом участкового Валя тщательно помыла крашеный пол, не поленилась выйти во двор и потрясти домотканые половики. Надела модное яркое платье с глубоким вырезом впереди, под него надела узковатый бюстгальтер так, что сдавленные и налитые соками груди пытались выскользнуть из него. Загодя купила трёхзвездочного коньяка «Самтрест», из магазина принесла несколько жёлто-зелёных лимонов и плитку шоколада «Алёнка». Участковый Михаил Гаврилович уверенно прошёл по коридору, обходя развешанные на верёвках разные постирушки. Остановился возле нужной ему двери, стряхнул невидимую пылинку с кителя и стукнул в дверь два раза. Не дождавшись ответа, толкнув её, прошёл грузной походкой, придирчиво оглядев комнатку. Убранство состояло из кровати с панцирной сеткой и никелированными душками, круглого стола, на котором уже была разложена нехитрая закуска, да старого комода, доставшегося от покойной матери.

– Да! Небогато ты живёшь, Валентина!

Хозяйка сразу нашлась что ответить.

– Откуда здесь богатству-то водиться! Помилуйте меня, Михаил Гаврилыч? Подвели меня эти торговки под монастырь. На глазах навернулись неподдельные слёзы.

– Ладно, не плачь, – ласково успокаивал участковый. – Решим твой вопрос. Есть там у меня знакомства: дальний родственник по жениной линии работает. Потом они пили коньяк из рюмок на толстой ножке, и под последние вечерние аккорды божественный напиток шёл на брудершафт.

– Сладкая ты женщина! – увещевал участковый, оторвавшись от Валентиновых губ.

Та в ответ улыбалась, и, сконфузившись от таких слов, стыдливо прятала глаза.

– Скажете тоже мне, Михаил Гаврилович! Обыкновенная я женщина. Таких как я много, просто не замечаете.

– Не скажи, не скажи, – частил участковый.

Потушив свет, Валентина, быстро сбросила с себя ненужные одежды и юркнула в холодную постель. В темноте участковый медленно разделся, аккуратно складывая свои вещи на стул с изогнутой спинкой, громоздясь большим телом в тесной комнате. Он лёг на скрипучую кровать, сетка под его весом провисла, чуть не задев пола. Горячие пахнущие коньяком губы Валентины ткнулись в его щёку, он повернулся на бок и с силой прижал к себе плотное молодое тело. Валентина, отдаваясь своим нахлынувшим чувствам, безвольно подалась к нему. Их губы в желании нашлись, унося в сладострастную телесную истому. Утром, когда за окном не было даже намёка на близкий рассвет, участковый тихо вышел в длинный коридор, где цепкие глаза соседок придирчиво оценили нового ухажёра продавщицы. Тайная личная жизнь каждого жильца вскоре становилась обсуждаемой явью для всех и каждого. Валентина, многие годы старательно копившая деньги на покупку новой кооперативной квартиры, останется обманутой, как и многие миллионы граждан некогда великой страны. Её призрачные мечты вырваться из мутного омуты жизненного дна разбились о суровые реалии иллюзорной партийной перестройки. Гайдаровские реформы, написанные под копирку западными либералами, вытряхнут из припрятанных заначек накопления и отбросят людей в нищенское существование на долгие годы. Нет ничего страшнее, чем жить в эпоху перемен, когда всё здоровое подменяется ложными посулами о сладкой жизни.

Доцатый, на скорую руку сколоченный барак с двумя террасами и изрезанными ножами скамейками видел на своём веку многое. Любовь, переходящую в нелепую и яростную ненависть. Шумные свадьбы и горькие разводы с криками и битьём посуды, да многое другое, без чего наша жизнь кажется неполной и пресной...

3

Некоторым людям можно посмотреть в лицо и не читать дальше жизненную биографию. Ефрем был мужичок невысокого росточка с худым туловищем и птичьей головой. На впалых щеках рыжела привычная недельная щетина. На жилистой шее из-под дрябловатой кожи выпирали синеватые вены. Когда он являлся домой, то всё затихало, и только настенные часы с кукушкой нарушали тишину. Ефрем после выпитого сомнительного алкоголя, становился порой неуправляемым. На худых чреслах до колен висели синие трусы, они придавали ему воинствующий вид. Его хриплый и надрывистый злой голос властвовал в квартире

– Зинка, ну-ка выйди! Посмотри, кого опять твоя дочь привела. Иди, милая, знакомься с новым женихом! Из угловой комнаты появлялась Светкина мать, Зинаида Григорьевна. Тяжело ступая больными ногами, она проходила в прихожую и устало ему выговаривала:

– Опять ты за своё! Чурбан ты неотёсанный. Да разве плохо, что женихи к твоей дочке ходят. Может, кто-то и замуж возьмёт. Нечего ей бегать по танцулькам и хвостом там вертеть. Она в негодовании взмахивала руками:

– Если бы я знала, за кого замуж выхожу! Дал мне Бог испытания. Ирод проклятый, жизни от тебя нет. Ефрем, не ожидая такого яростного напора, медленно затухал в своей воинственности, брёл на кухню и гремел там чайником на плите.

4

Со Светой Андрей познакомился полгода назад на танцах, которые проходили в местном островке культуры – ДК «Прогресс». Буфет на первом этаже плотно обступали и, кто побойчей, руками и локтями пробивали себе путь поближе к тётке Фае. Она стояла за прилавком, зорко всматриваясь в лица.

– Эй, отойди! Кому сказали? – густым голосом осаждала она мужчину с красным лицом и в расстёгнутой рубашке. Мужчина тянул руку к ней с зажатыми мятыми рублями. Буфетчица хватала его за руку и выворачивала её. Мужик взвинулся:

– Ты чего себе позволяешь?

– А ты не лезь без очереди, – привычно командовала она. И, окинув взглядом очередь, – кто следующий?

Все приходили в движение, очередь оживала. В буфете можно было купить немного водки и нехитрый бутерброд с селёдкой на закуску. На втором этаже танцевальный зал ярко освещался большими светильниками под самым потолком. Музыканты с длинными волосами в брюках клёш играли на электрогитарах ритмичную музыку. Ударник, рыжеватый парень в красной рубашке, закрыв глаза, покачиваясь из стороны в сторону, стучал палочками по барабанам. Изредка он подбрасывал их вверх и ловко ловил. Казалось, что он находится в экстазе.

В зал незаметно вошли трое дружинников с милиционером. Они прошли вдоль стенки, к которой прислонились люди, и, взглядываясь в лица, выискивая пьяных, важно вышли. На сцене появился невысокого роста усатый парень лет под тридцать. Чёрные крашенные волосы отдавали синевой. Короткий вельветовый пиджак с накладными карманами и узкие обтягивающие кожаные брюки придавали ему стилижный вид. Это был руководитель вокально-инструментального ансамбля «Дубравные молодцы» Семён Корочкин собственной персоной. О нём в городе складывались целые легенды. И основания к этому были. В его нетрудовой биографии имелись отметины о двух годах, проведённых за тунеядство в Соликамском лагере. Жил он один в небольшой темноватой квартире на первом этаже старого трёхэтажного дома. Окна выходили в небольшой дворик, затянутый неухоженным кустарником, где была детская игровая площадка. На ней стояли кривые металлические качели да песочница, куда приспособилась ходить по утрам справлять нужду кудрявая похожая на хозяйку болонка. Привычно сидевшие на облюбованной и обшарпанной лавочке возле подъезда бабушки-соседки, жалея его, причитали:

– Сеня! Брось ты эту музыку, не доведёт она тебя до добра. Всё по вечерам тренькаете на гитарах, да девок крашенных водите. Спать не даёте. Слава Богу, хоть твоя мать не дожила до такого сраму. Сеня, одумайся – доносилось до него, пока он вышагивал в кожаных штанах подалее от сердобольных старушек. Периодически к нему на огонёк заглядывала избранная молодёжь. В прихожей, раздеваясь, они гремели бутылками портвейна «три семёрки», выуживая их из карманов курток. Покинув тёмную и узкую прихожую, они видели странную картину. В прокуренной и заваленной разным музыкальным хламом комнате, на полу сидел с закрытыми глазами полураздетый Семён в позе лотоса и медитировал. Сначала он открыл один глаз, и некоторое время разглядывал незваных гостей, затем другой. Итогом он стал случайно, благодаря своему мятежному духу. В очередной поездке в Москву

купил случайно на привокзальной площади тощую книжицу об индийских йогох. Учение сразу пришлось по душе. Первое время неумело медитировал, пытаюсь сконцентрироваться на кончике своего носа. Жена, не понимая новой блажи мужа, уходила спать в другую комнату и на ночь запиралась на два оборота ключа. На всякие призывы она отвечала глухим молчанием. Семёну в тот момент хотелось выбить дверь ногой. Пытался разными посулами выманить жену, но она упорно не соглашалась и ставила условия: либо она, либо его дальнейшее занятие йогой. Тогда раздосадованный своими неудачами Семён решил окончательно вычеркнуть жену из своей творческой биографии. Найдя её паспорт в польской стенке, он на странице, где стоял лиловый штемпель городского ЗАГСа, от руки написал одно слово: «Свободна».

Своих случайных гостей он ошарашивал поверхностными и неглубокими познаниями индийской философии и связями с неземными зелёными чело-вечками. Один раз в неделю к Семёну навещался участковый, который садился на стул посередине комнаты и читал ему лекцию о вреде тунеядства.

– Да какой же я тунеядец? – ретиво не соглашался хозяин квартиры. Участковый только ухмылялся в пушистые усы: – Ну-ну, я тебя предупредил о последствиях. Почитай получше уголовный кодекс. Тебе решать, как дальше жить. На этом очередная профилактическая беседа заканчивалась, и участковый, поскрипывая начищенными сапогами, исчезал, чтобы появиться ровно через неделю.

Молодой человек, прислонившись к дверному косяку, прошептал таинственно в ухо своей подруге в джинсовом сарафане:

– Это Сеня занимается хатха-йогой.

– Чем...чем? – не поняла девушка, и у неё от удивления взметнулись на лоб брови.

– Да, индийской гимнастикой, это сейчас модно.

– А чо пришли? – тихо вопрошал потревоженный йог.

– Увидали свет в окне и решили тебя навестить.

Сеня, стирая с лица напускную задумчивость, предложил:

– Коль пришли, то на стол накрывайте, отметим это историческое событие. Бутылки с разноцветными этикетками водрузились на стол, и появилась нехитрая закуска. Колбаса, извлечённая из недр кухонного холодильника, сразу же была порезана на тонкие почти прозрачные кружки. Батон, хранившийся в эмалированной кастрюле, от долго пребывания там засох и им можно было забивать гвозди. После выпитого дешёвого вина девушка в джинсовом сарафане, захмелев, в упор стала рассматривать Сеню:

– Вы знаете индийскую философию? Как это интересно!

Не дожидаясь ответа, она тонкими и изящными пальцами поспешно достала из чёрной сумочки с длинными ручками сигареты «Camel».

– Дай и мне «старого Джо» подымить, – бесцеремонно попросил Сеня. Сигареты в страну завозили контрабандой, и шустрые фарцовщики втридорога перепродавали их. Девушка протянула ему пачку сигарет. Их руки на мгновение встретились, и по ним пробежала тонкая искорка влечения. Её блёклое лицо на мгновение вспыхнуло и пошло красными пятнами. Потом они пели песни под наигрыш гитары, и Настя читала стихи:

*Без Бахуса Венера зябнет
И смотрит в ночь.
Ей кажется: вот-вот*

*Возлюбленный раздвинет твёрдой рукой ночь
и мгла исчезнет,
И милый сердцу Бахус с кувшином доброго вина
Шагнёт в её покои...*

Соседи стуком по батарее отопления напомнили им про поздний час. За окном ночь пролила чёрную грусть. Дом напротив темнел оконными проёмами. Осень стучала по плохо закреплённому железному оконному сливу. Проводив гостей, Семён полулежал на старом и продавленном диване, задумчиво перебирал струны гитары, как вдруг услышал тихий стук в окно. В темноте высвечивалось бледное и взволнованное лицо Насти. По губам он только смог прочесть: «Открой». Любовный роман Семёна и Насти продлится около года. Молодой человек, с кем она пришла в тот злополучный вечер к музыканту, вскоре бросит учёбу в строительном институте и пойдёт служить в армию.

5

А совсем недавно Семён привёз из Москвы две белые гитары «Musima», которые сторговал за пятьсот рублей у одного барыги-музыканта в подземном переходе возле станции метро «Беговая». Он свысока посмотрел на пу-стующий танцевальный пятачок и покачал головой, его волосы под ярким светом отливали чёрно-синей гаммой.

– Что-то наши кони застоялись, а не пора ли нам поскакать? – обратился через спину к своим музыкантам. Те только радостно заулыбались и стали разбирать инструменты.

– Объявляется дамский танец, – прогудели динамики, и зал сразу ожил в движении поисков партнёров. Музыкант в мятых брюках и глухом, под самое горло синем свитере перекинул через плечо широкий ремень гитары «Ак-корд» ленинградской фабрики имени просветителя Луначарского. Пробежал небрежно длинными пальцами по грифу и запел надрывно фальцетом:

*Вот и всё: я тебя от себя отлучаю,
Вот и всё: я себя от тебя отучаю,
Отучаю от встреч, ровно в пять не встречаю,
Отучаю от плеч и от кос отучаю...*

К Андрею шла через весь зал девушка. Голубое приталенное платье из крепдешина плотно облегло полноватую фигуру. Широкий пояс с блестящей пряжкой дополнял её вечерний наряд. Голова слегка запрокинута назад, на лице выделялись припухлые губы, взгляд синеватых глаз выражал уверенность. Она сразу обратила на него внимание, как только он появился в танцзале. Высокий, по-юношески худощавый, с короткой стрижкой. Прямой нос, под которым едва заметна полоска усиков. Губы у Андрея слегка дрогнули, когда он увидел, как от противоположной стенке к нему идёт девушка.

– Вы танцуете?

У Андрея от неожиданности перехватило дыхание. Он, преодолевая стеснительность, смог выдавить из себя:

– Да, танцую.

– Тогда пойдём, потанцуем.

Девушка сразу перешла на «ты». Андрей шёл за ней на ватных ногах. В висках пульсировало сердце, словно оно выскочило из груди и переместилось в голову. Девушка уверенно положила его руку себе на талию, а другую,

потную от волнения, взяла в свою пухлую ладонь. Музыка плавала над головами, вовлекая всех в таинственный танец. Верхний свет притушили, и зал погрузился в полутьму. Девушка притянула Андрея к себе, обдав жарким дыханием, и он своей грудью прикоснулся к мягкой плоти.

– Ты проводишь меня домой? – голос девушки прозвучал в самое ухо. Тогда Андрею показалось, что неведомые химеры подхватили его, оторвали от пола, и он парит в воздухе. Так они вдвоём провели остаток вечера. Потолкавшись в людном гардеробе, где слышалось разноголосье, они вскоре оказались на грязной улице плохо освещённой уличными фонарями. Люди безмолвными тенями возникали из темноты и снова в ней растворялись.

– Вот мы и пришли, – Света остановилась возле брусчатого двухэтажного дома. – Дома все уже спят.

Она подняла голову, всматриваясь в окна своей квартиры, и ей показалось, что там мелькнул размытый женский силуэт.

– Мама, наверное, не спит. Меня поджидает. Будем прощаться, – протянула Света руку. Андрей совсем неожиданно для себя прижал её к себе. Она не сопротивлялась, только руками сдерживала его порыв. Андрей увидел белое лицо и неумело поцеловал в холодные сжатые губы.

– Зайдём в подъезд, а то нас может мама увидеть, – тихо проговорила Света и решительно шагнула в тёмный дверной провал. Там, жарко дыша ему в лицо, нашла его губы, впилась в них так, что стукнулись зубами. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, дав волю своим рукам. Празднику торжества молодых тел помешал шум открываемой двери.

– Ну вот, мама пошла меня искать.

Света отстранилась от растерянного Андрея и, запахивая на ходу пальто, стала подниматься по лестнице вверх. Домой он бежал, нет, даже летел, не замечая в темноте дождевых луж под ногами. В душе у него метался огонь ещё ни разу не изведанной радости. Так произошло их знакомство, которое длилось уже два месяца.

Андрей стоял на лестничной площадке, прогоняя от себя размычатые воспоминания. Из двери тихо на цыпочках вышла Света. На плечах у неё был накинут осенний плащик коричневого цвета, а под ним – короткий халатик с пояском.

– Как я соскучилась! Она обхватила двумя руками шею и притянула Андрея к себе. Он не сопротивлялся, отдаваясь вечерним обстоятельствам. В тот вечер они постояли, как обычно, в тёмном подъезде, жадно ловя мокрые губы друг друга. Света отзывалась на поцелуй, прижималась к нему всем телом. Сердце у Андрея заходило в радостном исступлении. Они целовались до тех пор, пока губы не занемели. Андрей отодвинулся от горячей Светки и спросил:

– Ты будешь ждать меня? В наступившем потом молчании он исподтишка разглядывал расплывчатое в темноте лицо девушки. Только смог уловить, как нервно дрогнули уголки губ и брови сошлись возле самой переносицы, образовав бороздку. В тот момент входная дверь хлопнула. По ступенькам кто-то тяжело поднимался, простужено подкашливая, подгоняя её к ответу:

– Не знаю, не знаю, ждать-то надо целых два года. Может, и терпенья не хватит, – попыталась отшутиться она.

– Ну и не жди! Больно надо! В ту же секунду Андрея захлестнула обида, он резко повернулся к Свете и, силой толкнув дверь, оказался на улице. Пахло сырой землёй и прелыми листьями. Он пошёл быстро в сторону от дома,

решая про себя, что это была последняя их встреча. «Так будет лучше мне и ей. Никакой ответственности и обязательств» – пытался убедить себя, отгоняя прочь другие мысли. Впереди призрачно маячили два года службы в армии, и оставлять обманчивые ожидания не следовало. Укореняясь в своей правоте, Андрей успокоился, подходя к своему дому, очертания которого вырисовывались сквозь деревья. Капельки дождя прозрачно серебрились на голых сучковатых ветках. Двор его детства пустовал, только несколько окон высвечивались, напоминая ему, что скорая разлука с ним неминуема. От нахлынувшего чувства у него сжалось где-то в груди. Андрей ускорил шаг, чтобы не оказаться пленником грустных мыслей. В подъезде дома было тепло и пахло на первом этаже жареной картошкой.

Уже потом, через месяц, когда проходил «учебку», его школьный друг Сергей Коняев написал ему письмо, в котором он прочёл, что Света ходит уже на танцы с другим парнем.

У каждого своя судьба, и не знаешь, куда она повернёт и потом из какого омутка вытянет на блестящую поверхность.

6

На следующий день Андрей увидел воткнутую в дверь военкоматовскую повестку с напоминанием, что ему необходимо выполнить конституционный долг перед родиной, при этом взять с собой трёхдневный паёк и смену белья. Проводы были короткие, пришли одноклассники, не забыв прихватить с собой две тёмные бутылки болгарского коньяка «Плиска», да соседка по этажу. Когда гости расселись по своим местам, встал отец Андрея, Сергей Петрович. Его мосластая фигура возвышалась над всеми. Широкоскулое лицо было напряжено, и тонкая венка, видимая в отвороте клетчатой рубахи, пульсировала на загорелой шее. Пригладив рукой льняные волосы, он налил себе водки в чайную кружку и, немного смущаясь гостей, глухо произнёс:

– Вот что, сынок! Пришло и тебе время служить. Это почётно для каждого мужчины. Мой отец, а значит твой дед, светлая ему память, погиб на войне. Немного не дошёл до Берлина. Дядька твой пропал без вести. Не было в нашей семье трусов, и ты не посрами, – расчувствовался Семён Петрович от своей речи так, что слеза не удержалась и скатилась с ресницы, упала в кружку. Сергей Петрович одним движением влил в себя водку, затем поискал глазами по столу, чем можно бы закусить. Подцепил вилкой маленький изогнутый пупырчатый огурчик летней засолки. Смачно похрустел на зубах и распорядился:

– Ты вот что, мать, положи их тоже парню в дорогу. Клавдия Петровна суетилась возле стола, заглядывая через плечи на тарелки с едой. Женщина с короткой светлой стрижкой, которая придавала ей моложавый вид. Узковатое лицо с ямочкой на подбородке и небольшим носиком выражало озабоченность скорого расставания. Выразительные зеленоватые глаза таили озёрную глубину. Клавдия Петровна собирала со стола пустые тарелки и уносила на кухню. Вернувшись к гостям, присела на краешек стула, поймала себя на мысли о скорой разлуке с сыном, тяжело вздохнула и утайкой вытерла слёзы полотенцем, которое держала в руке. В комнате включили проигрыватель «Рекорд», зазвучала популярная песня:

*Листья жёлтые над городом кружатся,
с тихим шорохом нам под ноги ложатся...*

– Ма, выключили эту тоску, – попросил Андрей из темноты кухни. Он стоял у открытой форточки и курил. Неслышно зашёл отец, щёлкнул выключателем, свет растворил темноту и обозначил бледность Андреева лица.

– Надо поговорить! Присаживайся, в ногах правды нет, так в народе говорят. – Отец в тот момент подбирал нужные для разговора слова: – Да, сынок вырастили тебя вместе с мамой. Ты сейчас совсем уже взрослый. Он подошёл близко к Андрею, положил руку на плечо и всмотрелся в его глаза. – Знаешь! Жизнь прожить – не поле перейти. Всё устроено гораздо сложнее. Иди вперёд, не оборачивайся назад. Только так можно что-то в жизни достичь. Он ещё хотел что-то сказать, это было видно по его лицу, но из комнаты зашла Марина, худенькая девушка с большими грустными глазами. Она плечом привалилась к дверному косяку и взволнованно теребила поясok платья. Смущаясь, бледнея лицом, только и нашлась:

– Какие планы у тебя после армии? Пойдёшь, наверное, в институт учиться?

– Так далеко не загадываю. Два года, это не килограмм пряников съесть, – решил просто отшутиться Андрей.

– А можно я тебе писать буду? – озадачила Марина.

– Зачем? – неожиданно для себя отреагировал Андрей.

Понимая, что этими словами может обидеть Марину, спохватившись, какую глупость сморозил, взял её руку. – Не обижайся на меня... Пожалуйста, не обижайся! – голос у него дрогнул, спазмы неожиданно перехватили горло.

– Не буду писать! В её словах сквозила обида. – Дурак всё-таки ты, Андрей. Пойду лучше твоей маме помогу.

Марина, словно отстраняясь от него, отступила на шаг назад и вышла из кухни. Андрей не подозревал, что Марина испытывает к нему тихую и неразделённую любовь. Она всегда казалась ему невзрачной пигалицей, на которую никто не обращал внимания в школе. Но в жизни бывает так, что из них получают хорошие и верные жёны.

Через два часа гости стали расходиться. Одноклассник Жора-толстый на прощание протянул пухлую кисть:

– Желая тебе, Андрюха, отбарабанить без проблем. Помни народную мудрую пословицу: «Поближе к кухне и подальше от начальства». Я тоже через полгода пойду ляжку тянуть, только в стройбат. ВСО – войска столичной обороны, – он засмеялся своей шутке, показывая кривые зубы. – А ты не волнуйся, за Светкой мы присмотрим. На танцы будет бегать, ухажёрам по рогам дадим. Сам знаешь, за нами дело не станет. Андрей только хмыкнул:

– Ты, что, Жора, совсем очумел? Я на неё железный пояс верности не надевал и заветный ключик с собой в армию не прихватил. И хватит этих ненужных никому базаров, про луч света в тёмном царстве.

Тётя Зоя, одинокая полноватая женщина с каштановой причёской – соседка из шестой квартиры, протянула ему набор бумаги и несколько шариковых ручек:

– Пиши, Андрюша, маме почаще письма, она скучать будет, не забывай. Пожалей материнское сердце. – Тётя Зоя сделала попытку выжать из себя слезу, её лицо съёжилось, придавая ей жалкий и некрасивый вид. Соседка без определённого возраста и немного глуповатая, жила бездетно. Мать

Андрея пригласили её на проводы так, по-соседски.

Уже перед тем как идти на железнодорожный вокзал, мать, уткнувшись ему лицом в плечо, всхлипывала и не могла унять свою нервную дрожь. Говорила тихо, словно хотела, чтобы никто их не услышал. Из глаз тонкими ручейками текли слёзы, она их не стеснялась, а только изредка вытирала тыльной стороной руки.

– Как я без тебя, сынок? Береги себя там, ради Бога. – Сильно прижала его к себе, так, что они оба почувствовали, как в единый такт бьётся сердце матери и сына. Андрею призрачно показалось, что он помнит родной запах матери ещё с утробы.

Семён Петрович внезапно, никогда раньше себе не позволял такие сентиментальности, крепко обнял его жилистыми руками так, что хрустнули кости, похлопал по спине:

– Будем ждать тебя, сынок! Как только будет возможность, брось письмо на проходящей станции, не поленись. Что передать Светке? – Андрей отвёл взгляд, равнодушно взмахнул рукой

– Она сама всё решила. Ждать не зарекалась. Я что, должен по этому поводу детские слюни распускать?

На перроне народ сбился в несколько кучек. Слышалось, как гуляет весёлый людской шумок. Из темноты появились две мужские фигуры, они вели под мышку пьяного будущего защитника. Он не хотел идти, пытаясь освободиться от сопровождающих и, как молодой бычок, бодал их стриженной под ноль головой.

– Никола, а Никола, ты не ерепенься, а то вместо армии в милицию попадёшь, – пытался урезонить его мужчина ростом повыше. Призывник, уставший сопротивляться, безвольно обмяк, и его понесли дальше к шумной и пьяной компании. Фонарь, висевший на деревянном столбе, от резких порывов ветра отбрасывал круг света на асфальт с натянутой водной пленкой. Невысокая полноватая женщина с растрёпанными волосами держала пёструю косынку в одной руке, притоптывала ногами, хрипло пела простуженным голосом:

*Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты.
В Красной Армии штыки, чай, найдутся,
Без тебя большевики обойдутся...*

Локомотив, пробивая тьму прожектором, подал к перрону пассажирские вагоны. Толпа сразу засуетилась, ожила в броуновском движении, опять слышались бабьи причитания. Андрей обнял за плечи мать, чмокнул её в заплаканное лицо:

– Ладно, ма, успокойся! Не на войну же провожаете! Как в часть приеду, сразу напишу, честное комсомольское. – У отца взял свой старый походный рюкзак, крепко по-мужски обнялись. Закинул его за плечо, пошёл, не оборачиваясь, к ближайшему вагону, где в нетерпении поджидал в длинной шинели перетянутый ремнями военкоматовский майор. Он спросил фамилию и быстро чиркнул карандашом в небольшом блокноте.

– Проходи! Не задерживай. На краю перрона стояла дежурная по вокзалу. Ей было холодно, и про себя думала: «Вот сейчас отправлю поезд – и скорее в тёплую дежурку». Она притоптывала ногами в коротких сапожках, держа в одной руке красный флажок, а в другой подслеповатый фонарь. Дежурная с облегчением смотрела, как состав дёрнулся несколько раз, перестукивая

чугунными буферами, медленно набирая скорость. Призывники, толкая друг друга, стояли около слабо освещённых окон и махали на прощание руками. Андрей вдали увидел Маринин расплывчатый силуэт, он отдалялся и вскоре пропал из виду. Мелькнув красными огоньками последнего вагона, поезд растворился в ночи. Так закончилась вольная жизнь на гражданке.

7

В учебный полк попал под Ташкент. Пока ехали на автобусе от вокзала, Андрей с любопытством разглядывал незнакомые картины азиатской жизни. Вдоль дороги тянулись шеренги тополей, они взметнулись вверх тонкими пирамидальными кронами. По выбеленному асфальту ехал на ослике старый человек с большой седой бородой. Он слегка покачивался, и казалось, что он спит. Поношенный чапан запахнут на груди, красный платок обхватывал и стягивал пояс. На голове натянута на самые уши тюбетейка. Он подгонял хвостиком своё средство передвижения, но упрямый осёл не хотел чаще перебирать копытами. Аксакал, ругаясь, размахивал руками, затем слез с него и потянул вперёд за верёвку. Потом показалась смуглолицая девушка-узбечка в длинном, до самых щиколоток платье зеленого цвета. Она торопливо шла, держа за руку маленького мальчика. Большой диск солнца закатывался за горизонт, и сразу пахнуло прохладой и близкой ночью.

В первый день молодых солдат привели в палатку, где они сняли с себя гражданскую одежду, в другой старшина роты на глаз примерил и выдал старое и поношенное «хэбэ». Остаток дня прошёл в каком-то тягостном состоянии. После отбоя Андрей лежал и рассматривал сетку верхней койки. Сосед по верхнему этажу ворочался, и продавленная сетка издавала жалобные звуки. Ему показалось, что в дальнем углу палатки промелькнули тени. Через несколько секунд дневальный подошёл к нему и, наклоняясь, прошептал:

– Иди скорее, тебя «деды» зовут. Поговорить хотят. – Андрей поднялся, вставил ноги в сапоги и пошёл в длинных трусах, хлопая голенищами по ногам, в тёмный угол палатки, где витал сладковатый запах анаши. Забивка папиросы не составляла труда и была до банальности проста. Из папиросы вытряхивался низкосортный табак, затем он смешивался с тёмно-зелёной субстанцией и забивался обратно. Косяк передавался «дембелям», которые сидели полукругом и по очереди затягивались папиросой «Беломор» с плотной набивкой афганской травы, которая уносила их в мир грёз и несбыточных желаний. Передавали друг другу осторожно, держа папиросу почти вертикально, чтобы горящая анаша не выпала:

– Воин! Как ты стоишь перед «дедушками» Красной Армии? – С табурета встал невысокий с приплюснутой головой и хорошо развитыми бицепсами ефрейтор Коробейников, больше известный в части по прозвищу «Короб». При этом его лицо не отразило признаков интеллигентности и душевной теплоты. При случае он всегда пытался ткнуть кулаком в поддых тех, кто был моложе по призыву. Первым делом он поинтересовался, умеет ли Андрей держать живот. Потрогал одной рукой, а другой без размаха коротко заученным ударом пробил снизу.

На короткое время Андрею показалось, что он был в отключке. Жадно хватая открытым ртом воздух, он согнулся, упал на колени, больно ударившись головой о земляной пол. В таком оцепенении пребывал до тех пор, пока

его не поднял один из «стариков».

– Ты что, Короб, совсем оупел? Так и убить можно. Поедешь вместо дома в дисбат. Гони сюда побыстрее на воспитание следующего. Боль медленно отступала. Андрей чувствовал, как кровь прилила к голове, и жгучая обида захлестнула его. Только сухими губами спросил Короба:

– Ты за что меня ударил?

– Это всем полагается, чтобы больше порядка было в армии. Не нами это придумано и не нам этот ритуал отменять! – усмехнулся Короб. Андрей, как ему тогда показалось, собрал всю силу в один удар и хлётко двинул в правую челюсть своему обидчику. Короб опрокинулся назад, отлетел дальше к кроватям. Сразу же возникла гнетущая тишина, не предвещающая ничего хорошего для Андрея. «Деда» напряглись. Один из них встал с места и заученным движением наматывал солдатский ремень на руку. Весьма редкий случай, чтобы при проведении процедуры «прописки» молодой солдат взбунтовался. Честь Короба, по армейским неписанным понятиям, была осквернена и требовала карающих действий. К тому времени он очухался и потряхивал головой. По-бычьему опустив голову, при этом издавая нечленораздельное мычание, он с разбегу ударил Андрея в лицо. У Андрея из глаз брызнули искры, и на какое-то время он потерял ощущение пространства. Он понял, что с ним беседовать на философские темы в этот поздний час никто не намерен и приготовился к самому худшему. На кроватях солдаты-первогодки натянули одеяла на головы и делали вид, что они спят крепким здоровым сном. «Надо биться, иначе могут убить» – неприятная мысль сверлила его сознание. Он ударил рукой прямо, голова Короба налетела на препятствие в виде крепко сжатого кулака, дёрнулась, и на какое-то мгновение он потерял контроль. Андрей для закрепления успеха ещё ударил разок, на этот раз коленом в пах. Ефрейтор взвыл от боли и упал на пол. Схватка на этом не закончилась. Били Андрея сейчас все старики при скудном палаточном свете, убеждённые в том, что армия всё спит. Через месяц для «дедов» должны зачитать приказ министра обороны, и они, радостные и счастливые от близкой встречи с родными, разъедутся по домам. Чемоданы у многих были упакованы.

Утром у Андрея голова не хотела отделяться от подушки, глаза отекали и заплывали, и на свет божий можно только было смотреть, приподняв веки пальцами.

Ещё до подъёма командир роты старший лейтенант Горин подошёл к кровати. Ему уже доложили о ЧП. Некоторое время, молча, рассматривал Андрея, затем задумчиво поскрёб острый подбородок и стал выпытывать:

– Что случилось, боец? Андрей посмотрел на него одним глазом:

– Так, ничего, упал с верхнего яруса после отбоя. Воспитываю силу воли для прохождения дальнейшей службы.

Старлей только разочарованно покачал головой, и от возникшей ярости под кожей на лице взбугрились желваки:

– Если не хочешь говорить, кто тебя избил, то я сам их найду и устрою им такой «дембель», что мало не покажется. И прямоком в дисбат, там им место. При этом старлей произнёс несколько фраз ненормативной лексики. Обвёл сузившимися глазами палатку, быстро повернулся, и зашагал к выходу, опустив голову.

Из дальнего угла палатки незвано возник ефрейтор Короб, словно чёрт из табакерки. Выглядел он тоже неважно: губы разбиты и распухли, на щеке краснея, тянулась большая ссадина.

– Смотри, что ты сделал! Ефрейтор с трудом разлепил губы: двух передних зубов не хватало, словно их невзначай слизала корова языком. Он пытался разжалобить Андрея, потому что впереди ему светил в недалёком будущем трибунал. И от этого разговора зависела дальнейшая судьба «дембелей».

– Извини, вчера местной «дури» обкурились, крыша совсем поехала. Подожди! Через два года ты такой же будешь. Нервы – совсем никуда. Комроты сказал, что все пойдём под трибунал. Ты вот что: «дембель» не порти. Ротный приказал извиниться перед тобой. Он повёл своими тусклыми рыбьими глазами, замолчал в ожидании ответа. Вяло протянул руку для примирения. Андрей, не замечая этого жеста, отвернулся, думая, что таким он никогда не будет.

8

Афганистан встретил их зноем, пылью и антисанитарией. После утреннего построения Андрей бесцельно побродил по палаточному городку, где сразу за колючей проволокой тянулась песчаная пустыня. Совсем далеко на фоне тёмно-синего неба виднелись очертания изломанных гор с белеющими вершинами. Прошёл год. Война набирала обороты, словно кто-то невидимый закручивал пружину. Боевые действия активизировались с той и другой стороны. Моджахеды получили новое вооружение. Боевые выходы всегда сопряжены с опасностью. Если уходили в горы, то брали с собой питание на несколько дней и боеприпасов под завязку. В сутки приходилось спать по три-четыре часа, не более. Днём изнемогали от палящего зноя, ночью деревенели телом от низкой температуры. Война – это не санаторий, и приходилось делать всё, чтобы остаться в живых и не подвести боевых друзей. На последней для Андрея операции взвод осаждал горную вершину. Дышать тяжело, воздух разрежен. И не хочется делать лишних телодвижений. Перед подъёмом в гору взвод прошёл по каменистому руслу мелкой речки. Она зарождалась выше в горах на вечных белоснежных ледниках. Весной её воды наполнялись, река уже бушевала и становилась непроходимой. Переводя дыхание, поднялись на склон по еле уловимой глазом тропке – и, на тебе, совсем неожиданная встреча с «духами». Те шли налегке, одеты были по сезону: в тёплых ватных халатах, чёрные сапогах, в которых можно ходить мягко по камням, не создавая шума. У каждого в руках автоматы АК-47 китайского производства. Бородатый «дух» с тёмно-коричневым от загара лицом громко закричал, предупреждая остальных, и на вскидку, не целясь, выпустил длинную очередь, не жалея патронов. Пули роем злых шмелей прожужжали над головой. Андрей спиной привалился к выпуклому, прогретому за день коричневому валуну, выдернул чеку гранаты и бросил в сторону, откуда были слышны выстрелы. Воздух от разрыва сжался и эхом ушёл дальше в горы. Перестрелка шла около часа. Андрей сменил позицию, ему сверху было хорошо видно, как «духи» стали спускаться вниз, оставив для прикрытия отхода трёх человек. Поймал в планку прицела автомата спину высокого и немного сутулого «духа» в грязно-белых штанах, нажал на курок и выпустил несколько коротких очередей. Тот надломился телом, упал лицом вниз и покатился, оставив автомат на каменистой земле. У самого подножья горы, где была земля помягче, уходя от преследования, «духи» успели поставить на узкой тропе несколько мин в пластиковой оболочке. Андрей шёл быстрым шагом замыкающим и на какое-то время загляделся на гору, нависшую над ним. Земля неожиданно вздрогнула

и стала исчезать из-под ног. Разрыва мины он уже не слышал. Упал контуженный, просечённый острыми осколками, в тёплую землю, которая забила рот и нос, не давала дышать. Правая нога, оторванная до колена, держалась только на сухожилиях, белая кость торчала наружу. Солдаты быстро и без лишней суеты перетянули резиновым жгутом бедро, воткнули через штанину промедол, чтобы не наступил болевой шок. На мгновение Андрей открыл глаза и сквозь мутную пелену увидел взводного.

Он что-то говорил, Андрей это определил по движению губ. Наркотик действовал, он не чувствовал боли, беспокойство охватило его, и он стал проваливаться, пытаясь ухватиться за кончики последних видений.

Тем временем взводный Рыбакин по радиации связался с полком, откуда пообещали утром вертолёт эвакуировать раненого. Взводный подозвал к себе сержанта Сорокина:

– Останешься с ним. Мы сейчас снимаемся и идём дальше. В медицинском пакете есть ещё промедол, и не давай ему в сознание приходиться. Чуть что – коли. Взвод, осторожно ступая след в след, растворился в темноте. Ночь выстелила звёздное покрывало над горами. Они были так близко, что казалось их можно достать рукой. Было тихо, только вдалеке мигал огонёк костра.

Утром за горой послышался шум «вертушки». Вертолёт появился внезапно, едва не задевая лопастями отвесный склон. На короткое время завис, из проёма появились четыре руки, затащили обоих солдат в салон, вертолёт круто взлетел и, отстреливая тепловые ракеты, стал удаляться, превращаясь в маленькую точку.

9

Нет в жизни большей радости, чем воскрешать из мёртвых, когда подземная река несёт уже по ту сторону бытия. Андрей хотел умереть несколько раз. Первый – в Кабульском госпитале на холодном хирургическом столе, когда его ампутированную конечность бросили в эмалированный таз. Второй раз он умер и похоронил себя, считая, что двадцатилетнему парню, обрубку человеческой плоти недостойно жить в этом мире.

Раненые солдаты лежали втроём в госпитальной палате с высоким потолком и большим окном, выходящим во двор. Витька-танкист с грубыми рубцами от ожогов на лице лежал на привилегированном месте, у окна. Зимой от ребристой батареи шло тепло. Весной можно было видеть глубокое небо и раскидистую берёзу, ветки которой стучались в окно.

Витькин танк сопровождал колонну автомашин-заправщиков. Утром, когда ещё сонные облака цеплялись за снежные шапки гор, колонна втянулась в крутой подъём, танки цеплялись гусеницами за твёрдую скальную породу. С одной стороны вниз посмотришь – крутизна, справа – отвесная стена, местами закопчённая, – совсем недавно духи подожгли колонны. Надеялись проскочить этот опасный и пристрелянный участок, который хорошо просматривался. Не получилось. «Духи» подождали, пока вся колонна будет у них на виду, и ударили внезапно с противоположной стороны. Один заряд гранатомёта сразу попал в гусеницу, танк развернуло, другой пробил бочки с солярой, они дымно загорелись. Топливо стало растекаться, и огонь уже жадно лизал броню танка. Соляра из подбитых заправщиков текла огненной рекой вниз по дороге. Всё кругом горело. Экипаж танка стал прыгать прямо в пламя. «Духи» стреляли по ним из автоматического оружия. Витька вылез последним через

передний люк, руками и ногами попал в огненную реку. Кто его вытаскивал и тушил на нём комбинезон, он не помнил. Очнулся только в госпитале, откуда его всего в бинтах самолётом отправили в Союз.

Ближе к умывальнику лежал узбек Атахон, худощавый телом. Глаза чёрные с большими загнутыми ресницами. В Афган попал сразу после школы молодого бойца. Не знал, как правильно с автоматом обращаться. В кишлаке под Ферганой, где он жил, некоторые откупались от службы: кто баранами, кто деньгами. Над ним беззлобно подшучивали:

– Не повезло тебе в жизни, Атахон, пошёл в райцентр за спичками, а попал в армию. Он только грустно в ответ улыбался и покачивал головой, цокая языком. По-русски плохо понимал, а ещё хуже говорил. Поэтому большей частью лежал, смотрел на белый свет большими чёрными глазами, в которых можно было прочесть тоску по дому. Так же, как Андрей, он подорвался на итальянской мине.

Как правило, утро они начинали с гимна Советского Союза. Громкоговоритель пропел им: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь». В новостях диктор сообщил, что на Чернобыльской атомной станции случился пожар, жертв и разрушений нет. Затем перешёл к полевым работам. В общем, страна жила своей жизнью, а они, замкнутые больничной палатой, – своей. Тяжёлый «отходняк» был после сна, всему беда – демедрол, будь он неладен. С утра голова будто чугунная. Без снотворного никто давно не спал, к нему привыкли. Витька первое время всё кричал:

– Тушите скорее, горю! Больно! Потом плакал, вздрагивая всем телом, и засыпал, уткнувшись в подушку под действием снотворного.

В палату зашла, придерживая дверь рукой, санитарка Маша, худенькая и вся какая-то нескладная. Халат, потерявший свою белизну, висел, словно она взяла его поносить без разрешения с чужого плеча. Из-под него виднелись синие спортивные штаны. Когда она пребывала в хорошем душевном настроении и улыбалась, то во рту блестели серебром зубы, которые ей вставил по знакомству городской протезист. Пока она сидела у него в кресле с широко открытым ртом, он успевал рукой пошарить у неё на груди. Из-за оскорбительно низкой зарплаты никто в санитарки работать не шёл. Желающих, если не считать Машу, выносить судно из-под больных не находилось. В одной руке она держала с отбитой эмалью жёлтый чайник, в другой – тазик. Приветливо улыбнулась, отчего от небольших серых глаз разбежались тонкие лучики морщин.

– Как спали, солдатики? Девки не снились? Дело молодое, – рассмеялась Маша собственной шутке. Шагнула сразу к Витьке, приподняла одеяло и поставила судно.

– Маша! Дай покурить! Уши пухнут – попытался тот выцыганить сигарету.

– Когда сходишь, тогда дам. Что-то душновато в палате! Она встала на стул и, дотянувшись руками до форточки, распахнула её настежь. В палату сразу же залетел ветерок, будто ожидая этого момента. Он отодвинул длинную штору, разворошил старые газеты на круглом столе и вылетел дальше в коридор через приоткрытую дверь палаты. Маша достала из оттопыренного кармана пачку «Примы». Особо не мусоля во рту, прикурила от спички и сунула танкисту в сухие губы. Витька жадно и со вкусом затянулся. Серый пепел посыпался на одеяло. Маша, оглядываясь на дверь, быстро смахнула его полотенцем на пол. Жалела женским сердцем и внутренней болью этих

пацанов: «Опалила война, будь она неладная. Девочек ещё, наверное, не пробовали». Маша была добрая по своей натуре, иногда в ночное дежурство приносила в бутылке красного вина и наливала им в кружки. Все начинали курить, презрев строгий запрет начальника госпиталя. Поливая тёплую воду из чайника на полотенце, она умыла их по очереди.

– Ну всё, мои хорошие! Водные процедуры на этом закончим. Ждите врачебного обхода. А я ушла! Пока.

В самых дверях остановилась, повернулась и одарила всех блестящей улыбкой. Вечно неунывающая санитарка Маша на вопрос: «Почему у неё жизнь не сложилась», отвечала не задумываясь: «Это у меня земная планида такая». Она верила в то, что добра в жизни гораздо больше, нежели тёмного зла. Старалась по выходным ходить в Божий Храм, там, в полумрачной тишине, всматриваясь в суровые лики святых, молилась своими словами святому великомученику Пантелеймону о здравии, била ему поклоны, чувствуя, как её душа высвобождается от всего лишнего и наносного. Ей от этого становилось радостно на душе.

10

В палату уверенной походкой вошёл майор медицинской службы Иван Григорьевич. Он присел на кровать Андрея:

– Как спалось? Живот не болит? – спросил он и стал осторожно кистями рук прощупывать живот. Стул нормальный? Придётся очистительные клизмы ставить, кишечник плохо работает, мышцы немного атрофировались, надо ходить понемногу. Распоряжусь, чтобы принесли костыли. Иначе может возникнуть заворот кишок. – И уже обращаясь к остальным: – Всех покажу психиатру.

У Андрея пробежала по лицу тень от удивления:

– И зачем, собственно говоря? Мы не психи. Зачем он вообще нужен?

Иван Григорьевич только улыбнулся:

– Я, кажется, не говорил, что вы душевнобольные. Дело не в этом. Всем, кто перенёс подобные ампутации, необходима помощь психологическая. Это дело тонкое. Вам самим не справиться. Болевой шок, длительный наркоз – всё это накладывается и может дать нежелательный эффект. Он закинул ногу на ногу, продолжал:

– Могу рассказать, что после Великой Отечественной войны мало кто обращал на солдат внимание, на их психическое состояние. Они пережили большой стресс. Позже кто-то спился, кто-то покончил жизнь самоубийством. И, словно подытоживая и ставя точку в сегодняшнем разговоре, – так-то.

Кухонная рабочая шла по коридору и заглядывала в палаты:

– Завтрак... завтрак. Буквально вслед за ней в палате появилась медсестра Соня, широкоскулая татарочка с раскосыми глазами, улыбнулась, показывая два ряда ровных зубов, как на плакате в стоматологической поликлинике:

– Мальчики, кушать подано!

Первому принесла кашу Атахону. Витька протянул со своего места:

– Опять эта каша! Ну сколько можно нас овсом кормить? И так скоро, наверное, копытом забьём. У нас что, в стране запасы этой крупы неиссякаемы? Будённого с его Первой конной армией давненько нет, а овсом запаслись на десятилетия! Шутка понравилась, все рассмеялись. Соня стала выпытывать

у Атахона, действительно ли в Средней Азии женщины носят паранджу и за них платят калым. Атахон моргал ресницами, смущаясь её вопросов:

– Да, в некоторых глухих кишлаках бывает, невесту и крадут, а потом выкуп за неё дают. Слышал, что некоторые мужчины и не одну женщину содержат, только об этом особо не говорят. Кораном содержать несколько жён не запрещается.

– А у тебя девушка осталась? – не отступала от своего Соня. Ей было интересно, как живут в Узбекистане люди. Там она не была.

– Какая ещё девушка? Рано об этом думать. Надо домой вернуться, устроиться на работу. А потом уже думать о женитьбе. Соня ответила Атахону улыбкой, приподняла его голову, стала поить из поильника с тонким и длинным носиком.

11

Ближе к вечеру над городком нависли дождевые тёмно-свинцовые тучи. Птицы тёмными тенями проскользнули возле окна и спрятались в щели под деревянным карнизом. Вдруг разом потемнело, и воздух разорвало тугим и упругим раскатом грома, словно кто-то наверху сильно бил в тугой барабан. Вслед за громом небо осветилось отблесками яркой молнии. Дождь сначала застучал крупными каплями, а потом вообще полил, словно из ведра. Ветер толкнул створку окна, оно распахнулось. Сразу запахло свежестью дождя, нагретой за день землёй. Струи дождя полились по широкому подоконнику, разнося брызги по палате.

В палату вбежала Соня. Окинув взглядом палату, она всплеснула руками:

– Ребята, ничего не случилось? Я сейчас быстро окно закрою. Встала на табурет, закрывая верхний оконный шпингалет. Халат приподнялся, и показались стройные ноги с тонкими щиколотками. Витька поворочался в кровати:

– Да, разыгралась мать-стихия. У нас на Рязанщине был такой случай. Во время грозы мужики пошли купаться на речку, молния как раз ударила по воде. Потом всех бреднем вылавливали.

Соня ушла, тихо прикрыв за собой дверь. Там, за окном, буйствовала природа. Берёза прогибалась под натиском ветра и длинными ветками хлестала по окну, пытаясь о чём-то сказать.

Вернулась Соня. Включила свет, в руке несла крышку от стерилизатора, в ней три стеклянных шприца. Она повернула Андрея на бок и шлепком поставила в ягодицу укол с димедролом. Снотворное стало действовать, и он уже приглушённо слышал разговор своих соседей. К нему пришёл сон, которого он давно и с нетерпением ожидал. Сначала он увидел мать: он радостно бежал к ней с широко раскинутыми руками и хотел обнять её. Но ноги не слушались, он хотел от досады заплакать и не мог. Потом картинка сменилась, и уже перед глазами белая пелена, это снежная зима с бугристыми сугробами и занесённые снегом первые этажи домов. Детвора с радостью прыгала с дровяников прямо в рыхлый снег.

Гром пророкотал совсем близко, вернул его опять на войну. Он, как посторонний наблюдатель, смотрел на происходящее со стороны в чёрно-белом изображении. Солдат достаёт из ящика мину с оперением и почему-то очень медленно идёт, даже бредёт к миномёту. Он вставляет её в трубу, раздаётся хлопок, и мина с протяжным воем исчезает за бугром. Голову стало

сдавливаться металлическим обручем, кровь запульсировала в висках. Хотелось обхватить её руками, крепко сжать и закричать.

В палату забежала взволнованная Соня, она была без белого колпака, чёрные воронёные волосы рассыпались по плечам. Волновалась, это чувствовалось по её прерывистому дыханию:

– Тебе, Андрей, плохо? – намочила полотенце и положила его на лоб. Андрей бросало то в жар, то в холод. На правом виске нервно пульсировала под кожей вена. Он цепко ухватил тёплую руку медсестры и в полубредовом состоянии умоляюще просил:

– Оставьте мне ногу. Оставьте, как я буду ходить без неё. Соня нежно гладила его по мокрым волосам, успокаивала: – Я сейчас приду, потерпи немного, поставлю еще снотворного.

Пока она ходила в процедурный кабинет, Андрей уже провалился в липкий сон. Коридорный свет выключен, только на посту горела настольная лампа, очерчивая желтоватое пятно возле стола. Соня достала из верхнего ящика стола чистый лист бумаги и аккуратно выводила адрес получателя. Писала она Клавдии Петровне о том, что её сын лежит в госпитале для тяжелораненых. Был сильно контужен, ногу пришлось ампутировать выше колена, чтобы не было гангрены. Закончив писать, она подумала, всё ли написала, и сложила бумагу пополам, решила, что утром после дежурства купит конверт и отправит письмо в далёкий уральский посёлок.

Гроза сверкала и властвовала всю ночь над городом и, когда на горизонте появилась робкая розоватая тонкая полоска нового дня, ушла, отдалённо грохоча, в сторону. Берёза под окном стояла умытая первым весенним дождём. Дневной свет, разрезав полутьму, проник в палату, где безмятежно спали солдаты. Андрей спал на спине, закинув одну руку за голову, другая выпросталась и покоилась поверх одеяла. Он тихо дышал, только изредка уголки губ подрагивали.

За последнюю боевую операцию он будет награждён орденом Красной Звезды. Вернётся домой на костылях. Первое время будет отсиживаться дома, никого не подпуская к себе, замыкаясь и отгораживаясь от всего белого света. Бывшая подруга несколько раз позвонит и попросит о встрече, но, получив очередной отказ, будет настойчиво ему названивать. Боль в душе со временем перегорит, оставив только блёклый пепел. Через два года Андрей женится на своей однокласснице Марине, которая подарит ему двух сыновей. Жизнь продолжалась. Андрей дальше пойдёт по ней, не оглядываясь назад. Он понял, что, предавая, в первую очередь предаёшь себя. Эту бесценную житейскую истину можно постичь, только набив себе на лбу шишки.

Атахон в ночном беспокойстве сбросил подушку на пол, спал на боку, по-детски поджав ноги к животу. Ему снился родной дом. Небольшой двор и скудная тень от нескольких деревьев не спасала от знойного азиатского солнца. Невысокий глиняный дувал отгораживал от любопытных взоров прохожих. Престарелый отец пришёл с работы. В пыльном пиджаке сидел на невысоком табурете, устало опустив плечи, и ждал, когда Атахон принесёт ему пиалу с водой. Монгол, так зовут собаку-алабая из-за маленьких и узких глаз на лобастой голове, лежит возле крыльца дома у самых ног и дремотно поглядывает на своего хозяина. Кажется, что он под жарким солнцем ленив и неподвижен, но это обманчиво. Монгол при своей кажущейся неповоротливости быстр и стремителен в движении. Алабаю уже десять лет, и Атахону кажется, что собака понимает его мысли.

После госпиталя он вернётся в родной кишлак. Заочно окончит кооперативный техникум и до самой пенсии проработает в колхозе бухгалтером.

Витька-танкист лежал, глухо накрывшись одеялом с головой. Ему снилось озеро за деревней, куда они летом хаживали с друзьями поудить рыбу. Озёрная вода стояла тихая, отражая высокое небо. Возле самого берега внезапно плесканулась мелкая рыбёшка, отчего по воде пошли небольшие круги. Лето выстоялось, и денёчки стояли тёплые, как раз для ловли серебряного карася. Нагуливал он вес к этому периоду, но зимой рыбалки на него не было, и как только мороз сковывал панцирем озеро, карась зарывался в придонный ил и впадал в спячку до самой весны.

Витька перенесёт ещё несколько пластических операций на лице, но грубые рубцы всё равно останутся. Вернувшись домой, долго там не пробудет, стесняясь своего изуродованного лица. Запёт первое время по-чёрному до липкого беспомыслия, оказываясь в случайных компаниях смутных и вечно похмельных физиономий. Всё хотелось забыться... Потом враз одумается, поняв, что судьба остановила его у последней черты, за которой только тёмная пропасть, куда и трезвому страшно заглянуть.

Как-то утром, проснувшись в хмельном полузабытьи, подспудно осознавая, что это его последний шанс остаться человеком на этой земле, теряясь в рое мыслей в голове, соберёт нехитрые пожитки в спортивную сумку, и ни с кем не попрощавшись, подастся к дальней тётке в Карелию, где женится и будет работать в леспромхозе на трелёвочнике.

Дверь приоткрылась, и в палату неслышно зашла Соня. Она подняла с пола подушку Атахона, положила на стул. Андрей открыл глаза, ему показалось, что Соня пришла к нему во сне, он улыбнулся и закрыл глаза в неведении, что совсем скоро в госпиталь приедет мать.

ПРОЗА

Сергей КОБЕЛЕВ

Сергей Константинович Кобелев – родился 27 мая 1989 г. в городе Домодедово в семье священнослужителя. Окончил хоровую музыкальную школу по классу фортепьяно. По окончании 11 классов Домодедовского лицея №3 в 2006 г. поступил в Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет на исторический факультет. Во время учёбы в институте пел в церковном хоре истфака ПСТГУ. В 2008 г. начал писать стихи и прозу. В 2013 г. окончил магистратуру ИФ ПСТГУ. В настоящее время работает над первым музыкальным альбомом «Весенний снегопад».

Живёт в Москве.

«Горит полночная звезда...»

Уйдёт печаль как лёгкий дым,
Развеяв прошлые года,
Кто не был в жизни молодым,
Тот им не будет никогда!

Кто не был верен, не был свят,
Не будет другом на века,
Ты не гляди с тоской назад,
Горит полночная звезда!

Она мерцает в тишине,
Зовёт на северный простор,
И так светло и грустно мне,
Не оторвать от неба взор.

И будто слышен мне во мгле
Спокойный голос в небесах:
Ты не тоскуй, приди ко Мне,
Покой обрящешь ты в слезах.

Завет Мой лёгок, крест твой благ,
И нет конца любви Моей,
Иди ко Мне, лишь только так,
Найдёшь ты счастье средь камней.

Ангел-хранитель

Под пение стрел и лязганье лат
О шлемы звенел серебристый булат.
Под звоны кольчуг и топот подков
Глухие удары тяжёлых щитов.

Над полем летел белый ангел с венцом,
Он плакал иль пел, задевая крылом
Усталых бойцов, голодных коней,
Он плакал без слов, он пел без речей.

Но стих перестук и рокот копыт,
Луч солнца потух, кто жив, кто убит?
На поле лежал в холодной росе,
Кто саблю держал в усталой руке.

На небо смотрел, а видел ковыль,
Увидеть хотел, кого не забыл.
И он прилетел, укрыл грудь крылом
И песню пропел про маму и дом.

А после – вдвоём, под светом луны,
Над красным ручьём взлетели одни...

Лермонтову

Когда унынье чёрной желчью,
Тревожит сердце, холодно кругом,
Ты посмотри на неба жемчуг,
Где звёзды сжаты золотым серпом.

Да, в небесах торжественно и чудно,
Да, спит Земля в сиянье голубом!
А мне не так уж больно, не так трудно,
И не жалею больше ни о чём!

В полночном бархате дорога,
И в нежном атласе река,
И есть покой для нас у Бога,
И сердцу не нужна тоска...

Архивная песня

Архивная пыль,
И Бакунинский скверный почерк,
А за окном
Золотой хоровод поёт.
И старинную былль
Сердце жаркое слушать не хочет,
Но о былом,
Дождь холодные слёзы прольёт.

Припев:

Эта скверная погода
Загоняет в архивы людей,
Но прекрасна так природа
Серебристым звоном дождей.
А в архиве жизнь ушедших
Учит мудрости людской,
Без неё, быть может, легче
Позабыть печаль с тоской.

Таким золотым,
Покойным домашним светом
Окно озаряет
Деревьев последний наряд,
И лёгкий дым,
Умерших людей привета,
Читать мешает,
Подвыпивших букв парад.

Припев.

Там где-то дом,
Дождаться меня не может,
А за стеклом
Шальная шумит Москва.
Тяжёлый стон
Усталое сердце тревожит,
Но о былом
Нам могут поведать дела.

Осенние дожди так рано наступили,
На землю пролились холодной пеленой.
И хочется идти, туда, где нас простили,
Туда, горит где свет лампы за стеной.

Осенняя Москва, где пробки словно змеи,
 Ползущие на свет стеклянных фонарей.
 И осенью нужна мне та, кого не смею
 На улицу позвать под пелену дождей.
 Осенняя пора, романтика упадка,
 Как будто серебра не кончились века.
 Холодная рука плаща поправит складки,
 И золотая лань промчится как стрела.
 Холодного огня зардеются пожары,
 Их тщетно потушить пытаться будет дождь.
 Я помню, как весна огнём другим пылала,
 Но осенью грустить приятней, ну и что ж...

Полёт журавля

Холодная осень,
 И серое небо,
 И мелкие капли дождя,
 А там, среди сосен,
 Увидеть бы мне бы
 Полёт над землёй журавля.
 Летит он, не зная сомнений и страха,
 И крик его нежен и строг,
 Летит среди стаи,
 Над русским, над шляхом,
 Средь наших бескрайних болот.
 И эта свобода крыла золотого,
 И горькая правда Руси,
 Дороже для сердца богатства любого,
 Она, как цветок для души.
 Ах, как я хотел бы,
 Как вольная птица
 Парить над уставшей землёй,
 Мне выпало счастье
 В России родиться,
 И с нею я связан судьбой.
 И песен народных печальная нега
 Так радует тихой тоской,
 А Русь – на земле отражение неба,
 Её называют святой...

Откуда берётся снег?

Зачем покровом белоснежным
 Покрыто поле, окрашен лес?
 Я знаю, снег быть может нежным,
 Но кто снег сеет средь небес?

Припев:

А снег летит, летит, ложится на карниз,
 На подоконник, на пустой балкон,
 Ему совсем не больно падать вниз,
 Он для полёта в небесах рождён.

А ты глядишь, глядишь на купола Москвы
 И посторонних небоскрёбов стон,
 И всё не спишь, не спишь, и всё мечтаешь ты,
 И колокольный слышен в небе звон.

А может, ангельские крылья
 Роняют пух во тьме ночной?
 Чтоб о тоске мы все забыли,
 Чтоб тише был людской покой?

Припев.

А может, снежным водопадом
 К нам льётся райская река?
 Но застывает где-то рядом,
 На жёлтом куполе обители Христа?

Припев.

А может, это солнце плачет,
 Застыв в подушке облаков,
 Его покинула удача,
 Не видно больше дивных снов?

Осенняя пора

Осенняя пора холодными дождями
 Окутала, обняла за плечо,
 И в комнате одна, которую цветами,
 Украсить, как весну, мне суждено.

И золотого сна, на сон морозно-снежный,
 Разменной монетой век спешит,
 Нам не нужна тоска, мне нужен голос нежный,
 И тот ковёр, что золотом расшит.

И всё в свой час, и зелень, и багрянец,
 И золото, и золото листов,
 И самый лучший, самый нежный танец,
 Как платье вышитое кружевом из слов.

Холодный дождь нас держит как в осаде
Простудного железного кольца,
И вся земля с погодою в разладе,
И нет дождю ни края, ни конца.

Осенняя пора, как век благословенный,
Прекрасна, несмотря на все дожди,
Идут они, и поступью смиренной,
Идёт судьба, ты только верь и жди.

Песня Дон-Кихота

Старый замок весь укутан
В нежной зелени плюща,
А на небе как лоскутным
Одеялом облака.

Припев:

Дульсинея, Дульсинея,
Покажись на миг в окне,
Я робею и немею,
Но держусь ещё в седле.

Конь мой верный, спотыкаясь,
Чуть замедлил быстрый бег,
Дульсинея, я покаюсь
За любой забытый грех.

Припев.

Шлем заржавленный, погнутый,
Крепко держится на мне,
Ноги в башмаки обуты,
Щит тяжёлый на ремне.

Припев.

Если в схватке скоротечной
Шлем не выдержит меча,
Рыцарь смелый и беспечный
Жизнь положит за тебя.

Припев.

Сеньора

Сеньора, сеньора, прекрасные очи
Смотрели на море холодную ночью.
Прекрасные очи смотрели на небо,
Туда бы и мне бы хотелось бы очень.

Сеньора, сеньора, вы были на море,
Я плыл на баркасе, стоял на корме,
Командовал судном и чистил кирасу,
Вы были на море, я плыл на баркасе.

Сеньора, сеньора, я вас не забуду,
Как южные горы, как нежное чудо...

Песня о неотвеченных письмах

Молчанье неоконченных стихов,
Терзанья в ожидании ответа,
Причины неизвестные без слов,
И расставанье в середине лета.

Зачем ты улыбалась мне порой,
Зачем не отвечаешь мне на письма,
Зачем один стою я над рекой,
Зачем кружусь по жизни словно листья?

Молчание непринятых звонков,
Решенья нет для тысячи загадок,
Ключи найти невидимых замков,
Или забыть твой голос сердцу надо.

Молчанье неоконченных стихов,
Надежда в ожидании рассвета,
Воспоминание прекрасных слов,
Ну, почему же письма без ответа?

Жасмин

Сегодня я здесь не один
На миг замедлил быстрый бег,
А во дворе цветёт жасмин
Цветами белыми как снег.

Привет:

А сердцу неможется, сердце тревожится,
Сердцу покой, словно рыбе вода,
Кто же нас знает, как жизнь у нас сложится,
Лишь бы осталась в сердце мечта.

Сегодня мы здесь собрались,
Не в жёлтой мгле в краю чужом,
А в белокаменной Москве,
Она для нас как отчий дом.

Привет.

И каждый ищет путь во мгле,
В тумане белом и снегах,
Так вспоминайте ж обо мне,
И пусть уйдут печаль и страх!

Пиратская песня

Тепло в таверне, сладок ром,
И запах дома будто рядом,
Но в море синем стих уж гром,
Его лазурь ласкает взгляды.

Тяните якорь, упритесь в кабестан,
Нас на просторе ждёт удача,
И не для нас все слёзы дам,
Для нас лишь сталь с свинцом горячим.

Веселый Роджер улыбнётся
Купцам пузатым перед смертью,
И их корабль захлебнётся
Под злой оскал горячей меди.

Тяните якорь, взберитесь на мачты,
Вспомните старого Флинта заветы,
Лишь смелым улыбается удача,
А трусу фортуны не будет привета.

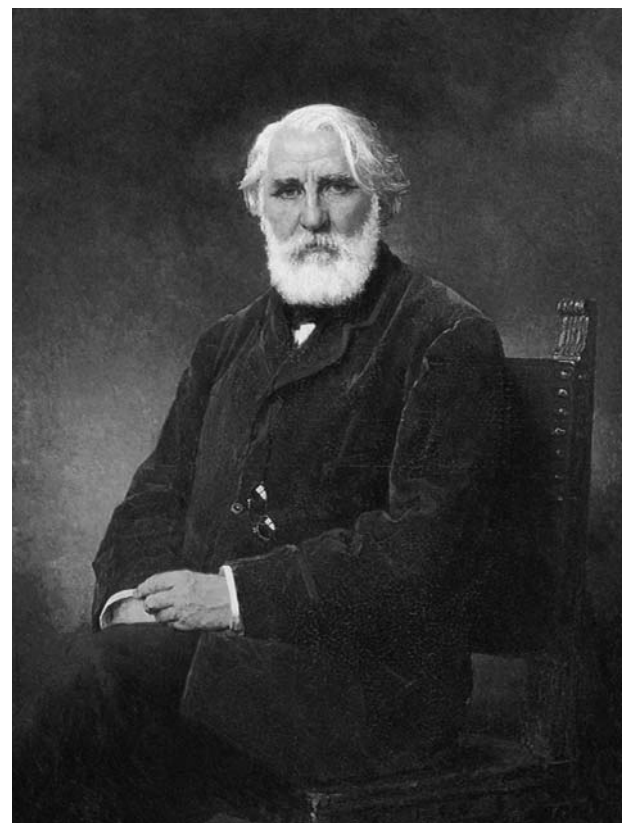

ПРОЗА

9 ноября 2013 г. –
195 лет со дня рождения И.С. Тургенева

«О вечном примирении и жизни бесконечной...»: роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»

Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1861) – одно из самых совершенных творений отечественной классики. Его внутренний свет не потускнел под налётом хрестоматийно-школьного глянца и вульгарно-идеологических трактовок. Несмотря на кажущуюся доскональную изученность, вот

Портрет И.С. Тургенева.
Худ. А.А. Харламов

Алла НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА

Алла Анатольевна
Новикова-Строганова –
доктор филологических
наук, профессор Орлов-
ского государственного
университета.
Живёт в Орле.

уже более чем полтора века не угасает стремление к постижению бесконечно богатого образного мира романа; не прекращаются попытки проникнуть в его «святая святых».

Конфликт поколений в «Отцах и детях» с поверхности текста переходит во внутренние, глубинные пласты, в сферы внетекстовые. За внешней сюжетной основой встают вопросы религиозно-философские, и главный из них – о сокровенном смысле жизни. Размышления о её мимолётности; сознание того, что каждый неизбежно встретит смерть один на один: «Старая штука смерть, а каждому внове»¹; метафизическое одиночество (космический пессимизм), свойственные складу тургеневского художественного мышления, постепенно преодолевается на путях признания высшей трансцендентной сущности человека. Тургенев уверен, что «только с духовным началом, с идеалами может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление»². Ощущение причастности к всеобщей вселенской гармонии Божьего мира расширяет духовные горизонты личности. Человек не столь трагически ощущает свою «временность» и «конечность», предчувствуя свою родственность чему-то «высшему» и «вечному».

Без образа Божия жизнь безбожна, безобразна и безобразна. Отсутствие веры писатель признавал как неполноценность, ущербность, обделённость и обеднёность личности. Графине Е.Е. Ламберт Тургенев писал: «Да, земное всё прах и тлен – и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру – имеет всё и ничего потерять не может; а кто её не имеет – тот ничего не имеет, – и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим! Но я ещё не теряю надежды» (П.; III, 61). Христианские упования писателя нашли выражение в образах религиозно одарённых людей – таких, например, как Лиза Калитина («Дворянское гнездо»), Лукерья («Живые мощи»), – которых автор создавал с чувством величайшего благоговения. В религиозных переживаниях видит Тургенев источник внутренней силы и нравственной чистоты. Стихотворения в прозе «Христос», «Монах», «Молитва» свидетельствуют о «томлении духа», духовной жажде, потребности писателя в Богообщении: «Только такая молитва и есть настоящая молитва – от лица к лицу» (С.; X, 172).

В «Отцах и детях» проявилось осознание духовной высоты христианского чувства, православной церковной традиции. Соборование нигилиста Базарова в сцене его смерти не выглядит неожиданностью, но – наоборот – подчиняется внутренней художественной логике романа.

Православному Таинству Соборования отведены лаконичные строки внутри единственного абзаца, посвящённого последним мгновениям земной жизни героя. Крайне сдержанно сказано о церковном чинопоследовании христианского напутствия умирающему перед его уходом на суд Божий: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Несмотря на чрезвычайную сжатость (а, возможно, именно благодаря такой немногословности), этот эпизод обращает вдумчивого читателя к скрытым пластам романа, вербально не выразимым в своих сокровенных глубинах. Ассоциативный подтекст христиански высвечивает своеобразие поэтики Тургенева, особенности его художественной манеры «тайного психологизма». Писатель останавливается на пороге не постижимой земным разумом загадки души и Духа, человека и мира, вечной неумирающей жизни.

Очерченный в нескольких словах православный обряд представлен как истинное Таинство – за ним ощущается величайшая тайна. Тургенев пишет о Базарове: «Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди,

один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрогание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» (7, 183 – 184). Загадочен этот последний эмоциональный всплеск главного героя. В чём кроется источник «содрогания ужаса» прежде бесстрашного нигилиста – титанической личности, отвергавшей Бога и отрицавшей бессмертие, самоуверенно бросающей вызов Провидению?

Д.И. Писарев – идейный вождь русского нигилизма, – анализируя сцену смерти Базарова, утверждал, что тот «не струсил», «не изменил себе», «не оплошал»³. Герой, который умеет умирать «спокойно и твёрдо», не отступит перед препятствием и не струсит перед опасностью, – резюмирует критик. Он недалёк от истины, расценивая сцену смерти Базарова как апофеоз романа, хотя в угоду тенденциозной односторонности интерпретирует эту сцену в революционно-нигилистическом смысле: «Нигилист остаётся верен себе до последней минуты».

Тургеневский герой действительно держался стоически-мужественно в течение своей предсмертной болезни. Однако Писарев, по всей видимости, преднамеренно не пожелал отметить и обошёл молчанием тот факт, что в последние мгновения жизни при Соборовании неустрашимый Базаров испытал не просто страх, но неопишущий ужас. Современные исследователи до сих пор теряются в догадках. «Что это? Запоздалое раскаяние? Или, наоборот, бунт атеистической души?»⁴ – задаётся вопросами Ю.В. Лебедев. Объяснений нельзя искать вне сложной динамики связей тургеневского творчества с религиозно-нравственными основаниями русской культуры, с традициями христианской духовности.

Согласно православному катехизису, Соборование – одно из семи церковных Таинств, в котором «при помазании тела елеем призывается на больного благодать Божия, исцеляющая немощи душевные и телесные»⁵. Таинство уходит корнями в Священное Писание, имеет Богоустановленный характер и берёт своё начало с апостольских времён. В Евангелии от Матфея сказано, что Сам Христос послал Апостолов на благодатное делание телесного и духовного врачевания: «И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10:1). Это был не только величайший дар, но и задание. Господь заповедал Апостолам: «Больных исцеляйте, прокажённых очищайте, мёртвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8). Ученики Христа, получив «власть над нечистыми духами» (Мк. 6:7), «пошли и проповедовали покаяние; Изгоняли многих бесов и многих больных мазали маслом и исцеляли» (Мк. 6:12, 13). Апостолы передали это Таинство церковным священнослужителям. В Соборном послании святого Апостола Иакова говорится: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазавши его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5:14, 15).

Согласно христианскому вероучению, большинство болезней физических являются следствием греха, тогда как сам грех – болезнь духовная. Таким образом, кроме телесного исцеления, в Таинстве Соборования прежде всего молитвенно испрашивается врачевание души больного, отпущение его грехов.

Определение, представленное в примечаниях к роману в Полном собрании сочинений Тургенева: «Соборование – церковный обряд у постели

тяжело больного или умирающего с помазанием его тела елеем» (7, 469), – не совсем корректно. С точки зрения катехизиса, Таинство может совершаться не только над страдающими от тяжёлых телесных недугов или умирающими. К Соборованию, испросив благословения, могут приступать все православные христиане, достигшие семилетнего возраста. При этом они не обязательно должны быть подвержены телесным немощам. Такое состояние души, как уныние, признаваемое смертным грехом, скорбь, отчаяние, даже называемая пушкинскими словами «русская хандра» и т.п., – может быть следствием нераскаянных грехов, не осознаваемых самим человеком. В этих случаях также прибегают к благодатной душеспасительной силе Таинства. Существуют традиции совершения общего Соборования и над больными, и над здоровыми людьми в дни Великого поста на Крестопоклонной или на Страстной Седмнице, вечером перед Великим Четвергом или Великой Субботой.

Таинство Елеосвящения в обиходе именуется Соборованием, поскольку, согласно уставу Церкви, его полагается совершать семи священникам (собору священнослужителей). Число семь – сакральный знак Церкви и её полноты. Само чинопоследование Таинства состоит в прочтении семи различных отрывков из Апостола и Евангелия, повествующих о покаянии, об исцелении, о необходимости веры и упования на Бога, о сострадании и милосердии. Церковь также допускает совершение Таинства тремя, двумя и даже одним священником – с тем, чтобы он совершал его от лица собора иереев, совершая все молитвы, чтения Священного Писания и семикратно помазывая елеем болящего⁶. Соборование допустимо не только в храме, но и в домашних условиях.

Основные моменты видимой составляющей Таинства Елеосвящения (Соборования) – семикратное помазание освящённым елеем (оливковым маслом) частей тела больного (лба, ноздрей, щёк, губ, груди и рук); каждое из семи помазаний предваряется чтением Священного Писания, молитвой об исцелении болящего и о прощении его грехов. Непосредственно при помазании читается молитва веры; на голову приступившего к Соборованию возлагается Евангелие вниз письменами; в заключение читается разрешительная молитва от грехов.

Внешняя обрядовая сторона священнодействия в то время, когда создавался роман, была известна каждому православному. Возможно, поэтому автору не представлялось необходимым изображать картину Соборования Базарова во всех деталях. В то же время Тургеневу в свойственной ему манере писательской деликатности и человеческой чуткости удалось прикоснуться к сокровенной сущности Таинства, его духовному наполнению. Невидимое действие благодати Божьей, подаваемой в Таинстве Елеосвящения, заключается в том, что соборующемуся прощаются забытые и даже не осознаваемые им грехи; он получает духовное подкрепление и очищение.

В романе «Отцы и дети» приходской священник, совершая Таинство от лица собора, по всей видимости, строго придерживается развёрнутого канонического чинопоследования. Об этом свидетельствуют упомянутые выше слова Тургенева: «Отец Алексей совершил над ним обряды религии» (7, 183). Важно обратить внимание на форму множественного числа: «обряды». Для адекватного постижения смысла эпизода необходимо учесть, что Соборование тесно соединяется с другими православными Таинствами – Покаянием (исповедью) и Причащением Святых Христовых Тайн. Если Соборование совершается дома у больного или умирающего, то вначале следуют Исповедь и Причащение. Следует подчеркнуть, что Причастия не бывает без покаянной

исповеди. В то же время исповедаться человек может, только находясь в здравом уме и твёрдой памяти. Единственное требование Церкви, напутствующей умирающего, чтобы тот находился в сознании. Над больными в бессознательном состоянии Причащение не совершается. В то же время у каждого правила есть исключения. Базаров в утешение отцу говорит: «ведь и беспмятных причащают» (7, 180).

Текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедал ли свои грехи Базаров перед кончиной. «Базарову уже не суждено было просыпаться, – резюмирует Тургенев. – К вечеру он впал в совершенное беспмятство, а на следующий день умер» (7, 183). И только затем следует авторское замечание о совершении предшествующих смерти религиозных обрядов. Поэтому, обращаясь к реконструкции действия, нельзя отрицать и такого, например, развития событий, что Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответив: «Каюсь» – на вопрос духовника: «Каешься?».

Прямая христианская обязанность родных и близких смертельно больного – своевременно дать ему возможность православного напутствия перед кончиной. Этот мучительный родительский долг пытается с честью исполнить Василий Иванович Базаров – истинный православный христианин. Будучи опытным лекарем и наблюдая за симптомами в развитии болезни, он тревожится о том, чтобы сын успел через Таинство Причащения осознанно приобщиться к спасительной силе жертвы Христа на Голгофе. Мука, терзающая старика-отца, теряющего единственного сына и призывающего его к душеспасительному Таинству, столь велика и особенна, что Василий Иванович начинает выражаться несвойственным ему высоким слогом, изумляющим Базарова. Сын невольно отвечает отцу в том же стиле, что ещё более подчёркивает неординарность происходящего:

«– Евгений! – произнёс он, наконец, – сын мой, дорогой мой, милый сын!

Это необычайное воззвание подействовало на Базарова... Он повернул немного голову и, видимо, стараясь выбиться из-под бремени давившего его забытья, произнёс:

– Что, мой отец?» (7, 180).

Опустившись на колени, набожный старик умоляет Базарова позаботиться о спасении души перед уходом в вечность: «Евгений, тебе теперь лучше; ты, Бог даст, выздоровеешь; но воспользуйся этим временем, утешь нас с матерью, исполни долг христианина! Каково-то мне это тебе говорить, это ужасно; но ещё ужаснее... ведь навек, Евгений... ты подумай, каково-то...

Голос старика перервался, а по лицу его сына, хотя он и продолжал лежать с закрытыми глазами, проползло что-то странное» (7, 180).

Мастер «тайной психологии» – Тургенев не называет движения души, вызвавшего такую необычную, вербально не определяемую реакцию. В то же время здесь отчётливо ощутим намёк на запредельность происходящего – в предчувствии инобытия.

Базаров не внял мольбе отца. Однако важно, что он не отказывается от Таинства в принципе и выражает готовность принять его позднее. Фактически Базаров даёт разрешение обеспечить возможность совершения над ним священнодействия, даже если он впадёт в беспмятство:

«– Я не отказываюсь, если это может вас утешить, – промолвил он наконец, – но мне кажется, спешить ещё не к чему. Ты сам говоришь, что мне лучше.

– Лучше, Евгений, лучше; но кто знает, ведь это всё в Божьей воле, а исполнивши долг...

– Нет, я подожду, – перебил Базаров. – Я согласен с тобою, что наступил кризис. А если мы с тобой ошиблись, что ж! ведь и беспамятных причащают» (7, 180).

Отец – бывший полковой лекарь – и его сын-медик говорят на профессиональном языке о течении болезни. В то же самое время речь идёт о необходимости духовного врачевания врача Базарова. Православное Таинство, не отменяя физических законов, духовно поддерживает болящего, оказывает ему благодатную душеспасительную помощь.

Таким образом, нельзя однозначно судить об абсолютном атеизме Базарова, чтобы не погрешить против художественной истины романа. Вовсе не случайно Герцен усмотрел в этом эпизоде, а также в заключительных словах финального реквиема «о вечном примирении и о жизни бесконечной» (7, 188) опасный, с точки зрения революционера и атеиста, «мистицизм». По прочтении «Отцов и детей» Герцен писал Тургеневу: «Requiem на конце – с дальним апрошем к бессмертию души – хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» (7, 468). Анализ заключительных глав и эпилога «Отцов и детей» также привёл советского литературоведа М.К. Азадовского ещё в 1935 году к догадке о том, что Тургенев изобразил атеиста Базарова перед смертью раскаявшимся и примирившимся с «небом»⁷. Впрочем, эта крамольная для того времени мысль была немедленно полемически опровергнута с точки зрения господствовавших вульгарно-идеологических марксистско-ленинских установок.

О примирении с «небом», преодолении трагического конфликта человека с быстротечностью земной жизни Тургенев размышлял на протяжении всего творческого пути. Уже в первом романе «Рудин» (1855) герой – вечный бесприютный странник – выстрадал в конце пути истину: «Смерть, брат, должна примирить наконец...». Церковный образ потухающей лампы в финальном монологе Рудина: «уже всё кончено, и масла в лампаде нет, и сама лампада разбита, и вот-вот сейчас догорит фитиль...» (5, 319) – как символ уходящей жизни – отзывается в сцене последней встречи Базарова с Одинцовой.

Героиню можно было бы назвать «дама в трауре»: в первый раз она появляется в романе на балу у губернатора как незнакомка «высокого роста в чёрном платье» (7, 68); перед смертельно больным Базаровым она предстаёт как «дама под чёрным вуалем, в чёрной мантилье» (7, 180). Здесь завуалирован приём предвещения: с Одинцовой связаны любовь и смерть Базарова. Для него Анна Сергеевна, как и княгиня Р. для Павла Петровича Кирсанова, – таинственная женщина-сфинкс, мистически связанная с роковыми силами любви и смерти. В княгине Р., пишет Тургенев, «всё ещё как будто оставалось что-то заветное и недоступное, куда никто не мог проникнуть. Что гнездилось в этой душе – Бог весть! Казалось, она находилась во власти каких-то тайных, для неё самой неведомых сил; они играли ею, как хотели» (7, 31). Незадолго до смерти загадочная возлюбленная Павла Петровича передала ему кольцо со сфинксом, «провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка» (7, 32). Крест, крестное знамение объединяют судьбы героев; участь старшего Кирсанова проецируется на судьбу Базарова.

Англоман Павел Петрович уехал за границу, но в эпилоге мы видим его «в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится и начнёт почти незаметно креститься...» (7, 187). Всё дорогое для него похоронено, и сам

он живой мертвец. Тургенев пишет: «Павел Петрович помочил себе лоб одеколоном и закрыл глаза. Освещённая ярким дневным светом, его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца... Да он и был мертвец» (7, 154).

«Это всё равно, что класть венки из цветов на голову мертвеца» (7, 165), – с горечью говорит Базаров Одинцовой, которая отвергла его страсть, но призналась в дружеском расположении.

Брат старшего Кирсанова Николай Петрович ещё ранее замечал: «Да, брат; видно, пора гроб заказывать и ручки складывать крестом на груди» (7, 46).

Финал романа увенчивают «серые деревянные кресты» на сельском кладбище «в одном из отдалённых уголков России», где похоронен Базаров (7, 188).

Так снимается конфликт поколений. И отцы, и дети, и все новые поколения людей под сенью креста идут одной дорогой к завершению земной судьбы и к жизни вечной. Устами Аркадия Тургенев говорит о нескончаемом круговороте неумирающей жизни: «сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полётом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мёртвое – сходно с самым весёлым и живым» (7, 121). О том же размышляет отец Аркадия, мысленно представляя себе покойницу-жену «молодую девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученную косой над детскою шейкой. <...> те сладостные, первые мгновенья, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?» (7, 55).

Душа сродни высшему идеалу, и потому она томится в своей земной ограниченной обители, не довольствуется ею. Анна Сергеевна говорит Базарову об этом «томлении духа», извечной человеческой тоске по идеалу, о вечном стремлении к счастью и о его недостижимости: «Мы говорили с вами, кажется, о счастье. <...> Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего всё это кажется скорее намёком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это?» (7, 96).

Перед лицом Провидения ничего не значат ни возраст, ни красота, ни знатность, ни богатство, ни власть, ни политические пристрастия, ни прочая земная суэта. Нигилист и его политический противник оказались равны и одинаково незащитны: «И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет». Этот финальный мотив пушкинской поэмы «Цыганы», пренебрежительно отвергаемой Базаровым, как и всё остальное «художество», всё более явственно и трагически звучит в подтексте романа.

Духовная сторона жизни, с которой самонадеянно пытался вести внутреннюю борьбу «титан» Базаров, культивируя в себе непримиримую враждебность и даже ненависть к проявлениям духовности, одержала над ним верх. Гипернигилист, отрицавший высшие ценности, любовь, искусство, душевные порывы как «чепуху», «гниль», «романтизм», в конце жизни по сути становится экс-нигилистом. Называя себя «самоломаным», он уже не стыдится открыть одухотворённого романтика в самом себе. Герой не подавляет движений своего сердца, признавая тем самым существование высшей духовной силы, над которой никто не властен. Человек, объясняет христианский философ В.В. Зеньковский, «открывает в себе глубину неисследимую, находит в себе целый мир»; «духовность загадочно сочетается с тварностью, но всё же она есть средоточие, живая сердцевина человека, истинный центр («реальное Я»), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро»⁸.

Новое для Базарова духовно-душевное состояние проявляется в строе его речи, слове, которое (по Гоголю) «есть высший подарок Бога человеку»⁹. Герой невольно начинает изъясняться в стиле влюблённых рыцарей, трубадуров, миннезингеров, которых он некогда зло высмеивал как сумасшедших безумцев. «Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...» (7, 183), – обращается он к даме своего сердца. Базаров умирает с любовью, призывая к себе «благодать» (так переводится имя Одинцовой – Анна), просветляющую в его душе внутренние силы.

Ассоциируя себя с «лампадой», Базаров обнаруживает свою внутреннюю причастность православной церковной традиции, родственность ей на генетическом уровне. Очнувшись от «тяжёлой, полузабывчивой дремоты», умирающий герой, «с усилием раскрыв глаза, увидел над собою при свете лампадки бледное лицо отца» (7, 176). В «будущем лекаре и лекарском сыне» оживает «дьячковский внук». Об этой связи в цепи поколений Базаров не забывал: «Ведь ты знаешь, что я внук дьячка?..» – многозначительно напоминал он Аркадию (7, 76). И даже «осведомился однажды об отце Алексее» (7, 170), что вовсе не вписывается в нигилистические установки.

Тургеневский текст не даёт оснований говорить о полном «угасании» символической «лампады». Последнее, что видит Базаров своим земным зрением, – это благодатные свет и огонь: святые образа с неугасимыми лампадами, горящие перед иконами свечи, воскурение ладана в кадилнице.

Думается, не случайно автор с его обострённой художественной интуицией пишет об умирающем Базарове: «один глаз его раскрылся». Писатель в сцене Соборования сумел уловить сам момент перехода героя в вечность: один глаз ещё может обозреть земное, другой уже закрыт навеки. Что представилось внутреннему зрению героя, что увидел он своими «духовными глазами» (это не только пушкинское выражение, но и богословское, святоотеческое) и что пережил в момент умирания, когда приоткрывшаяся в последний миг завеса позволила ему взглянуть за пределы земной жизни? И отчего в его лице возникло выражение ужаса? Был ли он поражён величиим непостижимой тайны, явившейся ему во всей полноте и навеки низвергающей нигилистическую теорию абсолютного «ничто»; встретил ли он то, чего не ждал, о чём не думал, что отвергал и во что не верил? При Соборовании, видимо, в умирающем уже теле он совершил какое-то громадное открытие о жизни духовной, ужаснувшее его самого.

Безбожные установки надменно-теоретизирующего сознания исподволь, незаметно для героя разрушали светлые стороны его личности. Демонических проявлений натуры Базарова в тот период, когда он расценивал себя как нигилиста и атеиста, можно насчитать в романе немало. Окружающим он внушал безотчётный страх. В глазах матери, неотступно обращённых на сына, «виднелась и грусть, смешанная с любопытством и страхом, виднелся какой-то смиренный укор» (7, 124). Одинцова испытывала инстинктивную боязнь перед его зверским, животным началом: «Она задумывалась и краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (7, 100); «“Я боюсь этого человека”, – мелькнуло в её голове» (7, 98). Ученик Базарова «бланманже» Аркадий также пережил минуты страха перед своим идейным наставником, когда в шуточной ссоре от него вдруг повеяло нешуточной опасностью: «Что подерёмся? – подхватил Базаров. – Что ж? Здесь, на сене, в такой идиллической обстановке, вдали от света и людских взоров – ничего. Но ты со мной не сладишь. Я тебя сейчас схвачу за горло...»

Базаров растопырил свои длинные и жёсткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах, что он почувствовал невольную робость...» (7, 121 – 122). Злое начало готово выплеснуться в любой момент, беспричинно, бессмысленно, и от того особенно страшно. В предсмертном бреду Базарову виделось нечто inferнальное: «Пока я лежал, мне всё казалось, что вокруг меня красные собаки бегали» (7, 177).

Так, быть может, Соборование Базарова, ужаснувшегося в пограничный момент между жизнью и смертью, соединилось с обрядом изгнания беса – экзорцизмом, в народе именуемом «чертогон»?

Обо всём этом можно только догадываться. Тургенев оставляет читателя на пороге не разрешимой в пределах земного бытия загадки, ибо «тайна сия велика есть». Бесспорно одно: герой в последнее мгновение умирания, перехода по ту сторону бытия пережил трансцендентное состояние, неизмеримое узкими мирскими мерками, неподвластное земному разуму, неподдающееся рациональным мотивировкам.

Таинство окончательно выводит Базарова из конкретно-чувственного, вульгарно-материалистического, обыденно-бытийного состояния в план инобытия. Это не есть абсолютное «ничто», «темнота», как думалось ранее Базарову-нигилисту. Тургенев ясно даёт почувствовать, что душа человеческая сопряжена с бесконечностью; в это мгновение с героем происходит нечто невидимое, таинственное и великое.

Сходное переживание перед лицом этой тайны выразил В.А. Жуковский в стихотворении на смерть Пушкина (1837):

*Он лежал без движенья, как будто по тяжкой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мёртвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нём, – в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нём; не сиял острый ум;
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось: что видишь?¹⁰*

В Таинстве предсмертного Соборования человек, очищенный от грехов – и раскаянных, и неосознанных, – вводится в бесконечную жизнь воскресшего Христа. Страдание, умирание и сама крестная смерть в Христовом воскресении явились залогом полноты неумирающей жизни.

Финал тургеневского романа также означен крестом. Из Базарова не «лопух» вырастает, как мнилось бунтующему физиологу, задумавшемуся о сокровенном смысле жизни: «из меня лопух расти будет; ну, а дальше?» (7, 120). Этот трагический вопрос остался тогда без ответа. Но ответ в романе прозвучал ранее: «крест – вот разгадка» (7, 32). На могиле героя возвышается крест, обозначая место, где по православному обряду похоронен христианин. Как символ вечно обновляющейся жизни – «две молодые ёлки» (7, 188), посаженные любящими родителями в «вечную память» о сыне.

Любовь и добро – непреходящие ценности для Тургенева. Размышляя о добре и красоте, писатель отдавал предпочтение добру: «Да одно это слово (доброта) имеет значение перед лицом смерти: всё пройдёт, всё исчезнет, величайший сан, власть, всеобъемлющий гений, всё разлетится прахом...

*Всё великое земное
Разлетается, как дым...*

Но хорошие дела не разлетаются дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. Всё минется, сказал Апостол, одна любовь останется» (С.; VIII, 91).

Молитвы, слёзы и любовь – эта триада святых христианских ценностей венчает тургеневский роман: «Неужели их молитвы, их слёзы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всеильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии “равнодушной” природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...» (7, 188).

Неутолимая духовная жажда веры в Бога и бессмертие, предчувствие «жизни бесконечной...» (7, 188) для людей как детей общего Отца Небесного – последнее упование в романе Тургенева «Отцы и дети».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1978–1988. – Соч.: В 12 т. – Т. 7. – С. 182. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страниц арабскими цифрами.
- 2 Тургенев И.С. Полн. Собр. сочинений и писем: В 28 т. – М.; Л.: АН СССР, 1960–1968. – Письма. – Т. 1. – С. 436. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы – арабской.
- 3 См.: Писарев Д. И. Базаров. «Отцы и дети», роман И. С. Тургенева // Писарев Д.И. Литературная критика: В 3 томах. – Т. 1. Статьи 1859–1864 гг. – Л.: Худож. литература, 1981.
- 4 Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». – М.: Просвещение, 1982. – С. 138.
- 5 Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви / Сост. Святитель Филарет, Митрополит Московский. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – С. 361.
- 6 См.: Православие для всех / Сост. иеромонах Харитон (Просторов). – Кострома, 2008. – С. 284 – 290.
- 7 См.: Азадовский М.К. Об одном сюжетном совпадении: «Смерть атеиста» в романе Омулевского и у Ипполита Тэна // 45 лет академику Н.Я. Мару: Сб. статей XLV. – М.; Л.: АН СССР, 1935. – С. 589.
- 8 Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М., 1993. – С. 44, 47.
- 9 Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 6. – С. 187.
- 10 Жуковский В.А. < А.С. Пушкин > // Жуковский В.А. Собр. соч.: В 4 т. – М.; Л.: ГИХЛ, 1959 – 1960. – Т. 1. – С. 393.